КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮНЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА[1].

(Историко-критическій очеркъ).

III.

Приступая къ положительному изложенію исторіи острожской школы, мы должны заявить, что располагаемъ очень небольшимъ количествомъ фактовъ, которые давали бы возможность представить связный и послѣдовательный, безъ всякихъ перерывовъ, разсказъ объ ея судьбѣ отъ начала ея существованія до исчезновенія съ исторической сцены.

Острожское училище, открытое въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ XVI ст., было первымъ православнымъ учебнымъ заведеніемъ, способнымъ удовлетворить назрѣвшую къ тому времени въ русскомъ народѣ потребность въ просвѣщеніи, и потому къ нему направилось многочисленное русское юношество, какъ дворянскаго происхожденія, такъ и крестьянскаго[2]). Шли сюда учиться даже изъ Галиціи (Іовъ Княгиницкій) и Литвы (Андрей Рымша). На первыхъ же порахъ оно дало добрые плоды и настолько успѣшно стало осуществлять свою задачу—„размноженіе наукъ вѣры православной", что уже въ 1541 году стало извѣстно съ этой стороны Антонію Поссевину.

Намъ думается, что въ связь съ этими именно внутренними и внѣшними успѣхами острожской школы нужно поставить из-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г. № 5.

[2]) *Susza* o. et. l. c.

вѣстіе, извлекаемое изъ документовъ луцкаго архива, именно—что кн. К. К. Острожскій построилъ въ 1582 г. въ Острогѣ монастырь св. Троицы, завелъ при немъ госпиталь, училище и типографію и въ 1585 г. далъ въ фундушъ м. Суражъ, с. Туровъ, Оносковичи, Ходаки, Зѣньки, другіе Зѣньки, Изерно и Тетеревъ [1]). Такъ какъ типографія и училище существовали, безъ сомнѣнія, и до того, то это сообщеніе нужно понимать такъ, что въ троицкій монастырь они были переведены изъ старыхъ своихъ помѣщеній, что могло обусловливаться тѣснотой послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно думать, внѣшняя связь школы съ монастыремъ отразилась на всемъ строѣ ея жизни.

Въ первыя десять лѣтъ своей ученой и учебной дѣятельности острожскій кружокъ издателей и педагоговъ развилъ свою дѣятельность до того, что предсѣдатель его Гер. Смотрицкій уже могъ (конечно, не de jure) назвать острожскую школу академіей, быть можетъ, мечтая уже, вопреки увѣреніямъ Скарги, о возможности устройства славянской академіи [2]). Къ этому то, вѣроятно, времени относится и свидѣтельство Перестроги: „Зачимъ православіе наше почало было просіявати яко солнце; люди ученые почали были въ церкви Божіей показоватися, учители и строители церкви Божіей и книги друкованые почали множитися: що бачучи св. патріархъ, тымъ частѣй призирати почалъ и дидаскалы мудрыми обсылалъ“ [3]). А что оно должно быть отнесено къ 80-мъ годамъ и что этотъ умственный подъемъ совершилъ кн. Острожскій, доказательствомъ этого и иллюстраціей къ словамъ автора Перестроги можетъ служить цитованный уже нами документъ—письменное обязательство владимирскаго епископа съ капитулой, въ которомъ они заявляли, что рѣшились „за напомненемъ“ кн. Острожскаго устроить школу съ двумя

---

[1]) *Свящ. Сендульскій*, С. Суражъ кремен. уѣзда (Вол. еп. вѣд., 1873, 664). *Н. Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи. II, 665, 666.

[2]) „У nie było ieszcze na świecie, писалъ Скарга въ 1577 г., a ni będzie żadney akademiey, ani kollegium, gdzie by theologia, philozophia y inne wyzwolone nauki inszym (т. е. не латинскимъ или греческимъ) się ięzykiem uczyły y rozumieć mogły“ (П. П. Л., II, 485).

[3]) А. З. Р., IV, стр. 206

„бакалярами", а также завести „двохъ дьяконовъ и дьяковъ двохъ албо трехъ, хлопятъ и спеваковъ килка" и „двохъ казънодѣевъ, для науки и проповеданя слова Божого" [1]). Мы не знаемъ ни дальнѣйшей судьбы владимирской школы, ни вообще практическихъ послѣдствій означенной записи [2]), но дѣло теперь не въ этомъ, а въ самомъ содержаніи документа, который, свидѣтельствуя объ оживленіи церковной жизни въ одномъ изъ подвластныхъ кн. Острожскому городовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ видѣть, что у насъ уже въ 1588 г. явилась возможность имѣть людей „наученыхъ" въ славянскихъ и греческихъ наукахъ и способныхъ учить другихъ. Эту возможность, безъ сомнѣнія, дала острожская школа (львовская школа была еще очень молода и городъ Владиміръ пока еще не входилъ въ среду ея вліянія), какъ она-же, конечно, могла удовлетворить и другую явившуюся въ то время потребность—въ хорошихъ проповѣдникахъ.

Но высшій расцвѣтъ острожскаго училища былъ уже и началомъ его паденія. Въ началѣ 90-хъ годовъ оно замѣтно ослабѣло научными силами и средствами. Составъ его преподавателей, восполнявшійся обыкновенно греческими дидаскалами, теперь сильно сократился, и уже 1 дек. 1592 г. кн. Острожскій въ письмѣ къ львовскому братству жаловался на недостатокъ учителей и великій умственный голодъ. Въ то же время въ письмѣ къ своему родственнику, владимирскому и брестскому епископу Ипатію Потѣю (1593 г.), онъ сѣтовалъ на общій упадокъ православнаго просвѣщенія,—на то, что „устали учители, устали проповедачи слова Божого, устали науки, устали казанья". Подъ вліяніемъ, между прочимъ, этой мысли онъ готовъ былъ даже присоединиться къ вновь обнаружившемуся тогда стремленію къ соединенію съ Римомъ. Посылая Потѣю, одному изъ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, № 55.

[2]) Едва ли преемникъ еп. Лазовскаго, въ руки котораго, по документу, должны были перейти чрезъ три года всѣ имѣнія, назначенныя на школу, проповѣдниковъ, благоустройство соборной церкви, способенъ былъ поддержать все это. А м. Макарій сомнѣвается даже, чтобы самъ Лазовскій могъ принести такую жертву, какъ отдача нѣсколькихъ имѣній (Исторія русской церкви, IX, 445).

выразителей этого стремленія, условія уніи, князь Острожскій въ числѣ ихъ помѣстилъ оставленіе за русскими права (и обязанности) „закладанья школъ и наукъ вольныхъ, а звлаща, для цвиченья духовнымъ... же быхмо мѣли учоные презвитеры и казнодѣи добрые: бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіянство въ нашихъ духовныхъ умножилося“ [1]). Но скоро онъ увидѣлъ тщетность надежды на помощь нашему просвѣщенію изъ Рима и опять сталъ искать средствъ къ упорядоченію церковной жизни и къ развитію просвѣщенія—на Востокѣ.

При константинопольской каѳедрѣ въ то время находился въ качествѣ протосингела Никифоръ, „мужъ, исполненный всякой науки, въ богословіи духовной и внѣшней бѣглый“ [2]). Давно его знавшій кн. Острожскій пригласилъ его теперь въ свою школу въ надеждѣ поднять ее при его помощи на подобающую высоту [3]). Никифоръ прибылъ въ Острогъ въ серединѣ 1596 г., но учительствовать здѣсь ему пришлось недолго: въ октябрѣ онъ предсѣдательствовалъ на брестскомъ соборѣ, а еще черезъ полгода былъ заключенъ въ маріенбургскій замокъ, по обвиненію въ шпіонствѣ... Формальное провозглашеніе брестской уніи положило также конецъ и школьной дѣятельности въ Острогѣ Кирилла Лукариса, другаго грека, прибывшаго сюда нѣсколько ранѣе Никифора (подробнѣе о нихъ будетъ сказано ниже).

Острожской школѣ грозило совершенное паденіе. Въ это то время въ судьбахъ западнорусской церкви и русскаго просвѣщенія принялъ участіе антіохійскій патріархъ Мелетій Пигасъ. Ему было извѣстно, что западнорусское духовенство почти лишено средствъ получать образованіе, а Кириллъ Лукарисъ могъ сообщить ему и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ очути-

---

[1]) П. П. Л., III, 583. 587 (id. A. Z. P., IV, № 45).

[2]) А. Ю. и З. Р., I, № 210 (id. Monum. confrat. Leopol., I, № 256).

[3]) Безъ сомнѣнія, Никифоръ былъ приглашенъ въ Острогъ еще задолго до указываемаго нами времени, лѣтъ за 10—15 до того (A. Z. P., IV, стр. 213. Странникъ, 1860, IV, 199, прим. 3), и тогда же изъявилъ согласіе быть здѣсь дидаскаломъ. Теперь, очевидно, онъ вторично былъ приглашенъ княземъ, иначе трудно допустить, чтобы онъ вздумалъ исполнить безъ новаго зова такъ давно данное имъ обѣщаніе.

лась острожская школа. И вотъ патріархъ шлетъ въ 1597 г. на Русь нѣсколько посланій, въ которыхъ убѣждаетъ завести епархіальныя училища—для образованія духовенства главнымъ образомъ. Князя же Острожскаго п. Мелетій просилъ прибавить ко всѣмъ трудамъ своимъ для истины и устройство школы, этой наилучшей ограды благочестія; а его казначею патріахъ внушалъ напоминать князю объ устроеніи училища и типографіи [1]).

Неизвѣстно, какъ отозвался К. К. Острожскій на убѣжденія п. Мелетія. Возможно однако, что благодаря имъ именно онъ вознамѣрился преобразовать свое училище въ академію, намекъ на каковое намѣреніе мы можемъ уже усматривать въ поэмѣ Пенкальскаго („Прими начатки, быть можетъ послѣдуетъ большее...“), но къ осуществленію котораго было приступлено позднѣе: свидѣтельство объ этомъ Іосифа Рутскаго относится къ 15 февраля 1603 года. По его же словамъ, въ проектированную академію стали стремиться юноши даже изъ римской аѳанасіевской коллегіи, въ которой „сосредоточена была вся греческая наука“. Но, быть можетъ, потому именно, что въ самой Греціи въ то время трудно было найти ученаго человѣка даже со свѣчей, какъ иронизируетъ Рутскій [2]), проектъ кн. Острожскаго не былъ осуществленъ, хотя, повидимому, тогда же были выстроены особыя зданія для академіи [3]).

Одновременно съ этимъ К. К. Острожскій проявлялъ заботливость о развитіи русскаго просвѣщенія въ православномъ духѣ и въ другихъ формахъ. 10 дек. 1602 г. его „повелѣніемъ“ вышла изъ острожской типографіи „книжица часословъ глаголемая,

---

[1]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, №№ 18, 22, 23. П. Мелетію, конечно, было извѣстно о существованіи въ Острогѣ училища съ типографіей, и потому онъ говоритъ не объ устройствѣ новыхъ, а объ благоустроеніи упавшихъ старыхъ. Не правъ потому г. Лукьяновичъ, увѣряющій, что патріархъ требовалъ преобразованія низшей острожской школы въ среднюю съ классическими языками и другими науками (Вол. еп. вѣд., 1881, 823): древніе языки преподавались здѣсь и ранѣе.

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 23.

[3]) О нихъ находится упоминаніе въ „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскаго“, составленномъ въ 1620 г.: „Tamże akademia, szkoły, drukarnia, i insze budowania collegiackie polskie i ruske“... (*Ор. Левицкій*, „Анна-Алоиза, княжна Острожская“, „Кіевск. Стар.“, 1883, 343, прим.).

оученія ради отрочятъ". Въ томъ же году онъ превратилъ дерманскій монастырь въ училищный. Въ немъ и ранѣе монахи не чуждались книги и ученыхъ занятій[1]), теперь же кн. Острожскій реорганизовалъ его въ видахъ спеціальныхъ—преподаванія и развитія наукъ. По его мысли въ дерманскій монастырь могли быть принимаемы только тѣ, кто захотѣлъ бы подчиняться уставу, основнымъ требованіемъ котораго была забота о просвѣщеніи и наукѣ; способные обязывались учиться письменамъ славянскимъ, латинскимъ и греческимъ у лицъ восточнаго исповѣданія[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ князь завелъ здѣсь типографію, начальникомъ которой былъ поставленъ пресвитеръ Даміанъ.

13 февраля 1608 г. скончался Константинъ Константиновичъ Острожскій[3]), поручивъ всѣ просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія и лицъ, къ нимъ приставленныхъ, своему старшему сыну и наслѣднику Янушу, которому отдалъ ихъ въ „дозоръ, опеку и милостивую оборону". Послѣдній, хотя давно уже перешелъ въ католичество, повидимому, не порвалъ всѣхъ связей съ православіемъ: онъ, по свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго „шановалъ" и „величалъ" вѣру своихъ отцовъ и „народъ свой Росскій любилъ"[4]). Это же подтверждаетъ виленское братство въ посвященіи кн. Янушу изданной братствомъ въ 1608 году книги: „Αντιγραφη"[5]). З. Копыстенскій свидѣтельствуетъ, что кн. Янушъ „тестаментъ пресвѣтлого родителя своего сохранилъ", но какъ относился онъ къ училищу—не указываетъ. И нѣтъ никакихъ положительныхъ фактовъ его заботливости о немъ. А отрицательный—есть между тѣмъ. Такъ, утверждая въ 1618 г. суражскую фундацію своего отца, князь

---

[1]) Такъ, здѣсь въ 1599 г. переведена была съ греческаго на славянскій языкъ „Пчела или собраніе стиховъ отъ богодухновеннаго писанія и внѣшнихъ учителей" (Рукоп. Кіево-печерской лаврской библіотеки, № 58).

[2]) П. К. К., IV, стр. 38. Въ этомъ—новое доказательство, что въ самой острожской школѣ преподавались древніе языки.

[3]) Latopisiec *Ierlicza*, 1853. *Голубевъ*, Объяснительные параграфы по исторіи Зап.-русской церкви (Кіев. еп. вѣд., 1893, стр. 99).

[4]) П. П. Л., I, 1139. 1140.

[5]) П. П. Л., III, 1154.

Янушъ доходы съ нея опредѣлилъ только въ пользу церкви и госпиталя, о школѣ не упоминая[1]).

Тѣмъ не менѣе и школа и типографія продолжали существовать и послѣ смерти ихъ фундатора. Изъ типографіи въ 1612 г. вышли двѣ книги—Полууставъ[2]) и Часословъ, изданный съ соблюденіемъ извѣстныхъ критическихъ пріемовъ, именно путемъ сличенія текстовъ, преимущественно греческихъ[3]). И есть указаніе на то, что и теперь сохранялась прежняя связь типографіи съ школой, что знаніе греческаго языка, необходимое для первой, поддерживалось второй. Такъ, „во Острозѣ, во училищи къгреко-словеньскомъ, мѣсяца марта в 23 день, лѣта 1611“ переведена книга Ѳеодора Авукара, писателя IX вѣка, съ посвященіемъ перевода архим. Исаіи Балабану: „Книга блаж. Феодора, нарицаемаго Авукара, епископа Карійскаго, противу различныхъ еретиковъ, іюдей же и срацынъ, ново отъ еллинскаго языка на славенскій единымъ отъ спудеовъ училища острозскаго грекословенскаго преведена“[4]).

Дальнѣйшія упоминанія объ острожской школѣ мы находимъ въ цитованномъ выше „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскихъ“ (1620) и въ Виршахъ на смерть гетмана Сагайдачнаго (1622 г.). Здѣсь говорится о кн. Острожскихъ, что они

...„ся въ наукахъ кохали,
„На школы маетностій много фундовали,
Абы ся млодь въ Наукахъ уцтивыхъ цвичила.
Церкви, и тыжъ Ойчизнѣ пожитечна была.
Дай Боже, бы тая тамъ Фундація трвала:
Жебы ся оттоль Хвала Божія помножала“[5]).

Но желаніе автора Виршей не исполнилось. Переходъ Острога въ руки ярой католички Анны-Алоизы Ходкевичевой (до-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 273.

[2]) Вопросы Ельвино-Россійскіе, Супрасль, 1715 г., стр. 72 73. 104—106.

[3]) „И то тежъ вѣдати маешъ, иже въ томъ выданью зводу грецкого найболше наслѣдовано“, говорятъ издатели его (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс. 1888, I, 67, прим.).

[4]) „Похвала Исаіи Балабану 1611 г.“—Чт. въ Общ. Нестора Лѣтописца, VIII, отд. III, Матеріалы, стр. 33. 37 (см. также *Строева* Описаніе рукописей Царскаго, № 668).

[5]) *Голубевъ*, Исторія кіевской духовной академіи, прилож. стр. 29.

чери кн. Алекс. Конст. Острожскаго) очень скоро отразился на положеніи здѣсь православія вообще и православнаго просвѣщенія въ частности. Уже въ 1623—4 г. мы видимъ сына одного изъ острожскихъ священниковъ Подвысоцкаго въ виленской школѣ[1]): очевидно, что мѣстная школа, претендовавшая нѣкогда на званіе академіи, или прекратила уже свое существованіе, или, лишенная средствъ, превратилась въ низшее училище. Одновременно съ этимъ (въ 1624 г.) княгиня основала въ городѣ іезуитскую коллегію, какъ разсадникъ католическаго просвѣщенія, съ общежитіемъ для бѣдныхъ дворянскихъ юношей. На содержаніе коллегіи она записала цѣлый Княгининскій ключъ, состоявшій изъ десяти селъ, къ которымъ въ 1626—7 г.г. присоединила еще нѣсколько деревень[2]). Въ 1640-мъ же году Анна-Алоиза отдала коллегіи св.-троицкій монастырь и всѣ его суражскія имѣнія[3]). Если справедливо, что въ 1640 г. въ Острогѣ печаталась книга Никона Черногорца[4]), то можно допустить, что до этого года въ монастырѣ существовала типографія, а можетъ быть, и школа.

IV.

Изъ той массы „розличныхъ любомудрцовъ“, которые, по свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго, украшали дворъ князя Острожскаго, до насъ дошли имена очень немногихъ и изъ нихъ далеко не всѣмъ мы имѣемъ право приписать учительство въ острожской школѣ или хотя бы болѣе или менѣе близкое отношеніе къ ней. Но такъ какъ и совершенно отрицать участіе

---

[1]) Рукописная книга Аѳ. Мисловскаго—Рукоп. Кіево-печер. библ., № 20 дополн., л. 102.

[2]) *Stebelski*, Przydatek do chronologii ks. Ostrogskich, III, 137, 138. *Н. Теодоровичъ*, Опис. волын. епархіи, II, 646. 647. Вол. еп. вѣд., 1868, №№ 55. 56. Kraj, 1891, № 44, str. 21.

[3]) Вол. еп. вѣд., 1873, 664. 665; 1883, 697. Kraj, 1891, № 26, str. 20.

[4]) *Максимовичъ*, Книжная старина южнорусская (Временникъ Москов. общ. исторіи и древн. россійскихъ, I, 1849, 7). *Wiszniewski*, Historya literatury polskiej VIII, 414. *Головацкій*, Дополненіе къ Очерку библіографіи Ундольскаго (Зап. Имп. академіи наукъ, XXIV, прилож. № 3, стр. 10).

большинства изъ нихъ въ трудахъ по устройству ея и преподаванію въ ней, какъ дѣлаетъ это г. Лукьяновичъ, мы не можемъ уже въ силу того нашего воззрѣнія, по которому острожская школа была среднимъ учебнымъ заведеніемъ, или, употребляя тогдашнюю терминологію, „школой вызволеныхъ наукъ“, и такъ какъ для насъ должны быть дороги имена людей, которые, быть можетъ, создали нашу западнорусскую образованность,— то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Первымъ ректоромъ острожской школы называютъ *Герасима Данилова Смотрицкаго*. Хотя мнѣніе это основывается на болѣе позднемъ свидѣтельствѣ Суши[1]) и не находитъ подтвержденія въ „Obronie Veriticaticy“ (1621 г.), авторомъ которой считается сынъ Герасима—Мелетій Смотрицкій, хотя и былъ поводъ сказать объ этомъ[2]),—его совершенно отвергнуть нельзя: замѣтка Г. Смотрицкаго: „писано у академіи Острозстѣй“ заставляетъ думать, что онъ имѣлъ близкое отношеніе къ училищу.

До своего вызова въ Острогъ Гер. Дан. Смотрицкій былъ городскимъ писаремъ въ Каменцѣ Подольскомъ и пользовался громкой извѣстностью ученаго[3]), что и побудило кн. Острожскаго пригласить его къ себѣ для работъ по изданію Библіи[4]).

---

[1]) „Dux Ostrogiensis .. videns dictum Erasmum Smotrycki, vicecapitaneum Camenecensem, eruditionis Ruthenos inter haud spernendae, authoritate sua tantum apud eum perfecit, ut relicto publico honore, (jus) gymnasij Rectorem subierit“ (Saulus et Paulus, 15. 16) Нужно однако замѣтить, что Суша относитъ основаніе училища и, слѣдовательно, ректуру Г. Смотрицкаго къ 90-мъ годамъ XVI ст. и потому уже сильно подрываетъ свое свидѣтельство.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

[3]) Нѣкій современный Г. Смотрицкому польскій историкъ назвалъ его „umiejętnym w naukach greckich, łacinskich i języku słowiańskim“ (Вол. еп. вѣд., 1881, 853). А Суша впослѣдствіи охарактеризовалъ его, какъ человѣка прекрасныхъ нравовъ и великой учености, ибо онъ былъ свѣдущъ въ латинскихъ, греческихъ и славянскихъ наукахъ, доказательствомъ чего служитъ его весьма полезная для всей Руси дѣятельность при переводѣ Библіи съ греческаго и латинскаго языковъ на славянскій (о. с., 14).

[4]) Неизвѣстно, когда это произошло. Возможно, что еще до 1576 г., если правдоподобно сообщеніе м. Евгенія: „Въ 1576 г. при К. Острожскомъ упоминается подскарбій Гер. Дан. Смотрицкій (Словарь писателей духовнаго чина, I, 96). Извѣстіе это, повидимому, находится въ связи съ Кенпеновскимъ сообщеніемъ, по ко-

Гдѣ онъ получилъ образованіе—не знаемъ; вѣроятно, у домашнихъ учителей: самъ онъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Библіи, что никогда не видѣлъ училища. Относительно общаго характера его дѣятельности въ Острогѣ мы имѣемъ свидѣтельство автора извѣстнаго памфлета на Мелетія Смотрицкаго: „Бысть въ та времена во Острозѣ мужъ именем Герасимъ, сынъ Даниловъ, Подолинникъ, з Смотрески, благочестивая мудрствуя и многу помощу и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писанми своими подая“ [1]).

Изъ такихъ „Писаній“ Г. Смотрицкаго, кромѣ предисловія къ Библіи, тоже имѣющаго отчасти полемическій характеръ, извѣстенъ „Ключъ царства небеснаго“ (1587 г.) [2]), являющійся отвѣтомъ на сочиненіе Бенедикта Гербеста, ректора ярославской іезуитской коллегіи: „Wiary kościoła Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa Historya: dla jedności“. Захарія Копыстенскій даетъ видѣть, что у Гер. Смотрицкаго было еще одно сочиненіе. Сказавши въ своей „Палинодіи“ о деморализаціи тогдашняго православнаго духовенства, Копыстенскій продолжаетъ: „На што часовъ тамтыхъ пожилый годной памяти мужъ Гер. Дан. Смотрийскій поглядаючи а справы духовныи, ажъ наддеръ въ занедбане пущеніи, имъ далѣй, тимъ въ горшій нерядъ приходячіи видячи, въ конецъ обаченяся, ачъ не куншговнимъ, еднакъ вѣршемъ Росскимъ на непорядніи хиротонизанты и ихъ рукополо-

---

торому къ концу Апостола львовской печати 1574 г. приложена была королевская привилегія, подписанная кн. Вас. Острожскимъ и справщикомъ „подскарбіимъ Гер. Дан. Смотрицкій“ (Ср. *Ундольскій*, Очеркъ славяно-русской библіографіи, № 74). Но Петрушевичъ дѣлаетъ такую поправку къ нему: „та ссылка (Ундольскаго) на Кеппена невѣрна, ибо она относится до изданія Апостола, напечатаннаго, вѣроятно, въ Вильнѣ ок. 1576“. (Хронолог. роспись церковныхъ и мірскихъ рус.-слав. книгъ, стр. 114). Мы искали означенной привилегіи въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ Апостоловъ 1574 и 1576 гг. и не нашли.

[1]) Кіев. еп. вѣд., 1875, 564.

[2]) „Ключъ“ перепечатанъ по частямъ во II томѣ „Мелетія Пигаса“ и въ Арх. Ю.-З. Р., I, VII. Въ предисловіи къ послѣдчему изданію г. Голубевъ доказываетъ, что извѣстное до того сочиненіе Смотрицкаго—„Календарь римски новы“ (*Каратаевъ*, № 116) есть только часть цѣлаго произведенія—„Ключъ царства небеснаго“.

женцы волалъ и нарекалъ“ [1]). До насъ не дошло это стихотворное обличительное произведеніе Г. Смотрицкаго, но что его „вѣршъ“ дѣйствительно не былъ „кунштовнимъ“, доказательствомъ этого можетъ служить его „двострочное согласіе“, помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ къ Библіи и такъ начинающееся:

„Всякаго чина православный читателю
Г-ду Б-гу благодареньe воздаймо яко благодателю...“

Оно представляетъ похвалу кн. Острожскому, „которымъ явилась всесвѣтлыхъ писаній неизглаголанная сладость“ и котораго оно сравниваетъ съ св. Владимиромъ и Ярославомъ мудрымъ:

„Владимеръ бо свои народъ крещеньемъ просвѣтилъ,
Константинъ же богоразумія писаніемъ освѣтилъ“ и т. д.

Усердіе Г. Смотрицкаго въ ученыхъ и учебныхъ трудахъ было таково, что кн. Острожскій подарилъ ему два села—Баклаевку и Борисовку [2]). Годъ смерти его неизвѣстенъ. Полагаютъ, что онъ скончался около 1594 г., ибо въ это приблизительно время въ Острогѣ появляется Кириллъ Лукарисъ, котораго называютъ преемникомъ Смотрицкаго по ректорству [3]).

Кириллъ Лукарисъ [4]) родился 13 ноября 1572 года. Опекуномъ его былъ извѣстный Мелетій Пигасъ, который направилъ

[1]) П. П. Л., I, 1057. Изъ Палинодіи это извѣстіе попало въ Книгу о вѣрѣ, 1648, Москва (М. Евгеній, Словарь, I, 96). Іезуитъ Мартыновъ, говоря о приписываемыхъ Мелетію Смотрицкому „Виршахъ на отступниковъ“, датируетъ ихъ почему то 1593 г. (Кирилло-Меѳод. сборникъ, I, пред. XXIV).—Виленское братство въ своей Obronie Veriticaticy говоритъ о трехъ литературныхъ памятникахъ, оставленныхъ Гер. Смотрицкимъ, изъ которыхъ первый написанъ имъ для всѣхъ іерарховъ (przełożonym) русской церкви, хотя по имени посвящено одному изъ нихъ (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429).

[2]) *Susza*, o. et. l. c. Cf Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

[3]) Вол. ен. вѣд., 1885, 293. Въ Encyklopedya powszechna, XXIII, 733, почему то указывается 1601 г., какъ годъ смерти Г. Смотрицкаго.—Авторъ латиноуніатскаго сочиненія „Sowita wina“ (1621) называетъ Гер. Смотрицкаго попомъ: „Narazym pop, którego synem j st wasz Smotrzyski“, т. е. Мелетій (Арх. Ю.-З. Р., I, V , 4 2). Если онъ не смѣшалъ Герасима Смотрицкаго съ братскимъ священникомъ Герасимомъ, то не натолкнетъ ли это извѣстіе кого-нибудь на выясненіе дальнѣйшей судьбы Гер. Смотрицкаго?

[4]) Кромѣ цитованной книжки свящ. Брянцева (послѣ-архим. Арсенія)—„Патр. Кириллъ Лукарисъ“, этому патріарху посвящена еще монографія Алоизія Пихлера: „Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im 17 Jahrhundert, oder: Der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit. München, 1862“. Но первая устарѣла, вторая сверхъ того тенденціозна.

его для образованія въ Венецію и затѣмъ въ Падую, гдѣ и самъ нѣкогда учился. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ первой и около семи во второй, К. Лукарисъ изучилъ тамъ древне-греческій, латинскій и итальянскій языки, діалектику, риторику, метафизику и этику по Аристотелю[1]). Въ 1594 г. онъ былъ отправленъ п. Мелетіемъ къ кн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ западноруссамъ[2]). Сообщая объ этомъ, Пихлеръ добавляетъ, что М. Пигасъ назначилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лукариса ректоромъ и профессоромъ виленской гимназіи. Но это извѣстіе ничѣмъ не подтверждается и, вѣроятно, въ основаніи его лежитъ смѣшеніе именъ Кирилла Лукариса и Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, какъ открывается это изъ того, что нѣкоторые писатели начало ректорства Лукариса въ Вильнѣ относятъ къ 1592 году[3]), т. е. къ тому именно времени, когда туда перешелъ изъ Львова Транквилліонъ[4]). Въ силу этого же смѣшенія возникла мысль и о преподавательской дѣятельности Лукариса во Львовской школѣ въ 1591 г.[5]).—Миссіей Кирилла Лукариса въ западной Россіи и въ Острогѣ было не учительство, но можно согласиться съ утвержденіемъ нѣкоторыхъ историковъ, что онъ въ 1594—6 г.г. преподавалъ въ острожскомъ училищѣ, въ виду того, что Мел. Смотрицкій называетъ себя его ученикомъ съ молодыхъ лѣтъ[6]). Послѣ участія въ брестскомъ соборѣ въ октябрѣ 1596 года и осужденія Никифора, Кириллъ Лукарисъ удалился изъ Западной Россіи. Затѣмъ онъ слушалъ въ Виттенбергѣ и Женевѣ философскіе и богословскіе курсы и въ 1600 г. опять явился въ Россію, посланный п. Мелетіемъ съ письмами къ православнымъ князьямъ и протестантамъ, которые хлопотали въ это время о религіозной уніи съ православной

---

[1]) *Pichler*, 37, 38, 49, 61.

[2]) „Мелетій Пигасъ", II, прилож. 2, стр. 2.

[3]) *Węgerski*, Slavonia reformata, 1679; *Smithus*, Collectanea de Cyrillo Lucario, patriarcha Constantinopolitano, Dondini, 1708, p. 10; *Quistorpius*, Ecclesia Graeca Lutheranizans, Lubecae, 1723, p. 40.

[4]) Monumenta confraterintatis staurop. Leopol., I, №№ 201, 205, 209.

[5]) *Архим. Арсеній*, о. с., 76.

[6]) Paraenesis, 68.

церковью, и съ другими порученіями[1]). Въ этотъ разъ К. Лукарисъ прожилъ въ Острогѣ около двухъ лѣтъ[2]), но учительствомъ въ тамошней школѣ едва-ли занимался: его должны были отвлечь отъ этого болѣе живые интересы...

Возвратившись въ Александрію, К. Лукарисъ занялъ по смерти Мелетія Пигаса тамошнюю патріаршую каѳедру, а затѣмъ—константинопольскую. Борьба съ папистами, дружественныя отношенія къ протестантамъ, что вмѣстѣ съ изданнымъ въ Женевѣ подъ его именемъ кальвинскимъ катихизисомъ подало поводъ къ обвиненію его въ реформатствѣ, его низложеніе съ престола—всѣ эти факты имѣютъ общій церковный интересъ, но мы можемъ относительно ихъ замѣтить, что они не отвлекали вниманія К. Лукариса отъ западнорусскихъ церкви и школы. Онъ продолжалъ слѣдить съ большимъ участіемъ за развитіемъ у насъ школьнаго дѣла, которое теперь было въ рукахъ братствъ.

Извѣстность *Никифора*[3]), какъ ученаго, началась въ Падуѣ, гдѣ онъ былъ „ректоромъ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ". Послѣ того онъ въ теченіе семи лѣтъ состоялъ проповѣдникомъ при греческой церкви св. Марка въ Венеціи[4]). Переселившись въ Константинополь, Никифоръ за свою ученость, соединенную съ твердостью въ православныхъ убѣжденіяхъ, въ 1592 г. былъ возведенъ въ званіе протосингела патріаршаго престола[5]). Около этого же времени ему пришлось играть какую-то роль въ политическихъ дѣлахъ Валахіи, что очень дурно отозвалось на его судьбѣ. Бѣжавъ изъ тюрьмы въ Хотинѣ, куда посадилъ его

---

[1]) Мелетій Пигасъ, II, № 43.

[2]) Pichler, 66. По Пихлеру, Кириллъ Лукарисъ жилъ у князя Острожскаго съ іюля 1599 года по мартъ 1601 г.

[3]) Современныя свѣдѣнія о Никифорѣ и судѣ надъ нимъ заключаются въ слѣдственномъ дѣлѣ (А. З. Р., IV, № 117), въ Описаніи варшавскаго сейма 1597 г. (Петръ Могила, прилож., № 15), въ Ekthesis'ѣ, Перестроѣ. О немъ писали: *М. О. Коялович*ъ (Странникъ, 1860, IV), г. *Кудринскій* („Кіев. Стар.", 1892, іюнь).

[4]) А. З. Р., IV, стр. 161. Петръ Могила, прилож., стр. 53.

[5]) А. Ю. и З. Р., I, № 210 (id Monum. confr, I, № 256).

волошскій господарь [1]), Никифоръ направился въ Острогъ, посланный туда еще ранѣе патріархомъ по просьбѣ кн. Острожскаго. Въ Западной Россіи ему предстояло устроить нѣкоторыя „справы духовныя“, вызванныя тяготѣніемъ православныхъ владыкъ къ Риму. Онѣ, вѣроятно, препятствовали Никифору заняться, какъ слѣдуетъ, преподаваніемъ въ острожскомъ училищѣ, а скоро и совсѣмъ отвлекли его отъ педагогическаго дѣла. Между тѣмъ надъ Никифоромъ собиралась грозная туча. Еще на брестскомъ соборѣ королевскіе послы старались отвести его, какъ турецкаго будто-бы шпіона, отъ предсѣдательства и тогда же онъ былъ арестованъ и отданъ К. К. Острожскому на поруки [2]). Поводомъ къ обвиненію его послужило такое обстоятельство. Въ Шаргородѣ у слуги кн. Острожскаго Яни, ѣхавшаго въ Валахію, были найдены письма съ рѣзкими отзывами о полякахъ (они назывались здѣсь не иначе, какъ псами и т. п.) и съ сильнымъ сочувствіемъ султану въ его замыслахъ противъ Польши. Никифоръ и былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ этихъ писемъ. И хотя на варшавскомъ сеймѣ въ мартѣ 1597 г. Яни заявлялъ, что они были вручены ему какимъ-то грекомъ Пафнутіемъ, но не скрылъ, что это произошло по порученію самого Никифора. По королевскому приговору Никифоръ былъ заключенъ въ мальбургскую (или маріенбургскую) крѣпость, вблизи Данцига, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ „уморенъ постомъ“, по выраженію автора Перестроги [3]).

---

[1]) Петръ Могила, прилож., стр. 52. На варшавскомъ сеймѣ Никифора винили въ томъ, что онъ былъ въ Валахіи шпіономъ турецкаго султана, что онъ ввелъ эту страну въ милліонные долги и т. п. (ibid., стр. 50).

[2]) П. П. Л., Ш, 197—203. Петръ Могила, прилож., 48 стр.

[3]) А. З. Р., IV, стр. 220. Нѣкоторые уніатскіе писатели увѣряютъ, что м. Ипатій Потѣй изгналъ Никифора изъ Польши, подвергнувъ его только покаянію (pokuta) въ Мальборгѣ (*Susza*, o. c. *Stebelski*, Dwa wielki światła... Rozdz. II, 177 въ прим.). Но ихъ опровергаетъ самъ Потѣй, выразившійся въ письмѣ къ канцлеру Льву Сапѣгѣ (28 іюня 1605 г.), что онъ „na Malborgu zdechł“ (Archiwum Sapiehanum, I, № 561). Наконецъ, противъ нихъ свидѣтельствуетъ папа Урбанъ VIII, который, требуя отъ короля Сигизмунда строгаго наказанія для убійцъ Іосафата Кунцевича (1624), указывалъ, какъ на примѣръ надлежащаго отношенія къ схизматикамъ, на заключеніе Никифора „въ вѣчную темницу“ (*Соловьевъ С. М.*, Исторія Россіи, изд. 2, кн. II, 1469).

Въ 80-хъ годахъ XVI ст. въ Острогѣ дѣйствовалъ извѣстный уже намъ *Іовъ* (*въ мірѣ Іоаннъ*) *Княгиницкій*, о которомъ его біографъ іером. Игнатій изъ Любарова повѣствуетъ, что онъ, „устремившись“ въ Острогъ, „вдасть себе въ училище и прилежаше ученію, яко вскорѣ быти ему въ мѣсто ученика учителемъ прочимъ“ (т. е. для прочихъ учениковъ). Мы не знаемъ однако, какъ долго учительствовалъ здѣсь Іовъ, что преподавалъ, и списаніе имъ псалтири для князя Александра относилось ли къ числу его обязанностей, или было знакомъ его любви и расположенія къ молодому князю. Изъ Острога Іовъ былъ посланъ Константиномъ Константиновичемъ на Аѳонъ для передачи милостыни тамошнимъ монахамъ. Послѣ возвращенія въ Острогъ онъ вторично отправился на Востокъ, чтобы тамъ подвизаться на иноческомъ поприщѣ. 12 слишкомъ лѣтъ провелъ онъ тамъ. Послѣдніе годы жизни онъ посвятилъ распространенію монашеской жизни и учрежденію скитовъ и монастырей въ различныхъ мѣстахъ своей родины—Галиціи. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ жилъ въ Дермани, куда былъ приглашенъ около 1603—4 г. Исаакіемъ святогорцемъ, тогдашнимъ справцей монастыря, для помощи при печатаніи „охтаевъ“ [1]).—Однажды только Іовъ Княгиницкій выступилъ на сцену, какъ литераторъ. Это было въ 1619 г., за два года до его смерти. Кирилъ Транквилліонъ, начавшій свою карьеру въ львовской православной школѣ и окончившій ее въ Черниговѣ въ санѣ уніатскаго игумена, напечаталъ въ 1618 г. свое „Зерцало Богословіи“. Выпуская въ свѣтъ эту первую русскую систему богословія, Кириллъ, естественно, нуждался въ авторитетномъ одобреніи ея и, написавши оглавленіе ея или то „исповѣданіе вѣры, по нему же и книгу составилъ“, послалъ его къ Іову Княгиницкому для рецензіи. Іовъ разсмотрѣлъ и—въ посланіи отъ 23 авг. 1619 г. совѣтовалъ не прежде книгу „въ типографію подать дондеже не изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ: лучше замедлити и прославитися, нежели ускорити и обещеститися“, писалъ онъ, объясняя погрѣшности болѣе недосмотромъ и по-

[1]) Зоря Галицкая яко Альбумъ, 1860, 228 et passim.

спѣшностью, чѣмъ намѣреннымъ искаженіемъ истины [1]). Но выходъ въ свѣтъ Зерцала предупредилъ написаніе рецензіи.

Въ числѣ ученыхъ дѣятелей острожской школы обращаетъ на себя вниманіе нѣкій „Клирикъ острожской церкви", выступившій подъ такимъ названіемъ въ своемъ „Отписѣ на листъ въ Бозѣ велебного отца Ипатіа, Володимерского и Берестейского епископа, до ясне освецоного княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского — о залецанью и прехвалянью восточнои церкви, з' заходнымъ костеломъ унѣи або згоды, въ року 1598 писаный, черезъ одного наменшого клирика церкви Острозской въ тому же року отписаны" [2]). Что онъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ училищу, это открывается какъ изъ помѣты его на сочиненіи [3]), такъ и изъ свидѣтельствъ Мелетія Смотрицкаго и Суши [4]). Этого клирика означенные писатели, а также нѣкоторые другіе (авторъ Перестроги, Петръ Суромятникъ, ректоръ виленской уніатской семинаріи, Левъ Кревза, Геласій Диплицъ) считаютъ авторомъ и приложенной имъ къ „Отпису" „Исторіи о листрикійскомъ, т. е., о разбойническомъ Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, в' коротцѣ правдиве списаной", хотя онъ самъ заявляетъ, что она давно уже была кѣмъ то составлена [5]). Какъ бы то ни было, анонимный клирикъ занимаетъ очень почетное мѣсто въ ряду тогдашнихъ православныхъ богослововъ. Мелетій Смотрицкій, по своемъ переходѣ въ унію, ставитъ его на ряду съ Ст. Зизаніемъ, Филалетомъ, Ортологомъ: всѣ эти „четыре новые богослова были для русскихъ какъ бы какими-то божественными оракулами" [6]).

---

[1]) Петръ Могила, прилож., № 35.

[2]) П. П. Л., III, 377 и слѣд.

[3]) „Писанъ у Острогу, у школѣ Острозской" (П. П. Л., III, 381).

[4]) Смотрицкій называетъ Клирика дидаскаломъ, подобнымъ Ст. Зизанію, провикнутымъ аріанскимъ духомъ (Apologia, 96). „Anonymus clericus Ostrogiensis, Doctorum Russiae ordine tertius (первые два русскіе ученые. Ст. Зизаній и Филалетъ), quem gymnasii ejus civitatis, superstite Basilio Duce, praecipuum fuisse ajunt didascalum (*Susza*, o. c., 86, 87).

[5]) П. П. Л., III, 412. Краткую исторію этого собора написалъ кн. Курбскій, пользуясь трудомъ какого-то виленскаго субдіакона (Сказ. кн. Курбскаго, 294) и, судя по началу, она же повліяла и на „Исторію" „Клирика".

[6]) Paraenesis, 6.

Каково настоящее имя „Клирика"—мы не знаемъ. Извѣстный историкъ Брикнеръ называетъ его Авраамомъ [1]). Но если г. Брикнеръ основывается на томъ, что его такъ называетъ Ипатій Потѣй въ своемъ отвѣтѣ на его „Отписъ" („Отче Аврааме", „Пане Авраме", П. П. Л., III, 1047), то онъ попалъ впросакъ. Дѣло въ томъ, что послѣдній однимъ изъ эпиграфовъ къ своему „Опису" выставилъ слова Авраама изъ притчи о богачѣ и Лазарѣ: „Помяни, яко воспріялъ еси добра твои въ животѣ твоемъ" (П. П. Л., III, 382). Потѣй усмотрѣлъ въ нихъ намекъ на себя, на свое прежнее высокое положеніе (онъ былъ сенаторомъ), и—постарался отплатить „Клирику" за его попытку отожествить себя съ Авраамомъ: „А такъ, пане милый, Авраме Острозкий! пилнуй себе: жебысь и зъ Лазаромъ своимъ" и т. д. (П. П. Л., III, 1047). Болѣе старо и болѣе распространено мнѣніе преосвящ. Филарета, отожествляющаго „Клирика" съ острожскимъ *пресвитеромъ Василіемъ*, въ нѣкоторыхъ своихъ изданіяхъ именующимъ себя „наименшимъ клирикомъ" [2]). Но послѣдній писатель, кажется, всюду выставляетъ свое собственное имя. Такъ, подъ сочиненіемъ „О единой вѣрѣ" (Сборникъ, 1588 г.) онъ подписался: „Многогрѣшный и худшій въ христіанѣхъ, убогій Василій" [3]). Тоже—въ „Правилѣ истиннаго живота христіанскаго" (Псалтырь слѣдованная, 1598 г.), составленномъ „снисканіемъ отъ святыхъ писаній и трудомъ многогрѣшнаго худшаго въ христіанехъ, убогаго Василія" [4]). Съ другой стороны, тогда какъ Василій выступилъ на литературное поприще уже въ 1588 г., относительно „Клирика" Потѣй сильно увѣренъ въ томъ, что онъ student akademiey slawney Ostrozskiey, что онъ—„жакъ, почему и пишетъ по жаковски" [5]). Во всякомъ случаѣ онъ въ литературѣ въ 1598 г. былъ homo novus и въ своемъ отвѣтѣ на его Отписъ Ипатій Потѣй называетъ его

[1]) „Spory o unię w dawnej literaturze (Kwartalnik historyczny, 1896, zesz. III, 596. 598).

[2]) Обзоръ русской дух. литературы, 1859, I, 171. Вол. еп. вѣд., 1881, 857.

[3]) Ср. П. П. Л., II, 938.

[4]) *Каратаевъ*, Описаніе..., I, № 158. Ср. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 58, прим. 127.

[5]) П. П. Л., 1054. 1115.

„ниякимъ“ клирикомъ, [1]) а Потѣй могъ бы узнать въ немъ Василія... Наконецъ, мы не увѣрены даже, Василій точно ли былъ священникъ: самъ онъ такъ себя не называетъ, не называетъ его такъ и о. Залѣнскій, передающій извѣстіе о диспутѣ „православнаго богослова Василія изъ Острога“ съ іезуитами [2]).

Но принадлежалъ ли Василій къ духовному званію или нѣтъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній отожествлять ни его, ни „Острожскаго клирика“, съ которымъ его сливаютъ, съ священникомъ Василіемъ, дѣятельнымъ членомъ виленскаго братства, подвергшимся гоненію отъ м. Михаила Рагозы въ 1595 году, какъ то дѣлаетъ преосв. Филаретъ, вводящій въ біографію „Клирика“ и ту подробность, что онъ нѣкогда былъ виленскимъ субдіакономъ, въ какомъ санѣ и написалъ будто бы „Исторію о Флорентійскомъ соборѣ“ [3]). Виленскій попъ и проповѣдникъ, анаѳематствованный вмѣстѣ съ Ст. Зизаніемъ м. Рагозой и присутствовавшій въ 1596 году на брестскомъ соборѣ подъ именемъ „Василія Троицкаго, братскаго виленскаго пресвитера“ [4]), продолжаетъ жить еще въ 20-хъ годахъ XVII ст. [5]), тогда какъ относительно соименнаго ему острожскаго дѣятеля можно думать, что онъ умеръ скоро послѣ 1598 г., когда послѣдній разъ появилось въ печати его имя [6]). При томъ же ничто не уполномо-

[1]) П. П. Л., III, 1041. Интересно сопоставить съ этимъ то мѣсто изъ Антапологіи, гдѣ Диплицъ, защищая православныхъ писателей отъ обвиненія въ псевдонимности, говоритъ, что и авторъ „Антиграфи“ справедливо назвалъ себя „братомъ братства Виленскаго“ и тожа—Клирикъ Острожской церкви, если только возьмемъ это слово не въ точномъ смыслѣ, какъ въ канонахъ церковныхъ, а въ томъ, какой даетъ ему въ одномъ посланіи ап. Петръ (Antapologia, 1628, 604).

[2]) *Ks. Stan. Zaętski T. J.* „Czy iezuici zgubili Polskę?“ Wyd. 3., Krakow, 1883, 121, примѣч.

[3]) *Архіеп. Филаретъ*, о. с., I, 171. 172. Ср. *А. Никольскій* (Тр. кіев. дух. акад., 1862, II, 141, примѣч. 2), *Мартыновъ*, Кирилло-Меѳод. сборникъ, I, 90, прим. 2.

[4]) П. П. Л., III, 375 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I, Ekthesis, 30).

[5]) Въ 1621 г. онъ выступаетъ, какъ „попъ Василій Игнатовичъ“, въ дѣлѣ о хиротоніи М. Смотрицкаго (Арх. гр.-ун. митроп., № 466), а въ 1624 г. является подъ монашескимъ именемъ Варлаама (Арх. гр.-уніат. митроп., № 506; ср. *М. О. Кояловичъ*, Лит. церк. унія, II, 353., 354). Повидимому, онъ былъ живъ еще въ 1629 г. (Exethesis М. Смотрицкаго, 1629 г.).

[6]) Вол. еп. вѣд., 1885, 295.

чиваетъ насъ перемѣщать Василія изъ Вильны въ Острогъ, изъ Острога въ Вильну, оттуда опять въ Острогъ и, наконецъ, опять въ Вильну.

Возможно, что въ острожской школѣ учительствовалъ и *пресвитеръ Даміанъ*, настоятель никольской церкви, извѣстный какъ участіемъ въ брестскомъ соборѣ [1]) и... въ подвигахъ своего знаменитаго брата Северина Налевайка [2]), такъ и литературными трудами. Впрочемъ, первое его литературное произведеніе представляетъ изъ себя работу далеко не оригинальную,—это былъ сборникъ изреченій, избранныхъ изъ Свящ. Писанія, св. отцовъ, да и то при помощи старыхъ сборниковъ въ родѣ Пчелы; самому Даміану здѣсь принадлежитъ, кажется, только западно-русскій переводъ славянскаго текста изреченій [3]). То же можно сказать и о второмъ произведеніи пресв. Даміана, вышедшемъ въ 1607 г. изъ острожской типографіи:—„Лѣкарство на оспалый умыслъ чоловѣчій", и представляющемъ переводъ на церковно-славянскій и западно-русскій языки письма св. Златоуста къ мниху Ѳеодору,—письма, къ которому приложенъ „Тестаментъ грецкаго цезаря Василія до сына своего Льва", тоже съ переводомъ его „на простую мову". Но едва ли Даміанъ самъ переводилъ „Тестаментъ" съ греческаго языка: и до того существовалъ славянскій переводъ завѣщанія имп. Василія, и Даміану можно приписать только западно-русскій переводъ его [4]). Что до „Листа", то его могли перевести съ греческаго сотрудники Даміана по дерманской типографіи, гдѣ онъ одно время

---

[1]) П. П. Л., Ш, 335 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I, 6).

[2]) Арх. Ю.-З. Р., Ш, I, №№ 29. 31. 83. См. въ предисловіи объ участіи самого кн. Острожскаго въ набѣгахъ и грабежахъ братьевъ Налевайковъ, какъ одномъ изъ средствъ борьбы съ латино-уніатами... Впрочемъ, К. К. Острожскій въ письмѣ къ Хр. Радивиллу отъ 3 марта 1596 г. клятвенно очищаетъ себя отъ обвиненія въ томъ, что будто онъ насылалъ Налевайка или зналъ объ его наѣздахъ (Рукоп. Импер. публич. библіот., Пол., 7, IV, № 223, л. 104).

[3]) Сборникъ моск. Румянц. музея, относимый проф. Соболевскимъ ко второй половинѣ XVI в., л. 94: „Лекціи словенскіе Златоустого, отъ бесѣдъ евангелскихъ отъ Иерея Наливайка выбраніе" (Замѣтка о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно-западно-русскаго письма XVI—XVII вв. въ Чт. Общ. Нестора Лѣтоп., IX, 19).

[4]) „Тестаментъ.. по гречку написаный, а потымъ веснолъ зиншими писмы на словенскій языкъ переложеный" (стр. 130).

работалъ. Самъ же Даміанъ, кажется, совсѣмъ не зналъ греческаго языка. По крайней мѣрѣ, изданный имъ 6 февраля 1605 года „Листъ п. Мелетія“ къ Потѣю переведенъ не имъ, а львовскимъ учителемъ Іоанномъ Борецкимъ (впослѣдствіи митрополитомъ), о чемъ заявляетъ самъ Даміанъ:

„...„Листъ той въ Египте Авсонски начертанный,
Роускимъ языкомъ в сарматехъ дарованный,
Борецкимъ надлеръ апольлови коханымъ
И въ парнассе на лоне моузъ выхованымъ“.

Такимъ образомъ, ученость Даміана едва ли шла далѣе „славянскихъ наукъ“ и умѣнія писать стихи (Кромѣ стихотворнаго предисловія къ „Листу“ п. Мелетія, ему принадлежатъ посвященіе на гербъ кн. Острожскихъ и „Прозьба чительникови о часъ“—въ „Лѣкарствѣ“)[1].—Какъ человѣкъ, Даміанъ Наливайко пользовался общими симпатіями, такъ что Мел. Смотрицкій сохранилъ къ нему уваженіе даже по своемъ переходѣ въ унію. Умеръ онъ въ 1627 г.[2]).

Вопросъ о вѣроисповѣданіи автора „Апокрисиса“—*Христофора Филалета* (*Бронскаго*), поднятый вслѣдъ за изданіемъ его книги, до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Въ пользу его православія высказалъ вѣскіе доводы проф. Скабалановичъ въ своемъ сочиненіи „Объ Апокрисисѣ Хр. Филалета“; православнымъ и даже воспитанникомъ православныхъ школъ, хотя и довершившимъ образованіе за границей, считаетъ его проф. Малышевскій[3]). Въ пользу неправославія—не менѣе сильные аргументы представилъ г. Голубевъ[4]); къ нему присоединяется и г. Лукьяновичъ[5]). Мы лично склоняемся къ послѣднему мнѣнію, побуждаемые къ этому, между прочимъ, тѣмъ упорствомъ, съ какимъ Ипатій Потѣй (если онъ былъ авторомъ Ан-

---

[1]) Преосвящ. Филаретъ считаетъ Даміана переводчикомъ съ греческаго не только означенныхъ произведеній, но и „Пчелы Антонія и Максима, переведенной въ Дерманскомъ монастырѣ въ 1599 г.“ (о. с., I, 239).

[2]) Рагаепевія, 7.

[3]) Апокрисисъ, 1870, пред., стр. 33. 40.

[4]) Тр. Кіев. дух. акад., 1876, янв., 139—147.

[5]) Вол. еп. вѣд., 1881, 859.

тиррисиса) повторялъ, что Хр. Филалетъ еретикъ[1]). Но кто бы онъ ни былъ, онъ первый осмѣлился печатно выступить противъ Скарги съ своей книгой, представляющей верхъ учености и исторической обстоятельности и основательности[2]). Отношенія его къ острожской школѣ совершенно не извѣстны.

О другомъ иновѣрцѣ *Лятошѣ* намъ извѣстно слѣдующее. Докторъ медицины и философіи краковскаго университета Іоаннъ Лятошъ (или Лятосъ), какъ человѣкъ нечуждый и математики, при введеніи въ Польшѣ календаря папы Григорія XIII, высказался печатно противъ него. Не знаемъ, кого сильнѣе всѣхъ задѣло это обстоятельство—краковскаго-ли архіепископа или краковскую академію, гдѣ Лятосъ состоялъ, кажется, профессоромъ[3]), но только ему пришлось бѣжать изъ города, по свидѣтельству автора Антиррисиса[4]). Изгнанникъ нашелъ убѣжище въ Острогѣ, гдѣ очутился не позже 1599 г., какъ это видно изъ того же Антиррисиса, и, вѣроятно, не задолго предъ этимъ. По крайней мѣрѣ авторъ Перестроги, т. е. Юрій Рогатинецъ, бывшій въ концѣ 1596 года въ Острогѣ, не знаетъ его и называетъ „нѣякимъ Лятосомъ“[5]). Живя въ Острогѣ, Лятосъ написалъ и напечаталъ въ Вильнѣ календарь на 1602 годъ, въ которомъ вновь высказался противъ реформы лѣтосчисленія и новаго порядка празднованія Пасхи и который посвятилъ краковскому архіепископу Бернарду Мацѣевскому, при чемъ указалъ и на свои отношенія къ университету. Это побудило кор-

---

[1]) П. П. Л., Ш, 667. 669. 721.

[2]) Дѣйствительно ли Бронскій получилъ отъ кн. Острожскаго, по порученію котораго написалъ Апокрисисъ, м. Вильскъ съ нѣсколькими селами на Украинѣ (*Stebelski*, Dwa wiealki światła... II, 174. 175 въ прим.),—мы не знаемъ. Въ „Старой Польшѣ“ Балинскаго и Липинскаго такого мѣстечка нѣтъ. Извѣстіе Стебельскаго, кажется, заимствовано изъ Антиррисиса, гдѣ, впрочемъ, не указаны названія тѣхъ мѣстечекъ и селъ, которыми у автора Апокрисиса были „руце добре намазаны“ (П. П. Л., Ш, 767. 769. Cf. Apologia, 46).

[3]) Трактатъ Лятоса: „De mutationibus regnorum“ и его наблюденія надъ кометами и затмѣніями (*Starovolsci*, scriptorum polonicorum Ἑκατοντάς, ed. 1733, № 53), вѣроятно, имѣли отношеніе къ его университетскимъ занятіямъ.

[4]) П. П. Л., Ш, 773.

[5]) *Крыловскій*, Акты, № 52 (?). А. З. Р., IV, стр. 225.

порацію и архіепископа осудить 15 и 24 февраля календарь Лятоса, какъ „не необходимый и пригодный при томъ къ поддержанію схизмы“ [1]).—Очень легко можно допустить, что познаніями Лятоса воспользовалась острожская школа: Лятосъ такъ долго прожилъ въ Острогѣ...

Къ числу несомнѣнныхъ дѣятелей острожскихъ типографіи и, вѣроятно, училища относится *Кипріанъ*, въ предисловіи къ Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій ап. Павла (Кіевъ, 1623 г.) характеризующійся, какъ „преподобный священоинокъ Кипріанъ, сущій отъ града Острога, мужъ въ Еллинскомъ діалектѣ искусный, въ Енетіихъ и Патавіи (т. е. въ Венеціи и Падуѣ) любомудрствовавшій, въ св. горѣ Аѳонстѣй пожившій“. Пребываніе Кипріана въ образовательныхъ центрахъ зап. Европы и на Востокѣ, куда, возможно, онъ былъ отправленъ кн. Острожскимъ, сообщило ему такое знаніе греческаго языка, что на брестскомъ соборѣ онъ игралъ роль переводчика [2]). Въ 1597 году мы его видимъ на Востокѣ [3]), а еще чрезъ три года въ Острогѣ, живя въ которомъ, онъ написалъ греческіе посвятительные стихи на гербъ кн. Острожскихъ, помѣщенные на оборотѣ заглавнаго листа извѣстной поэмы De Bello Ostrogiano, 1600. Здѣсь онъ титулуется архидіакономъ. Около этого же времени онъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій Златоустовскія Бесѣды на Павловы посланія, по порученію княгини Софіи Боговитиновны, волынской хорунжей. Но видѣть ихъ въ печати ему не пришлось (Пред. къ Бесѣдамъ, Кіевъ, 1623) [4]). Кипріанъ скон-

---

[1]) *Wielewicki Ian T. I.*, Dzienhik spraw domu zakonnego oo. iezuitow u sw. Barbary w Krakowie (Scriptores rerum polonicarum, X, 26. 27).

[2]) П. П. Л., III, 335. 354 (id Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I, 5. 17).

[3]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, №№ 21. 22.

[4]) Свящ. Сендульскій уьѣряетъ, что переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Рахмановѣ на средства кн. Вишневецкаго, подъ заглавіемъ: „Четыренадесять толкованій апостольскихъ посланій Іоанна Хризостома“ („М. Рахмановъ кременец. уѣзда“—Вол. еп. вѣд., 1871, 131). Мы болѣе нигдѣ не встрѣтили указаній на это изданіе. Переводъ Кипріана, судя по предисловію къ Бесѣдамъ 1623 г., только теперь былъ напечатанъ, а въ Рахмановѣ было издано Учит. Евангеліе К. Ставровецкаго, составленное на основаніи этого перевода (см. Учит. Евангеліе 1619 г. съ посвященіемъ кн. Юрію Чарторыйскому).

чался еще до 1610 г., если объ этомъ можно судить по слѣдующему замѣчанію нѣкоего писателя Макарія отъ 30 дек. 1610 года на спискѣ Кипріанова перевода 50-ти бесѣдъ блаж. Макарія: „Въ пресловущем градѣ Острогѣ бѣ нѣкто благочестивъ іноκъ Кипріанъ, сый горя духомъ и отъ благоговѣинства своего, раченіемъ уязвися, повелѣніемъ благоч. князя сию душеспасительную книгу, бесѣды блаженнаго отца святаго Макарія, главъ 50, преведе“ (Списокъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 49).

Какую роль игралъ въ Острогѣ упомянутый уже нами *Андрей Рымша*—намъ не удалось выяснить. Мы знаемъ только, что кромѣ Хронологіи онъ оставилъ еще нѣсколько слѣдовъ въ исторіи западно-русскаго просвѣщенія. Такъ, въ изданномъ Мамоничами въ 1585 г Сборникѣ онъ помѣстилъ свои стихи съ иниціалами А. Р. на гербъ литовскаго канцлера Евстафія Волловича, а въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. напечатана его „Эпиκграмма“ на гербъ канцлера Льва Сапѣги, состоящая изъ 17-ти силлабическихъ двустишій [1]). Писалъ Рымша и прозой. Въ Вильнѣ въ 1585 г. вышло его сочиненіе: „Decreteros acroama, to jest, Dziesięcioroczne powieści wojennych spraw Krzyszt. Radziwilla [2]). Въ это время Рымша состоялъ на службѣ Хр. Радивилла, какъ это видно изъ заголовка его переводнаго труда: „Chorographia albo Topographia. To jest, osobliwe a okolne opisanie ziemie s'więtey. Z lacinskiego ięzyka na polski przetlumaczone przez Andrzeja Rymszę Litwina...“ [3]).

Заслуживаютъ, наконецъ, упоминанія еще три несомнѣнныхъ члена острожскаго ученаго кружка: *Тимоѳей Анничъ* [4]), *Тимоѳей Михайловичъ*, составившій указатель къ Новому Завѣту

---

[1]) Статутъ 1588 г. перепечатанъ во Временникѣ моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 19.

[2]) *Finkel L.* Bibliografia gistoryi polskiej, I (1891), № 8482.

[3]) Вторую часть книги составляетъ Исторія Іосифа (Флавія) объ осадѣ и разрушеніи Іерусалима. Первая часть—Описаніе Палестины въ 1595 г. была переиздана (*Wierzbowski Th*, Bibliographia polonica XV ac XVI saec., № 2981)

[4]) Тр. кіев. дух. акад., 1876, I, 626.

1580 г. [1]), *Григорій Голубниковъ*, списавшій въ 1593 г. Номоканонъ [2]).

Извѣстны еще два воспитанника острожской школы—Максимъ (Мелетій) Смотрицкій и гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. Первый изъ нихъ—лицо настолько значительное и съ нимъ связано столько историческихъ явленій самаго разнороднаго характера, что мы не пытаемся говорить здѣсь о немъ.—Современное свидѣтельство объ образованіи Сагайдачнаго въ Острогѣ находится въ Виршахъ на его смерть, сочиненныхъ Кассіаномъ Саковичемъ, ректоромъ кіевскаго братскаго училища:—... „Выхованъ въ вѣрѣ Церкви Всходней зъ лѣтъ дѣтинскихъ шолъ потомъ до Острога, для Наукъ уцтивыхъ, которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ княжатъ... Тамъ теды Конашевичъ часъ немалый живши, и Наукъ въ Письме нашомъ Словенскомъ навыкши, потомъ видячи ся быть способнымъ до менжства: шолъ до Запрозского Славного Рыцерства“ [3]). Къ характеристикѣ воспитательной стороны острожской школы служитъ и то, что этотъ славный гетманъ не оставался чуждъ интересамъ наукъ до конца своей жизни, поддерживая ее матеріальными пожертвованіями. Такъ, онъ по завѣщанію отказалъ львовской школѣ полторы тысячи злотыхъ [4]) и „тисячій килка (на кіевскій братскій монастырь) офѣровалъ а жебы тамъ науки фундовано жадалъ“ [5]).

---

[1]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс.. 1888, I, 90, прим. 141.

[2]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1862, II, смѣсь. Номоканонъ этотъ сгорѣлъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ другими рукописями проф. Баузе.

[3]) *Голубевъ*, Ист. кіев. акад., прилож., стр. 29.

[4]) *Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, I, 377 и слѣд.

[5]) Вирши К. Саковича. Изъ другихъ источниковъ мы также знаемъ, что Сагайдачный записалъ кіевскому братству, членомъ котораго онъ состоялъ со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, свое имѣніе и нѣкоторую сумму денегъ (*Голубевъ*, Исторія кіев. акад., прилож., 33. Лѣтопись событій въ юго-западной Руси въ XVII ст.—*Самуила Величка*. Кіевъ, 1848, I, прилож., стр. 50).—Въ письмѣ Литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ полоцкому уніатскому архіепископу І. Кунцевичу (1622) есть „предрагоцѣнное“ указаніе на одно сочиненіе Петра Конашевича (*Бантышъ-Каменскій*, Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, стр. 77). Это сочиненіе, какъ догадывается м. Макарій, есть записка, поданная гетманомъ королю въ 1621 г., съ просьбой объ утвержденіи православныхъ владыкъ и о сверженіи уніатскихъ (XI, 281, прим. 228).

Къ острожскимъ же воспитанникамъ причисляютъ Іова Борецкаго, Аѳанасія Филипповича, Леонтія Карповича, Димитрія Самозванца [1]), но безъ твердыхъ историческихъ основаній.

Въ заключеніе мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, какъ одномъ изъ главныхъ виновниковъ того умственнаго движенія, которое охватило западную Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Лицо это, гражданскія и церковныя заслуги котораго такъ велики, что можно только удивляться, почему до сихъ поръ въ нашей литературѣ нѣтъ посвященной ему монографіи, въ которой его оцѣнка была бы сдѣлана вполнѣ безпристрастно, на основаніи всѣхъ доступныхъ и извѣстныхъ матеріаловъ,—лицо это въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ нападковъ и упрековъ. Ему ставятъ въ вину его „политическую и религіозную безпринципность", „постоянные переходы его изъ одного лагеря въ другой", и, не обращая вниманія на то, что онъ сдѣлалъ и чего стоитъ сдѣланное, оцѣниваютъ его съ точки зрѣнія не сдѣланнаго, но что Острожскій могъ и долженъ былъ сдѣлать... Не наша задача вѣдаться со всѣми нападками на него г.г. Костомарова, Кулиша, Студиньскаго и др.: это дѣло его будущаго біографа, который, конечно, не будетъ панегиристомъ, но едва ли оставитъ неопровергнутымъ большинство обвиненій, предъявленныхъ Острожскому. Мы желаемъ только сопоставить съ вышеизложенными нами фактами участія кн. Острожскаго въ судьбахъ западно-русскаго просвѣщенія слѣдующее обвиненіе г. Кулиша. „Кн. Острожскій, говоритъ онъ, отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ либо фундушемъ ни одного церковнаго братства, ни одного училища, ни одной типографіи, ни даже какого нибудь испытаннаго ревнителя народнаго просвѣщенія" [2]). Сказать это—значитъ не знать историческихъ фактовъ или умышленно игнорировать ихъ. Неужели г. Кулишу представляется малымъ дѣ-

---

[1]) *Максимовичъ*, I, 183. Вол. еп. вѣд., 1875, 61; 1882, 52, прим. 1.

[2]) Отпаденіе Малороссіи отъ Польши—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, II, отд. III, 173

ломъ устройство на частныя средства двухъ типографій съ двумя при нихъ учеными кружками, учрежденіе средней школы съ попытками возвести ее на степень академіи и съ обезпеченіемъ какъ ея, такъ и лицъ, приставленныхъ къ ней и къ типографіямъ? Вспомнимъ при этомъ, что кн. Острожскій проявлялъ заботливость о нуждахъ и успѣхахъ православнаго просвѣщенія и внѣ Острога. Такъ, въ 1572 г. онъ отдаетъ въ Туровѣ „землю пустую“ нѣкоему Димитрію Митуричу съ тѣмъ, чтобы онъ, вмѣсто платы за нее, „порядне при церкви Божіей служилъ и пилновалъ и школу держалъ и уставникомъ былъ конечно“[1]). Въ 1588 году онъ убѣдилъ владимирскаго епископа Ѳ. Лазовскаго завести въ Владимирѣ греко-славянскую школу[2]). Въ 1592 году онъ ходатайствовалъ вмѣстѣ съ Ѳ. Скуминымъ-Тышкевичемъ предъ королемъ Сигизмундомъ о дарованіи львовской школѣ привилегіи на званіе школы свободныхъ наукъ[3]). Онъ же, наконецъ, побуждалъ русскихъ владыкъ заботиться о развитіи образованія, и самое свое желаніе уніи кн. Острожскій мотивировалъ заботой о поднятіи умственнаго уровня въ русскомъ народѣ. Быть можетъ, не все, что замышлялъ онъ, было выполнено и выполнено такъ, какъ ему хотѣлось и какъ нужно было бы, но и сдѣланнаго достаточно для того, чтобы благодарное потомство относилось къ нему съ тѣми же чувствами, какими окружали его современники...

К. Харламповичъ.

---

[1]) *Востоковъ*, Описаніе москов. Румянц. музея, стр. 127.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 55. По убѣжденію кн. Острожскаго въ 1588 г. владимирская соборная школа, исторически извѣстная и ранѣе (*Ор. Левицкій*, Историч. описаніе Владимиро-Волынскаго Успенскаго храма, 1892, 75 стр.), была преобразована.

[3]) Monumenta confraternitatis staurop. Leopol., I, № 252.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XII.

Длинной, но довольно узкой полосой разлился Масловъ ставъ между двухъ стѣнъ грабоваго лѣса; къ югу онъ разширяется въ большое, круглое озеро, за которымъ вдали виднѣются легкія очертанія какого-то „палаца“, или замка, а къ сѣверу тянется длиннымъ ледянымъ паркетомъ и сливается съ свѣтло-зеленымъ, холоднымъ горизонтомъ. Тѣсной группой обступили деревья покрытое зеленоватымъ льдомъ озеро. Густымъ, мохнатымъ инеемъ осыпанъ дремучій и сѣдой лѣсъ. Межъ кудрявыми бѣлыми вершинами чернѣютъ изрѣдка отряхнутыя птицами прутья. Не шелохнется отяжелѣвшая подъ инеемъ былинка, не задрожитъ разубранная матовымъ серебромъ вѣтка... Сквозь молочный туманъ, застилающій небо, глядитъ, словно око совы, холодное солнце... Тихій, какъ зачарованный, стоитъ въ своемъ сказочномъ уборѣ безмолвный, таинственный лѣсъ...

Изъ широкой просѣки, упиравшейся прямо въ озеро, выѣхали два всадника. У старшаго длинные усы и вихристыя брови заиндѣвѣли отъ инея; у младшаго усики серебрились тоже. На головахъ у нихъ были мѣдные шлемы съ крылышками; на латахъ за плечами такія-же латунныя крылья; руки и ноги до колѣнъ были закованы въ блестящую сталь; у лошадей голова и грудь тоже были покрыты широкими бляхами. Издали всадники казались средневѣковыми рыцарями, но, по чрезвычайно-пышному и излишне-обильному воору-

[1] См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 4.

женію сразу-же въ нихъ можно было признать польскихъ, его королевской милости гусаръ.

— Фу-ты, чортъ побери меня со всѣми потомками!—буркнулъ сердито старшій, который былъ подороднѣе своего спутника, останавливая у опушки коня и окидывая взоромъ все ледяное пространство,—здѣсь, что-ли, велѣно строить войска?

— Такъ точно, пане ротмистре,—отвѣтилъ младшій,—по берегамъ узкаго рукава: тутъ внизу на льду и станетъ между нами это быдло, а противъ него, на широкомъ озерѣ еще нужно поставить артилерію.

— Знаю и дивлюсь такимъ предосторожностямъ съ горстью безоружныхъ,—проворчалъ съ досадою ротмистръ,—мнѣ только неизвѣстно, это-ли самое мѣсто?

— То самое... это и есть Масловъ ставъ.

— А чтобъ имъ всѣмъ бестіямъ завалиться въ этомъ ставу,—сердито продолжалъ браниться старшій, выѣзжая на середину пруда,—когда мнѣ, черезъ нихъ, въ этакую стужищу да въ такой одежѣ трясти по снѣгамъ свое благородное тѣло.

Младшій, лице котораго молодое, и розовое, представляло смѣшной и поразительный контрастъ съ посеребренными инеемъ усами и бровями, бросилъ искоса насмѣшливый взглядъ на „благородное тѣло“ своего спутника и замѣтилъ, похлопывая руками:—ну, за то намъ въ замкѣ поднесутъ по доброму „келоху“, а хлопству этому на Масловомъ ставу шишъ съ масломъ.

— Славно сказано, пане-товарищъ, клянусь своимъ патрономъ славно... —хоть нашъ Литовскій медъ лучше „венгржины“... вскрикнулъ старшій.—только я думаю,—разразился онъ смѣхомъ,—Его Милость панъ коронный гетманъ пожалѣетъ и масла для этихъ „банитовъ“!.. Одначе забивай, пане, значокъ: солнце поднялось высоконько, а нашъ гетманъ, самъ знаешь, любитъ точность.

Панъ поручникъ слѣзъ съ коня и въ нѣсколько ударовъ забилъ въ ледъ длинную и острую пику, къ концу которой привязанъ былъ красный съ бѣлымъ значекъ.

Вскорѣ изъ просѣки стали показываться всадники по два, по четыре въ рядъ. Вооруженіе ихъ отличалось такою же роскошью и излишествомъ. Сверхъ мѣдныхъ и серебряныхъ латъ всадники перевязаны были накрестъ драгоцѣнными алыми, розовыми и голубыми шарфами. Слѣва къ сѣдлу прилаженъ былъ палашъ, а справа—длинная и узкая шпага съ круглымъ тяжелымъ эфесомъ. Кромѣ того, каждый держалъ въ правой рукѣ красивый бердышъ съ длинною рукояткой; къ лѣвой же рукѣ къ локтю прихватывалось ремнемъ огромнѣйшее копье, утвержденное въ лѣвомъ стремени. Лошади подъ

всадниками, чрезвычайно красивыя и породистыя, выступали гордо и величаво, изгибая свои красивыя шеи и слегка вздрагивая тонкою кожей. Но, не смотря на угрожающее вооруженіе, пышное войско рѣшительно не имѣло грознаго вида; казалось, что это собрались вельможные дворяне на роскошный балъ или на королевскій турниръ.

Всадники, прибывая все болѣе, размѣщались равномѣрно по двумъ берегамъ и вытягивались параллельными, блестящими линіями вдоль узкой полосы льда. Гусары стояли у опушекъ, а за ними уже въ лѣсу помѣщались многочисленные слуги. Прямо противъ этого узкаго рукава выѣхали четыре орудія и снялись съ передковъ; по обѣимъ ихъ сторонамъ размѣстились музыканты съ длинными, завитыми рогами и серебряными литаврами.

— А вотъ, кажись, и козаки, пане ротмистръ!—указалъ молодой гусаръ на вершину узкаго рукава става.

Дѣйствительно, съ той стороны лѣса подвигалось чинно и стройно козацкое войско. Сначала показалось малиновое знамя, затѣмъ выѣхали „довбыши“ съ бубнами и серебряными литаврами въ рукахъ, за ними ѣхали козаки, державшіе бунчуки, перначи и камышины, а за этими уже на нѣкоторомъ разстояніи двигалась по шести въ рядъ козацкая старшина, а за ними простые рейстровики, по два отъ каждой сотни.

Одѣтые въ гладкіе синіе жупаны, въ смушевыхъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ и золотою кистью, они подвигались темною и молчаливою массой. Ихъ немногочисленное оружіе казалось ничтожнымъ передъ блескомъ и пышностью польской гусарской „сброи“. Къ поясу каждаго козака прицѣплена была кривая сабля, за поясомъ торчали пистолеты, мушкеты висѣли за спиной. Лошади ихъ выступали спокойнымъ, привычнымъ шагомъ, слегка поматывая роскошными гривами.

— А это кто впереди ѣдетъ, панъ-товарищъ? — спросилъ ротмистръ, поворачиваясь къ своему собесѣднику.

— Вонъ тотъ, на вороной лошади, неказистый изъ себя?

— Да!

— Это ихъ старшой, Ильяшъ Караимовичъ; нынче вѣдь послѣ Павлюцкаго бунта гетмановъ имъ „обирать“ запретили.

— А, сто купъ ихней матери льябловъ въ спину, а не гетмана!—ругнулся панъ ротмистръ, выпячивая впередъ свои богатырскіе усы.—Слышимъ мы все въ Великой Литвѣ, какъ у васъ о козакахъ съ великимъ страхомъ толкуютъ, а какъ погляжу я на эту голую рвань, такъ кажись бы и покрылъ ихъ своею рукой!

Панъ-товарищъ смѣрялъ взглядомъ широкую руку пана-ротмистра, но отвѣтилъ, покачавши головою:

— Не говори такъ, пане: ты ихъ въ бою не видалъ.

— Однако, строится хамье ловко! — произнесъ уже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ панъ-ротмистръ, продолжая наблюдать за козаками.

— Ге! что это? Еслибъ ты увидалъ ихъ, пане-ротмистре, въ битвѣ,—махнулъ рукою товарищъ, —любо-дорого посмотрѣть!

— Коли молодцы, такъ люблю! А это кто, пане, видишь, вонъ, тамъ, впереди рядовъ, за полковниками на бѣломъ аргамакѣ ѣдетъ? Славный конь! Клянусь св. Патрикомъ, трудно и отыскать такого!

— Вонъ тотъ? —переспросилъ товарищъ, смотря по направленію руки ротмистра,—за нимъ „джура“ на гнѣдомъ конѣ ѣдетъ?

— Тотъ, тотъ!

— А!.. Кажись, ихъ писарь войсковой Богданъ Хмель.

— Гм! Ловко!—удивился панъ-ротмистръ, поведши мохнатою бровью.—Смотритъ гетманомъ и собою хорошъ, и посадка важная, да и конь... Объ закладъ бы побился, что онъ не хлопскаго рода.

Между тѣмъ раздавшійся за ними шумъ заставилъ разговаривающихъ обернуться.

— Въ строй! Стройся!—крикнулъ ротмистръ, обращаясь къ гусарамъ.

Лошади и люди зашевелились и застыли блестящими неподвижными колоннами.

Изъ лѣсной широкой просѣки съ противоположнаго конца медленно спускался на озеро панъ коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій. Поверхъ латъ на панѣ гетманѣ былъ наброшенъ короткій мѣховой кафтанчикъ, вмѣсто шлема на головѣ его была бобровая шапка съ прикрѣпленнымъ брилліантовымъ аграфомъ бѣлымъ страусовымъ перомъ. Лицо гетмана, подрумяненное морозцемъ, смотрѣло свѣжо и торжественно. Рядомъ съ гетманомъ на сѣромъ скакунѣ ѣхалъ польный гетманъ Потоцкій. Лицо его изношенное, дряблое, даже на холодномъ воздухѣ казалось безжизненнымъ: зеленоватыя осунувшіяся щеки, тонкія, синія, завалившіяся губы съ рѣдкими, словно вылѣзшими усами производили отталкивающее впечатлѣніе. Сѣрые волосы гетмана были коротко острижены; на подбородкѣ клочками торчала сѣдоватая, также коротко остриженная борода. Круглые, выцвѣтшіе, зелено-сѣрые глаза гетмана глядѣли изъ-подъ сросшихся бровей холоднымъ, злобнымъ взглядомъ. Когда гетманъ улыбался, губы его некрасиво кривились, а глаза глядѣли тѣмъ же тусклымъ, мертвымъ и злобнымъ взглядомъ. Ростъ польнаго гетмана былъ весьма ничтожный, и даже, когда онъ сидѣлъ на конѣ, этотъ недостатокъ сразу бросался въ глаза.

За обоими гетманами на небольшой лошадкѣ ѣхалъ, окруженный блестящею свитой, молоденькій сынъ короннаго гетмана.

— Панъ-гетманъ, панъ-гетманъ!—пронесся кругомъ шепотъ, и всѣ замолчали.

Вельможное панство ѣхало осторожно по льду и остановилось позади артиллеріи.

Тихо и безшумно обнажились передъ нимъ козацкія головы.

Потоцкій выѣхалъ нѣсколько впередъ, окинулъ довольнымъ взглядомъ своихъ гусаръ и потомъ, скользнувъ прищуренными глазами по козакамъ, позеленѣлъ отъ злости.

— Это что за парадъ?—закричалъ онъ.—Куда это собралось мятежное хлопство? На войну, что ли? На коняхъ и при полномъ вооруженіи слушать свой приговоръ! Долой съ коней! Долой съ коней!—скомандовалъ онъ, подскакавши къ козакамъ, и бѣлая пѣна выступила на его тонкихъ губахъ.

Какая-то тревожная волна пробѣжала по козачьимъ рядамъ и затихла. Молча, нагнувши сѣрыя и сѣдыя чуприны, слѣзло козачество съ коней; старшины передали своихъ въ послѣдніе ряды, гдѣ одному козаку пришлось держать подъ уздцы до десяти коней.

Потоцкій, отдавъ приказаніе, отъѣхалъ изъ предосторожности къ гусарамъ и кликнулъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Заряжены-ли у пана ротмистра пушки?—спросилъ онъ сухо.

— Картечью набиты, ясновельможный гетмане, — отвѣтилъ, преклонивъ обнаженную саблю, панъ ротмистръ.

— Ладно. Пусть панъ-ротмистръ немедленно распорядится, чтобы кони этой сволочи,—указалъ онъ рукою,—были отведены немедленно вонъ туда, за лѣсъ.

Ротмистръ отсалютовалъ саблей, повернулъ лошадь и поскакалъ въ галопъ къ заднимъ козачьимъ рядамъ исполнить приказаніе гетмана.

— А что тамъ? Въ чемъ остановка?—спросилъ коронный гетманъ у пана Потоцкаго.

— Предосторожности, пане коронный,—скривился тотъ.

— Къ чему?—пожалъ плечами Конецпольскій.

— Этимъ псамъ вѣрить нельзя,—прошипѣлъ Потоцкій и отъѣхалъ немного впередъ.

Вдали, за козацкими рядами, по узкому рукаву пруда заѣзжали уже въ лѣсъ десятка два всадниковъ съ лошадьми.

Потоцкій, видимо, не удовольствовался этимъ и вновь подозвалъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Что это они съ мушкетами?—визгливо крикнулъ онъ.—Сейчасъ велѣть имъ снять и отнести къ лошадямъ!

Ротмистръ подскакалъ къ козачьимъ рядамъ и гаркнулъ.

— Мушкеты съ плечъ долой!

Вздрогнули пѣшіе козаки и окаменѣли.

Гетманъ Конецпольскій, недовольный выходкою Потоцкаго, выѣхалъ на конѣ впередъ и замѣтилъ польному гетману:

— Къ чему раздражать и издѣваться?

— Къ тому, пане коронный, что ихъ слѣдовало бы всѣхъ на колъ.

— Для этого есть высшая власть,—отрѣзалъ Конецпольскій и обернувшись, скомандовалъ:—ударить въ бубны и литавры!

Козацкіе довбыши ударили въ бубны и замолчали.

— Вы сдѣлали преступленіе, подобнаго которому не было на свѣтѣ отъ вѣка вѣковъ,—грозно началъ панъ коронный гетманъ, обращаясь къ козакамъ,—вы не только многократно подымали руки на вашего законнаго государя, на войска и на ваше отечество—Рѣчь Посполитую, но вы... вы... однимъ словомъ, задумывали даже соединяться съ нашими исконными врагами, татарами и турками! Вы—гнилые члены государства и васъ слѣдовало бы обрубить совсѣмъ, чтобы не заразились здоровые...

Панъ коронный гетманъ запнулся, а Потоцкій подхватилъ рѣзкимъ крикливымъ голосомъ:

— За ваши вѣчныя, подлыя измѣны вы сами подписали собственною кровью свой смертный приговоръ. Вы въ бою утратили орудія, хоругви, камышину, печать, всѣ знаки, данные вамъ королемъ, всѣ вольности, всѣ права!

— На вашу петицію прислалъ вамъ милостивый король и сеймъ свой снисходительный отвѣтъ,—прервалъ панъ коронный гетманъ потокъ издѣвательствъ Потоцкаго и сдѣлалъ знакъ рукой.

Два герольда на черныхъ коняхъ, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ съ длинными черными перьями на шляпахъ, выѣхали впередъ и затрубили въ трубы. Изъ свиты гетмановъ отдѣлился всадникъ на бѣломъ конѣ, весь въ бѣлой одеждѣ, и, выѣхавши впереди герольдовъ, развернулъ длинный пергаментный листъ съ тяжелою государственною печатью, прикрѣпленною на шелковомъ шнуркѣ.

— Вы достойны были бы всѣ до единаго казни,—прошипѣлъ Потоцкій,—но нашъ милостивый король захотѣлъ васъ тронуть милосердіемъ,—искривилъ онъ свои тонкія губы,—и удостоилъ васъ отвѣта.

— Читайте декретъ!—скомандовалъ коронный гетманъ, покосившись непріязненно на егозившаго въ сѣдлѣ Потоцкаго.

Всадникъ на бѣломъ конѣ снялъ съ головы серебряный шлемъ и, приподнявши бумагу, началъ читать громкимъ голосомъ, разнесшимся далеко надъ замерзшимъ озеромъ:

„Мы ласкою Божою Владиславъ IV, король польскій, великій князь литовскій и русскій“ ..

При первыхъ словахъ декрета гетманы почтительно приподняли надъ головами своими шапки, а гусары обнажили сабли, преклонивши внизъ ихъ клинки. Въ серединѣ на Ставу было попрежнему тихо и безмолвно, только глаза всѣхъ козаковъ съ надеждой и увѣренностью устремились на длинный листъ.

„Долго Рѣчь Посполитая смотрѣла сквозь пальцы на всѣ ваши своевольства, но больше сносить ихъ не станетъ“,—читалъ всадникъ, и каждое его слово звучало отчетливо и громко, словно ударъ стали по мѣди.—„Она и сильнымъ монархамъ давала отпоръ и чужеземныхъ народовъ подчиняла своей власти. Поэтому, если вы не останетесь въ послушаніи королю и Рѣчи Посполитой, сообразно новой, данной вамъ ординаціи, то знайте, что Рѣчь Посполитая рѣшилась не только прекратить всѣ ваши своевольства, но истребить навсегда и имя козацкое“.

Межъ козаками произошло легкое движеніе и снова всѣ замерли неподвижной стѣной.

„Вы сами лишили себя всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ,—читалъ дальше бѣлый всадникъ,—и навсегда утеряли право избирать себѣ старшину. Вмѣсто гетмана, котораго вы прежде себѣ избирали, вамъ дается коммиссаръ изъ шляхетскаго званія: панъ Петръ Комаровскій“.

Глубокій вздохъ вырвался изъ множества грудей и пронесся надъ толпой.

— А жаль молодцовъ!—буркнулъ себѣ подъ носъ грозный ротмистръ, отворачивая свое суровое, усатое лицо отъ пана-товарища,—славные, видно, удальцы!

— Удивляюсь пану-ротмистру,—шепнулъ тихо розовый панъ-товарищъ,—жалѣть этотъ соръ! Папъ-ротмистръ собирался-же раздавить ихъ всѣхъ своею могучей рукой?—усмѣхнулся онъ, приподнявши тонкіе, закрученные усики.

— Что-жъ, будетъ война, и пойду, и раздавлю!—проворчалъ сердито панъ-ротмистръ,—а теперь жаль, потому что славные молодцы. Смотри: слушаютъ свой смертный приговоръ и не пошевельнутся! Ты, пане-товарищъ, послужи еще съ мое, тогда поймешь, что воинъ воину—братъ!

Панъ-товарищъ бросилъ изъ-подъ бровей на пана-ротмистра насмѣшливый, презрительный взглядъ и подумалъ про себя: „Старый литовскій дуракъ!“

„Полковниковъ изъ вашего званія вы больше получать не будете!“—читалъ бѣлый всадникъ.

— Положи бунчукъ, булаву и печать,—крикнулъ Потоцкій хриплымъ отъ накипѣвшей злобы голосомъ Ильяшу Караимовичу, который стоялъ впереди.—Полковники и старшина, положите ваши знаки! Отнынѣ вамъ дадутся другіе начальники... только сотники и атаманы остаются пока на своихъ мѣстахъ.

Тихо склонилось малиновое козацкое знамя и опустилось на чистое стекло льда. Рядомъ съ нимъ легли бунчуки. Положилъ Ильяшъ возлѣ него печать и булаву. Безшумно подходили козацкіе старшины, и одинъ за другимъ складывали свои перначи и заслуженные знаки.

— Экая шваль!—бросилъ сквозь зубы польный гетманъ, безпокойно поворачиваясь въ сѣдлѣ.

Ничего не отвѣтилъ на такую выходку коронный гетманъ, но по лицу его пробѣжало едва сдерживаемое недовольное чувство.

Наступило тягостное молчаніе, межъ козаковъ не слышно было ни стона, ни слова... Они молчали, склонивъ угрюмо головы, и только холодный вѣтерокъ, пробѣгая надъ ледянымъ пространствомъ, приподымалъ иногда ихъ длинныя чуприны.

Конецпольскій сдѣлалъ чтецу знакъ рукой, и тотъ снова продолжалъ свое чтеніе.

„Вамъ назначены полковники изъ шляхетскаго званія, а именно: въ Переяславскій полкъ—Станиславъ Сикиржинскій, въ Черкасскій—Янъ Гижицкій, въ Корсунскій—Кирило Чижъ, въ Бѣлоцерковскій—Станиславъ Ралецкій, въ Чигиринскій—Янъ Закржевскій“.

— Постой, пане, посмотри, что случилось тамъ? —тихо спросилъ панъ-ротмистръ, указывая на группу стѣснившихся козаковъ.—Мнѣ что-то глаза измѣнили, не могу разобрать!

— Старикъ вонъ тотъ, козакъ сѣдой... расплакался,—небрежно отвѣтилъ панъ-товарищъ,—пріятели его уводятъ въ глубину.

Панъ-ротмистръ больше не разспрашивалъ; онъ только отвернулся въ сторону, досадливо поправляя свой крылатый шишакъ.

„Романъ Пешта и Иванъ Бояринъ отрѣшаются отъ своихъ полковничьихъ должностей,—читалъ дальше бѣлый всадникъ,—писарь-же войсковой Богданъ Хмельницкій понижается въ чинъ сотника Чигиринскаго“.

При этихъ словахъ по лицу пана коронаго гетмана пробѣжало какое-то тревожное выраженіе, но извѣстіе прошло спокойно. Писарь войсковой не сморгнулъ и бровью; лишь подъ усомъ его на одно мгновеніе мелькнула высокомѣрная, презрительная улыбка.

„Что-же касается вѣрнаго намъ доселѣ пана Богуша Барабаша,—гласило далѣе въ декретѣ,—то его повышаемъ въ чинѣ“...

Глухой, зловѣщій гулъ прервалъ чтеца. „Зрада... зрада!“ зашумѣли кругомъ козацкіе голоса, и всѣ повернулись въ сторону пухлаго, но бодраго еще старика въ полковничьемъ нарядѣ.

— Тихо!—раздался рѣзкій и надменный крикъ пана польнаго гетмана.—Ни слова! Молчать и слушать королевскую волю!

Зловѣщій ропотъ пробѣжалъ еще разъ по толпѣ и умолкнулъ. Снова лица козаковъ стали угрюмы и суровы.

— Читай!—скомандовалъ коронный гетманъ, и чтецъ продолжалъ: „Вмѣсто Трахтемирова, назначается вамъ войсковымъ городомъ Корсунь. Уменьшается число реестровыхъ до четырехъ тысячъ. Дѣти павшихъ въ битвѣ не получатъ никогда наслѣдія отцовъ и не будутъ вписаны въ реестры. Что-же касается оставленія за вами вашихъ грунтовъ и земель, то объ этомъ будемъ еще думать на сеймѣ. Если-же вы и послѣ этого нашего декрета бунтовать вздумаете,—строго кончался наказъ,—то обѣщаемъ вамъ и совсѣмъ стереть васъ съ лица земли“.

Среди козаковъ послышался какой-то неясный говоръ, головы наклонялись къ головамъ, и недобрый шумъ побѣжалъ по рядамъ.

— Разойтись всѣмъ немедленно!—грозно поднялъ голосъ панъ польный гетманъ, выѣзжая впередъ и забрасывая кичливо голову:—объявить всѣмъ нашу волю! И буде кто только осмѣлится подумать не согласиться,—размечу!

— Панове!—перебилъ угрозы польнаго гетмана и обратился ко всѣмъ Конецпольскій.—Милосердіе нашего великаго короля всѣмъ извѣстно. Вамъ остается только безропотно покориться и тогда, быть можетъ... я даже ручаюсь...—запнулся гетманъ,—такъ сказать, вы можете ожидать какой-либо милости. Мы же, съ своей стороны, всегда стоимъ за миръ, и если вы того заслужите... однимъ словомъ... будемъ ходатайствовать за васъ.

— Панъ коронный гетманъ балуетъ эту сволочь! — сказалъ презрительно Потоцкій, подъѣзжая къ коронному гетману.—Съ нею говорить безъ нагайки нельзя...

— Я въ нагайкѣ, пане-гетмане, не нуждаюсь,—пожевалъ губами Конецпольскій и, круто повернувши разговоръ, обратился къ гетману и къ свитѣ:—Прошу панство откушать ко мнѣ. А тебя, пане-ротмистръ,—кивнулъ онъ суровому литовцу,—прошу наблюсти, чтобъ не было того... понимаешь... чтобъ разошлись козаки безъ шума.

Панъ-ротмистръ поклонился, а гетманы, давши лошадямъ шпоры, въ сопровожденіи свиты, двинулись быстрымъ галопомъ черезъ озеро по просѣкѣ назадъ.

— Славные молодцы!—вздохнулъ панъ-ротмистръ, обращаясь къ товарищу,—а боюсь, какъ бы не обошлось безъ схватки!

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся тотъ,—панъ-ротмистръ еще этой сволочи не знаетъ. Они хитры, какъ старые лисы: здѣсь будутъ какъ каменные стоять, разойдутся безъ ропота, а тамъ, погоди, черезъ два-три мѣсяца и вспыхнетъ новый бунтъ.

И дѣйствительно, точно въ подтвержденіе словъ пана-товарища, чинно подвели козакамъ коней. Раздалась короткая команда, вскочили на коней козаки, въ одно мгновеніе выстроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись впередъ. Вскорѣ послѣдній козакъ скрылся за деревьями лѣса. Только куча бунчуковъ, камышинъ и полковничьихъ знаковъ осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли войска. Распростертое, словно сраженный воинъ, лежало на ледяномъ полу малиновое козацкое знамя.

— Ну, что-жъ со всѣмъ этимъ дѣлать?—сказалъ панъ-ротмистръ, бросивъ угрюмый взглядъ на оставленные, сиротливые „клейноды“ [1]) и, выругавшись крѣпко, прибавилъ съ досадой:—чортъ бы побралъ весь свѣтъ и меня вмѣстѣ съ нимъ!

— А что же?—отвѣтилъ товарищъ,—велѣть забрать все въ гетманскій замокъ, и, повѣрь, пане-ротмистръ, для нихъ найдется шляхетская рука!

Тихо и молча, понуривши головы, выѣзжали изъ лѣсу большими и малыми группами козаки.

У опушки лѣса, на перекресткѣ двухъ дорогъ, сидѣлъ огромнаго роста, слѣпой бандуристъ и пѣлъ дрожащимъ голосомъ грустную думу. Многіе изъ козаковъ подъѣзжали къ нему, чтобы бросить мѣдный грошъ въ его деревянную чашку.

— „Волчій байракъ!“ „Домовина!“ — шепталъ отрывисто подъѣзжающимъ бандуристъ... и продолжалъ думу...

XIII.

Настала ночь. Въ глубинѣ оврага, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ нависшимъ лѣсомъ, было совершенно темно. Едва бѣлѣли въ непроглядномъ мракѣ лапастыя вѣтви елей, устало опустившіяся подъ нависшимъ снѣгомъ. Словно души мертвецовъ, носились въ темнотѣ пухлые хлопья снѣга и безшумно падали на бѣлую холодную землю.

— „Пугу!“—раздался протяжный крикъ пугача.

---

[1]) Регаліи.

Сова, сидѣвшая въ дуплѣ, безпокойно зашевелилась и, помигавши нѣсколько разъ своими круглыми, желтыми глазами, перелетѣла на вѣтку, но не отвѣтила на крикъ.

— „Пугу!“—раздалось снова уже ближе, и черезъ нѣсколько минутъ изъ противоположной глубины лѣса поднялся такой же унылый и протяжный крикъ ночной птицы.

Вспугнутая сова поднялась тяжело, захлопала крыльями и отлетѣла въ глубину лѣса.

— „Пугу!“—раздалось еще ближе.—„Пугу!“—отвѣтилъ протяжный голосъ уже совсѣмъ невдалекѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ вершинѣ оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съуживался и нависшія деревья почти сходились совсѣмъ, раздался короткій, сухой трескъ; большая вѣтка обломилась и съ шумомъ покатилась внизъ. За нею вслѣдъ оборвалось что то тяжелое и грузное.

— Фу ты, чортъ тебя побери съ твоей матерью!—выругался свалившійся снѣжный комъ, подымаясь на ноги и отряхивая съ „байбарака“ снѣгъ.—Стонадцать вѣдьмъ тебѣ въ зубы! Бѣсъ его знаетъ, куда я забрелъ, чуть ли не къ медвѣдю въ берлогу! Хоть бы зажечь что, освѣтить...—Свалившееся въ оврагъ существо начало съ ожесточеніемъ шарить во всѣхъ карманахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ поисковъ кресало и огниво были найдены; посыпались короткія искры, и вскорѣ освѣтилось склоненное лицо Кривоноса съ раздутыми губами и ощетинившимися усами, старательно дувшее на трутъ въ толстомъ жгутѣ изъ клочья, пропитаннаго смолою и сѣрой, котораго запасливый козакъ держалъ всегда полный карманъ. Наконецъ, Кривоносъ ущемилъ жгутъ въ какую то расщепленную вѣтку и поднялъ свой факелъ надъ головой. Красновато-синій огонь освѣтилъ все пространство. Это было мрачное и угрюмое ущелье. Справа и слѣва по крутымъ отвѣсамъ спускался ко дну смѣшанный лѣсъ. Сквозь нависшія глыбы снѣга едва проглядывала темная зелень елей; дубы и грабы стояли заиндевѣвшіе, неподвижные. Въ концѣ эта глубокая щель загруглялась и врѣзывалась вглубь, словно пещера; нѣсколько полувывернутыхъ съ корнемъ деревъ, свалившись съ одного берега на другой, прикрыли ее сверху вѣтвями. Теперь все пространство между ними было засыпано толстымъ слоемъ снѣга, образовавшимъ довольно глубокій и прочный сводъ. Кривоносъ зашелъ внутрь, поднялъ факелъ и освѣтилъ это фантастическое помѣщеніе; серебро стѣнъ и плафона загорѣлось роскошнымъ фіолетовымъ отблескомъ. Кривоносъ остался даже доволенъ.

— Ишь, какъ славно,—мотнулъ онъ головою,—только, чтобъ тому въ горлянку вѣдьмы хвостъ, кто выдумалъ дорогу сюда: глушь

такая, что пока продерешься, паръ шесть очей выколешь, а пока слѣзешь въ этотъ палацъ, такъ и четырехъ ногъ не досчитаешься!

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье съуживалось, круто спускалась сверху едва примѣтная, извилистая тропинка, на которую не попалъ Кривоносъ; казалось, никто посторонній не могъ никоимъ образомъ ни попасть сюда, ни узнать о существованіи этой дикой трущобы. На узенькой тропинкѣ показалась старческая фигура Романа Половца. Онъ шелъ осторожно, сгибаясь подъ нависшими вѣтвями, ощупывая себѣ путь суковатою палкой.

— Ге, да ты, братъ, уже и фонарь засвѣтилъ,—обратился онъ къ Кривоносу, спускаясь внизъ и проходя въ пещеру.—Только скажи мнѣ, братъ, какою ты дорогой шелъ, что голосъ твой слышался мнѣ совсѣмъ съ другой стороны?

— Какою дорогой? Кратчайшею, матери его хрѣнъ!—отвѣтилъ сердито Кривоносъ.—Заблудился было... а тутъ вѣдь тебѣ темень такая, хоть выколи око, ну, такъ просто и скатился въ оврагъ „сторчъ головой“, хорошо еще, что разостлана снѣжная перина, да и кости желѣзныя—выдержали!

— Однако, здѣсь совсѣмъ какъ въ хатѣ, можно-бы, брате, намъ и костерчикъ разложить: теплѣй бы было, да и свѣтлѣй.

— Оно бы хорошо, да какъ-бы только польскіе дозорцы на огонекъ нашъ не наткнулись.

— И, что ты,—махнулъ рукою Половецъ,—здѣсь, какъ въ могилѣ: и свѣту некуда вырваться! Кромѣ козаковъ никто этого оврага и въ жизнь не найдетъ. Ужъ сколько мнѣ лѣтъ, а при моей жизни ни одна польская собака не вынюхала сюда и слѣда!

— Да ужъ коли вы, диду, „обезпечаете“, такъ мнѣ и подавно,—потеръ Кривоносъ руку о колѣно,—тутъ вотъ и сухого валежника подъ ногами довольно.

Черезъ нѣсколько минутъ посреди пещеры запылалъ яркій костеръ.

На тропинкѣ у входа въ ущелье послышался шорохъ. Кривоносъ и Половецъ подошли и стали по сторонамъ. Показалась суровая, козацкая фигура.

— „Гасло“?[1]),—коротко спросилъ Кривоносъ.

— „Волчій байракъ“... „Домовына!“[2])—отвѣтилъ такъ же коротко новоприбывшій и безмолвно прошелъ въ глубь ущелья къ костру.

---

[1]) Пароль.

[2]) Гробъ.

Показались на тропинкѣ еще двѣ тѣни и, опрошенныя, тоже пробрались къ костру. Въ ночной тишинѣ раздавался только скрипъ шаговъ по снѣжной тропинкѣ, да тихіе отвѣты на запросъ Кривоноса: „Волчій байракъ... Домовына“...

Подлѣ костра уже и сидѣла, и стояла, и волновалась порядочная группа людей.

— Что это Хмеля нѣтъ до сихъ поръ?—тихо проговорилъ Кривоносъ, бросая волчій взглядъ на Романа,—не вздумалъ ли дать тягу въ свои хутора?

— Что ты, что ты?—возмутился старикъ,—Хмель не изъ такихъ, да вотъ, кажись, и идетъ онъ.

Дѣйствительно, на тропинкѣ показались снова двѣ плотныя и высокія фигуры, но на этотъ разъ это оказались Пешта и Бурлій. Они о чемъ то тихо разговаривали, но, замѣтивши Половца и Кривоноса, переглянулись и замолчали совсѣмъ.

— Гм...—покачалъ имъ вслѣдъ головою Половецъ,—значитъ, припекло, когда и Пешта, и Бурлій рѣшились сюда придти.

— Не люблю ихъ—собаки!—мрачно прохрипѣлъ Кривоносъ, бросая въ ихъ сторону недовѣрчивый взглядъ.

Между тѣмъ у костра волненіе было уже въ полномъ разгарѣ. Среди шума, крика и проклятій явственно вырывалось только одно восклицаніе, повторяемое на тысячу ладовъ:—„Смерть ляхамъ! Смерть Потоцкому!“

— Ге-ге,—тихо замѣтилъ Пешта, наклоняясь къ Бурлію.—Рой гудетъ... Кто только съумѣетъ маткою стать?

Бурлій крякнулъ, бросивши исподлобья хитрый, многозначительный взглядъ. А Пешта, передвинувши на головѣ шапку, направился со своимъ спутникомъ увѣренными шагами къ той группѣ, гдѣ громко говорилъ о чемъ то, сильно жестикулируя руками, его знакомый козакъ.

— Пешта! Вотъ голова, братцы!—встрѣтилъ онъ появленіе Пешты радостнымъ голосомъ.—Вотъ, кто „порадитъ“ насъ, что теперь предпринять?

— Да что тутъ предпринимать!—гнѣвно и нетерпѣливо закричали сразу нѣсколько голосовъ.—Небось, всѣ слыхали, какой декретъ прочитали намъ эти дьяволы! Вѣдь это смерть! Вѣрная, „наглая“ смерть!

— А коли умирать, такъ показать и палачамъ до пекла дорогу!—подхватили другіе.

— Н-да!—протянулъ многозначительно Пешта.—Что правда! то правда: такого декрета еще козаки и не слыхивали отъ роду,

— А вѣдь были возстанія и раньше, да никто не смѣлъ такихъ ординацій намъ давать!—кричалъ запальчиво болѣе молодой козакъ, выступая впередъ.

— Ляхи то и прежде обрѣзывали намъ права, а теперь задумали насъ уничтожить!—отвѣтилъ Пешта.

— А что же листъ, что мы посылали черезъ пословъ?

— Гм,—перебилъ его Пешта,—онъ, можетъ быть, и напортилъ,—и помолчавши, прибавилъ загадочнымъ тономъ.—Его то по моему и не слѣдовало писать!

— Да какъ же такъ?—раздалось сразу нѣсколько насмѣшливыхъ голосовъ и умолкло.

— А потому, что я и тогда говорилъ,—началъ уже увѣреннѣе Пешта,—да что подѣлаешь? Вѣдь у насъ не думаетъ никто! Одинъ скажетъ, а всѣ ужъ за нимъ, какъ бараны бѣгутъ! Говорилъ, не къ чему писать. Передъ ляхами унижаться, передъ сенатомъ ползать въ ногахъ! Говорилъ, что такое смиреніе только докажетъ ляхамъ, что пропала въ конецъ козацкая сила, что ляхи воспользуются этимъ и проявятъ надъ нами неслыханную дерзость,—на мое и вышло.

Словно тяжелый молотъ упали эти слова на буйныя головы и ошеломили сознаніемъ, что совершена ошибка, повлекшая за собою позорную смерть. Наступила грозная пауза.

У входа по тропинкѣ показались двѣ человѣческія фигуры.

— Они, кажись?—обрадовался Кривоносъ.

— Они,—кивнулъ головою Половецъ.

Дѣйствительно, приближался Богданъ въ сопровожденіи Ганджи.

— Отчего такъ опоздалъ? Народъ бурлитъ...—окликнулъ его Кривоносъ.

— Коронный гетманъ задержалъ, едва вырвался!

— Ну, иди же. Тамъ Пешта пришелъ,—шепнулъ Половецъ.

Богданъ подошелъ къ костру и, никѣмъ не замѣченный, сталъ съ Ганджей въ глубинѣ, за выступомъ обвала, въ совершенной тѣни.

— Кой чортъ совѣтовалъ писать жалобные листы?—поднялся раздражительный голосъ съ одной стороны.

— Совѣтовалъ то человѣкъ добрый,—такъ же медленно отвѣтилъ Пешта, и двусмысленная улыбка пробѣжала по его лицу.—По крайности онъ всегда на добро козакамъ думаетъ, да не всегда съ его „рады“ добро выходитъ. Ну, что же,—вздохнулъ Пешта и, глянувши куда-то неопредѣленно впередъ, прибавилъ:—„на дида бида, а баба здорова!“.

— Ахъ онъ чортова кукла! Расшибу!—прошипѣлъ было и бросился со сжатыми кулаками Ганджа.

— Стой! Ни съ мѣста!—остановилъ его тихо Богданъ и оттянулъ за себя въ самый уголъ.

— Да какой же это дьяволъ? Кто эти листы придумалъ?—закричало сразу нѣсколько голосовъ, и часть толпы, услыхавши все возрастающій шумъ, понадвинулась къ тѣсной группѣ.

— Кто-жъ, какъ не Хмель!—раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Это его панскія штуки!—подхватилъ другой.

— Нарочно затѣялъ, чтобы ляхи, набравшись смѣлости, и войска свои стянули сюда, и раздавили насъ, какъ мухъ!—кричалъ уже третій, проталкиваясь къ костру.

— Что вы, что вы, панове?—остановилъ толпу Пешта.—Хмель думалъ, какъ лучше. Онъ, вѣдь, знается съ ляхами, думалъ, что потрафитъ. Не его вина, коли прогадалъ.

— А коли такъ, такъ не совался бы въ козацкія справы, сидѣлъ бы со своимъ „каламаремъ“ [1]) за печкой! Черезъ него мы должны такую поругу терпѣть!—вопилъ уже въ изступленіи молодой козакъ, взобравшись на пень и ударяя себя въ грудь руками. — Чего мы ждемъ? Кого мы ждемъ? Какія тутъ рады? Бить ляховъ, доказывать имъ, что насъ паскудить нельзя! Уже коли они насъ паскудить желаютъ, такъ разорвать ихъ, псовъ, на тысячу кусковъ!

— Смерть ляхамъ!—закричали кругомъ.

И этотъ зловѣщій крикъ покатился по ущелью, бурей промчался мимо Кривоноса и Половца и заставилъ шарахнуться стаю волковъ, собравшихся изъ любопытства въ ближайшей трубощѣ.

Вокругъ Пешты образовалась уже довольно большая толпа. Второй разведенный костеръ освѣщалъ ихъ красныя, изступленныя лица. Одинъ только Пешта стоялъ посрединѣ, спокойный и даже насмѣшливый, переводя отъ одной группы къ другой свои желтоватые бѣлки.

— Такъ,—сказалъ онъ громко,—играться бумагами больше, братья, не будемъ.

— Душа, козакъ! Молодецъ, братъ!—раздались восклицанія въ толпѣ.

— Только вѣдь сами руки никогда не бьютъ, панове,—продолжалъ Пешта,—надо къ нимъ и голову разумную, и сердце неподкупное прибавить!..

— Вѣрное слово! Атамана, атамана!—закричала толпа, и къ этому крику пристали уже и всѣ остальные.

---

[1]) Чернильницей.

— Только выбрать, панове, „оглядаючись“, чтобъ и голову имѣлъ разумную и бывалую, чтобъ ни съ кѣмъ не снюхивался, да за двумя зайцами не гонялся бы, да чтобъ и войсковой справы не бѣгалъ,—замѣтилъ Пешта.

А Бурлій добавилъ будто про себя: — такого и не сыщешь среди насъ!

— Какъ нѣту? А Хмель?—закричало два-три голоса въ заднихъ рядахъ.

— Въ затылокъ тебѣ Хмель! Къ чорту! Мы не перьями, а мечемъ имъ отпишемъ!—раздалось изъ переднихъ рядовъ.

— Богуна! Вотъ козакъ, такъ козакъ! Нѣтъ ему равнаго нигдѣ!—закричалъ кто-то изъ середины.

— Богуна, Богуна!—подхватило множество голосовъ.

— Да, козакъ славный,—согласился и Пешта,—и храбрый, и честный. Только молодъ еще, братья, а въ нашей справѣ надо не смѣлую руку,—всѣ вы, братья, смѣлы, какъ орлы,—а намъ нужно разсудливую голову.

— Правду, правду говоритъ!—отозвались голоса.

— А и главное,—продолжалъ Пешта,—что его теперь здѣсь нѣтъ: вѣдь онъ въ Брацлавщинѣ.

— Вѣрно! Въ Брацлавщинѣ!—подхватили другіе.

— То-то-жъ, пока мы за нимъ посылать будемъ, насъ здѣсь на лапшу посѣкутъ ляхи. Ждать намъ некогда.

— Некогда! Некогда!—перебили его шумные голоса.

— Бить ляховъ! Смерть Потоцкому!

И снова знакомый возгласъ наэлектризовалъ толпу. Крики, проклятія слились въ одинъ безформенный ревъ.

— Народъ горитъ,—замѣтилъ Кривоносъ Половцу, бросая взглядъ по тому направленію, гдѣ узкое ущелье расширялось въ гротъ и гдѣ освѣщенная огнемъ двухъ пылавшихъ костровъ волновалась разгоряченная толпа,—а нѣтъ еще Нечая и Чарноты!

— Разставимъ и провѣримъ сторожу,—замѣтилъ Половецъ.

Въ глубинѣ узкой тропинки послышалась удалая пѣсня: „Гей, хто въ лиси, озовыся!“ И изъ-за деревьевъ, сдвинувши шапку на затылокъ и широко распахнувши жупанъ, показался Чарнота.

— Съ чего это ты, съ чего ты запѣлъ?—набросился на него Половецъ,—или хочешь посылать всѣхъ польскихъ дозорцевъ?

— Некого!—отвѣтилъ баштабашнымъ тономъ Чарнота.—Двое изъ нихъ встрѣтились мнѣ на дорогѣ. Не хотѣлось мнѣ оказать ляху услугу, да что было дѣлать: пришлось даровать имъ вѣчный покой!... Да еще и снѣжную могилу насыпать, чтобъ не отыскали

друзья. А остальные всѣ пируютъ въ замкѣ, отъ огней побѣлѣла даже черная ночь.

— Пируютъ, дьяволы, на нашихъ грудяхъ,—мрачно замѣтилъ Кривоносъ.—А тебѣ оттого такъ и весело стало, что ты и пѣсню затянулъ?

Лицо Чарноты вдругъ стало серьезно.

— Ты этого, брате, не говори,—произнесъ онъ тихо.—Я, быть можетъ, только горилкой да вольною пѣсней и душу козацкую спасаю.

И, какъ бы сожалѣя о вырвавшихся у него прочувствованныхъ словахъ, Чарнота круто повернулся и широкими шагами направился къ пылавшимъ въ глубинѣ кострамъ.

— Славный козакъ!—посмотрѣлъ ему вслѣдъ Половецъ и пошелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ разставлять сторожу, ворча себѣ подъ носъ: — Не ровенъ часъ... береженаго, говорятъ, и Богъ бережетъ.

У узкаго входа въ ущелье поставили двухъ козаковъ. Шесть другихъ отошли дальше и образовали цѣпь вокругъ оврага.

Приближеніе Чарноты замѣтили и въ толпѣ.

— Чарнота, Чарнота идетъ!—зашумѣло ему навстрѣчу множество голосовъ.—Огонь-козакъ! Его обрать атаманомъ! Онъ проведетъ и въ самое пекло!

— Вѣрно, вѣрно!—загудѣли козаки.

— Н-да!—повелъ бровями Пешта.—Провести то проведетъ, да выведетъ ли обратно? Пожалуй, тамъ всѣхъ и оставитъ.

— Молодецъ на фокусы,—тихо вставилъ Бурлій,—а намъ надо голову...

Еще одинъ путникъ приблизился къ спуску. Это былъ слѣпой бандуристъ. Онъ шелъ увѣренно и смѣло, и даже та палка, которую онъ держалъ въ рукѣ, не служила ему опорой въ пути.

— Всѣ?—спросилъ бандуристъ у Кривоноса.

— Кажись, всѣ,—отвѣтилъ тотъ и, бросивъ послѣдній взглядъ на правильно разставленныхъ „вартовыхъ“ или часовыхъ, повернулъ вмѣстѣ съ Половцемъ къ оврагу.

Между тѣмъ крики въ толпѣ принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

— Атамана! Атамана!—кричали кругомъ.

— Въ чемъ дѣло, братья?—спросилъ тревожно бандуристъ ближайшихъ козаковъ.

— А, Нечай! Нечай пришелъ!—закричало сразу нѣсколько голосовъ,—и онъ, братове, козакъ не послѣдній!

Но изъ группы Пешты раздались болѣе громкіе голоса:

— Атамана, атамана обирать!

— Своего, а не ляшскаго! Кого-бъ только?—замялись и затихли вдругъ голоса.

— А что-жъ это я не вижу здѣсь нашего Хмеля?—обратился тихо къ Чарнотѣ Нечай.

— Да, его еще нѣтъ здѣсь,—оглянулся кругомъ пристально Чарнота,—я уже искалъ его.

— Какъ нѣтъ? А Кривоносъ сказалъ, что всѣ въ сборѣ,—изумился Нечай.

— Вѣрно обознался,—замѣтилъ Чарнота и прошелся снова отъ костра до костра.

— Нечая! Пусть Нечай насъ ведетъ!—раздалось въ одномъ мѣстѣ.

— Чарнота!—откликнулось въ другомъ.

— Пешта, Пешта!—загомонѣли сильнѣй голоса въ центрѣ.

— А про Хмеля забыли?—крикнули разомъ Чарнота и Нечай.

— Обойдется и безъ него! Бумагъ намъ писать уже не нужно! Годи! Годи!—поднялись раздраженные крики со стороны козаковъ, окружавшихъ Пешту.

— На кой чортъ? Что онъ за гетманъ такой? Все „товарыство“ въ сборѣ, а его нѣтъ!—загалдѣли со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, панове,—возвысилъ голосъ Пешта, замигавъ, словно сова, своими желтыми бѣлками,—Хмеля нужно подождать: я самъ подаю голосъ за Хмеля. Онъ все таки въ великой чести у ляховъ, такъ, можетъ, и за васъ доброе слово замолвитъ, да и не такъ достанется всѣмъ за избраніе: вѣдь вотъ меня и Бурлія, да еще кое-кого совсѣмъ вонъ, за хвостъ, стало быть, да въ „череду“, а Богданъ все таки остался сотникомъ... а вскорѣ, можетъ, и полковникомъ будетъ.

— Ну?—усомнился Бурлій,—развѣ поцѣлуетъ панежа въ пятку?

— Такъ что-жъ это? Продастъ онъ насъ, что ли?—закричали кругомъ нѣсколько голосовъ.

— Торгуется!—процѣдилъ сквозь зубы Пешта, и хотя это слово было произнесено не громко, но оно упало на ближайшихъ, словно искра въ бочку пороха.

— Долой Хмеля! Измѣнниковъ не надо! Пешта атаманомъ! Бить ляховъ и ляшскихъ подножковъ!—заорали кругомъ.

— Кто противъ Хмеля?—крикнулъ Чарнота, выбиваясь впередъ и разбрасывая толпу.—Кто обзываетъ его измѣнникомъ? Ну, выходи, помѣряемся силой! Эта рука и эта грудь,—ударилъ онъ себя кулакомъ по груди,—ручаются за него!

— Правда, правда!—раздались въ заднихъ рядахъ одинокіе голоса.—Онъ—честный козакъ!

— Не только честный—первая голова!—гаркнулъ Нечай.

— Если онъ умѣетъ ладить съ панами, такъ вы готовы на него горы вернуть,—продолжалъ Чарнота, горячась все больше и больше.—Тутъ клевещутъ изъ зависти, а вы развѣсили уши.

— Да что ты тутъ разговориваешь?—послышались въ отвѣтъ разгоряченные голоса.—Какого намъ чорта въ его радѣ?... Чтобъ снова предложилъ листы писать? Обирайте атамана! Долой Хмеля! Пешту, Пешту!—кричали съ одной стороны.

— Брехня, брехня! Хмель славный козакъ!—заревѣли съ другой.

— Ну, заварилась каша,—шепнулъ тихо Пешта, наклоняясь къ Бурлію,—а мы что? Наше дѣло сторона!—усмѣхнулся онъ злобно и сталъ прислушиваться къ крикамъ толпы, отпуская иногда два-три мѣткихъ слова и разгорячая тѣмъ еще болѣе обезумѣвшія отъ отчаянія головы.

— Поспѣшимъ; тамъ что то неладное,—тревожно заторопился Кривоносъ, спускаясь въ оврагъ и поддерживая Половца подъ руку.

— Охъ, не Пешта ли?—качалъ головою Половецъ.

Издали картина представлялась чѣмъ-то сверхъестественнымъ и страшнымъ. Гигантскіе костры, расположенные въ двухъ концахъ ущелья, подымали цѣлые снопы яркаго пламени и раскаленныхъ искръ. Въ этомъ ярко-красномъ свѣтѣ пурпуромъ горѣли нависшіе снѣжные своды, а свисшіе надъ ущельемъ громадные дубы и сосны казались вылитыми изъ раскаленной мѣди. Дикими и ужасными вырисовывались разгоряченныя, темныя лица козаковъ, а общій крикъ, слившійся въ какой то дикій гулъ, наводилъ на душу суевѣрный, подавляющій страхъ.

— Хмель идетъ! Хмель идетъ!—крикнулъ Нечай, махая надъ головой шапкой.—Вотъ кого обрать атаманомъ, вотъ голова!

— Нѣтъ, нѣтъ, это Кривоносъ!—отозвался кто-то при входѣ.

— Его атаманомъ!—крикнули дружно одни.

— Кривоноса!—подхватили другіе.

— Пешту, Пешту!—раздались голоса изъ глубины.

Но всѣ эти возгласы покрылъ снова одинъ бѣшенный крикъ: „Смерть ляхамъ! Смерть Потоцкому! Рубить, жечь!“

Кривоносъ нѣсколько разъ пытался было говорить, но дикіе, необузданные крики совершенно заглушали его голосъ.

Наконецъ, ему удалось взобраться на довольно широкій и высокій пень и, поднявшись значительно выше толпы, онъ закричалъ на сколько могъ громкимъ голосомъ: „Слова, братья, прошу!“.

На мгновенье воцарилась тишина.

— Братья, отъ крику ничего ни будетъ,—началъ Кривоносъ.—Мы собрались здѣсь раду держать, а не ругаться, какъ перекупки на базарѣ.

— Снова раду затѣяли,—замѣтилъ ехидно Пешта, обращаясь къ окружающимъ козакамъ.

— Раду? Довольно! Листовъ намъ больше не надо! Слѣзай! Довели уже своими петиціями до краю!—раздались голоса изъ заднихъ рядовъ.

— Да что вы, дьяволы, не узнали, что ли, Кривоноса?!—гаркнулъ Кривоносъ уже съ такой силой, что жилы надулись у него на лбу.—Я пишу свои петиціи не черниломъ, а кровью!

— Да это Кривоносъ!—раздались крики изъ переднихъ рядовъ.—Слушайте, слушайте! Онъ вѣрный козакъ!

— Рубить ляховъ, жечь!—поднялись было неулегшіеся крики, но Кривоносъ уже заревѣлъ, протягивая впередъ руки.—Стойте, вражьи сыны!—и все стихло помалу.—Кой чортъ вамъ говоритъ, чтобъ ихъ миловать? Милуютъ они насъ, ироды? Нѣтъ для меня большаго праздника, какъ топить ихъ въ ихъ дьявольской крови!

— Такъ, такъ! Молодецъ! Слава! Веди насъ, веди сейчасъ!—сорвался дружный крикъ.

— Спасибо, братья!—поклонился Кривоносъ.—Только... Да, слушайте жъ, ироды!—продолжалъ онъ далѣе охрипшимъ отъ напряженія голосомъ.—Вотъ вы тутъ избирали атамана и, дякую вамъ за честь, и мое поминали имя, только, братья, развѣ это порядокъ? Развѣ мы всѣ тутъ? Развѣ безъ нашихъ братчиковъ, запорожцевъ, можно выбирать кошевого?

— Правда, правда!—отозвались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голоса, и волненіе начало упадать.

— Такъ вотъ что, братцы,—продолжалъ Кривоносъ,—слыхали вы всѣ, какъ привѣтствовалъ насъ сегодня польный гетманъ, и мы имъ этого не „подаруемъ“. Порѣшимъ же сначала, гдѣ бить ляховъ, съ какого конца ихъ „шкварить?“

— Рѣшай, рѣшай, друже!—отозвались отовсюду остервенившіеся голоса,—головами наложимъ, а помстимся надъ ними!

— Ухъ, помстимся же!—оскалилъ зубы Кривоносъ и засучилъ рукава на своихъ мохнатыхъ рукахъ,—а думка моя такая: въ Брацлавщинѣ Богунъ собралъ уже отрядъ добрыхъ молодцовъ и ждетъ подмоги. Кому жизни не жалко, кому не страшно смерти. идите ко мнѣ! Мы имъ вспомнимъ всѣ ихнія „наруги“ [1]) и декреты!

---

[1]) Издѣвательства.

Мы вымотаемъ панскія жилы, поджаримъ ихъ клятыхъ ксендзовъ, насмѣемся надъ ихъ костелами, какъ они смѣются надъ святыми церквями! Братья, кому нѣтъ радости въ жизни, идемъ въ Брацлавщину,—и я васъ туда проведу.

— Спасибо! Слава, слава Кривоносу!—раздались кругомъ восторженные возгласы.

— Постойте, постойте, братья!—закричалъ Нечай, подымаясь на пень рядомъ съ Кривоносомъ.—Не въ Брацлавщину пойдемъ, а на востокъ. Я былъ у донцовъ, они обѣщали намъ большую подмогу.

— Что донцы, братъ?—возразилъ Кривоносъ.—Брацлавщина свободна отъ войскъ, а къ востоку стянулись всѣ коронныя рати.

— Правда, правда! Слѣзай, Нечай! Въ Брацлавщину веди насъ! Намъ нечего терять!

— Постойте, постойте, братья!—началъ было одинъ молодой козакъ, вскакивая на пень, но толпа не дала ему говорить „Молчи! Слѣзай! Умнѣе не скажешь!“—раздалось со всѣхъ сторонъ. И нѣсколько паръ сильныхъ рукъ протянулись къ пню, и въ одно мгновенье козакъ исчезъ въ толпѣ.

— Пусть Пешта говоритъ! Говори, Пешта!—закричали окружающіе Пешту козаки.

Пешта поднялся было на пень; но крики и свистъ, раздавшіеся съ противоположной стороны, заглушили его слова.

Въ это время взобрался на пень Половецъ и, не имѣя голоса, чтобы покрыть забурлившую снова толпу, началъ махать руками и усиленно кланяться на всѣ стороны, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Половецъ-дидъ хочетъ рѣчь держать!—подняли ближайшіе шапки вверхъ.

— Дѣти мои, сыны мои,—началъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ дѣдъ,—не то, что сыны, а внуки! Старъ я, послужилъ на своемъ вѣку моей дорогой Украйнѣ, а все таки не хочется умирать, не учинивши какой либо послуги... Не годенъ я уже на эти походы, дорогой разгублю свои кости... Тамъ на льду осталось наше знамя, мы съ нимъ состарились вмѣстѣ. Такъ позвольте мнѣ, панове товарыство,—поклонился онъ съ усиліемъ на три стороны,—лечь рядомъ съ нимъ... Я пойду, полѣзу, прокрадусь въ замокъ и всажу пулю въ лобъ этому извергу, этому сатанинскому выплодку, что такъ насмѣялся, наругался надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, что у насъ было святаго...

У старика тряслась покрытая серебряными прядями голова, по щекамъ струились слезы. Вся его согбенная фигура, освѣщенная съ

одной стороны краснымъ заревомъ, производила потрясающее впечатлѣніе и взывала къ отмщенію.

— Знамя, братцы, Знамя!—вырвался среди толпы стонъ и заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

Наступило грозное молчаніе.

— Старца не допустятъ... на колъ посадятъ—кто-то тихо вздохнулъ.

— Стойте!—раздался чей то зычный, удалой голосъ.

На пнѣ, возвышаясь надъ всей толпой, стоялъ Чарнота. Клокъ бѣлокурыхъ волосъ вырвался у него изъ подъ шапки, голубые глаза горѣли воодушевленіемъ.

— Братья, товарищи,—кричалъ онъ, хватаясь за саблю,—да мы сейчасъ, сегодня же можемъ разметать ляховъ!

Отъ охватившаго его волненія голосъ Чарноты прервался на мигъ, но онъ продолжалъ снова съ возрастающимъ огнемъ:

— Я былъ возлѣ замка; тамъ идетъ повальное пьянство. Жолнеры расквартированы далеко. Въ замкѣ душъ полтораста пановъ, да триста солдатъ. Черезъ два-три часа все будетъ лежать покотомъ. Да развѣ каждый изъ насъ не возьметъ на себя по пяти пьяныхъ ляховъ? Я беру десять! За то ужъ „пошарпаемъ“ гнилую шкуру Потоцкаго, освѣтимъ замокъ, да и посмѣемся же, братья, за нашъ позоръ, за Масловъ Ставъ!

Страшный изступленный крикъ не далъ ему окончить.

— Идемъ!—бурей заревѣло кругомъ.—Сотня рукъ протянулась къ пню подхватить Чарноту. Напрасно пытался говорить Нечай, напрасно кричалъ Кривоносъ,—толпа не желала больше слушать никого и ничего. Какъ потокъ бѣшеной лавы, двинулась она къ выходу.

Вдругъ неожиданно выросла противъ толпы у входа чья-то мощная и статная фигура.

— Остановитесь!—раздался повелительный крикъ.

Толпа отхлынула и окаменѣла...

Стоя въ тѣни, никѣмъ незамѣченный, Богданъ удерживалъ порывистыя движенія Ганджи, рѣшась не выдавать своего присутствія и не возражать пока противъ клеветы и ехидства, поднятыхъ противъ него завистью. И кого же? Спасеннаго имъ же отъ смерти товарища! Эта черная неблагодарность, впрочемъ, не такъ возмутила его, какъ сочувствіе къ клеветѣ большинства. Богдану хотѣлось испить чашу до дна и убѣдиться, прочно ли къ нему довѣріе „товарыства“, или оно, какъ мыльный пузырь, можетъ лопнуть отъ перваго дуновенія. Изъ богатаго опыта жизни, толкавшей его всегда между всякаго рода обществами, Богданъ зналъ, что общее настро-

ніе ихъ измѣнчиво и капризно, что ихъ, какъ дѣтей, можетъ и увлечь слово, и повергнуть въ тупую тоску, но чтобъ бездоказательное, голое слово могло сразу сломить уваженіе къ заслуженной доблести, этого онъ не ждалъ, и глубоко оскорбленное чувство сжимало ему горечью горло и заставляло вздрагивать отъ боли сердце. И чѣмъ дальше прислушивался онъ къ спорамъ и переметнымъ крикамъ, тѣмъ эта боль разросталась сильнѣй и сильнѣй. Чѣмъ-то дикимъ, стихійнымъ вѣяло отъ всего этого собранія; казалось, у всѣхъ старшинъ горѣло только одно неукротимое желаніе: бить и жечь ляховъ, одно только ненасытное чувство мести. Но въ этомъ бурномъ порывѣ Богданъ видѣлъ мимолетную вспышку безсильной злобы за кровавое оскорбленіе. Это ѣдкое раздраженіе способно было поднять толпу лишь на какую нибудь безумную, отчаянную выходку, съ единственною цѣлью сорвать злость, опьянить себя местью; но оно рѣшительно отнимало вѣру въ созрѣвшую силу, готовую обречь себя на безпощадную и упорную борьбу. Богданъ слушалъ эту безформенную, бурливую злобу и рѣшалъ мучительный вопросъ, можно ли ею воспользоваться для борьбы, направить на благо для родины ея кипучій потокъ? Нѣтъ, еще не приспѣлъ часъ, еще они не готовы,—выяснилось у него сознаніе; нужно еще собирать силы, организовать ихъ, окрылять разумною цѣлью. Много погибло этихъ силъ въ неравной борьбѣ, а потому-то нужно щадить уцѣлѣвшія и прививать къ нимъ новобранныя. Не дай Богъ растратить послѣднія силы по пустому, ради удали или безумной вспышки, а вотъ этого именно теперь опасаться и нужно,—соображалъ Богданъ, глядя на возбужденныя лица, на огненные глаза... и когда Чарнота началъ подбирать толпу, чтобы броситься на замокъ Конецпольскаго, у Богдана оборвалась душа, упало сердце. „Безумецъ! Онъ поведетъ ихъ на погибель“,—мелькнуло въ его головѣ и молніей же сверкнула рѣшимость: остановить, спасти...

Онъ рѣшилъ стать грудью противъ этой толпы, противъ этого разъяреннаго звѣря, и онъ крикнулъ: „Остановитесь!“

Это внезапное появленіе Богдана и повелительный крикъ отшатнули, ошарашили толпу; Богданъ зналъ, что это продлится не болѣе мгновенія, а потому и желалъ имъ воспользоваться для своихъ цѣлей.

— Я имѣю сообщить вамъ важныя новости!—произнесъ онъ громко, подчеркивая слова.

— Кто тамъ? Что случилось? Засада? А?—послышались съ разныхъ сторонъ тревожныя восклицанія.

— Нѣтъ! Стойте! Это Хмель! Это писарь Богданъ!—раздалось въ ближайшихъ рядахъ.

— Хмель?—крикнулъ Нечай—вотъ и отлично!

— Опять онъ! Къ черту!—забурлили въ заднихъ рядахъ.

— Да слышите-жъ, глухари, важныя вѣсти принесъ!—крикнулъ Кривоносъ.

— Вѣрно про новое слезное прошеніе къ панамъ,—вставилъ тихо Пешта.

— Не нужно прошеній! Вѣдьмѣ на хвостъ ихъ!—заревѣла снова и заволновалась толпа.—Смерть ляхамъ! Рушай!

— Стойте, черти!—гаркнулъ Кривоносъ.—Не галдѣть! Слышите же: важныя вѣсти принесъ!

— Такъ пусть говоритъ! Скорѣй! Скорѣй! Въ замокъ пора!—не унимались возбужденные возгласы, но любопытство все-таки взяло верхъ и притишило бурлящую кипень.

— Во первыхъ, панове,—началъ, овладѣвши собою, Хмельницкій,—я пришелъ вамъ сообщить планъ, какъ взять замокъ и по-свойски расправиться съ врагами.

— А коли такъ, говори, говори!—обрадовались разгоряченныя головы.—Мы рады тебя слушать.

— Видите ли? А тутъ что было? Нѣтъ, Хмель молодецъ!—послышались одиновія одобренія.

— Вамъ заявилъ и нашъ славный Чарнота, что напасть нужно не раньше, какъ часа черезъ два, черезъ три, когда перепьются мертвецки и паны, и гарнизонъ, а вы хотѣли, не слушая его, броситься сразу и попали бы прямо въ зубы ляхамъ.

— Правда, правда!—загалдѣли козаки.

— Значитъ, братья, во всякомъ дѣлѣ горячность вредитъ,—поднялъ голосъ Богданъ,—а въ военныхъ „справахъ“ найпаче. Вамъ Чарнота еще не все сообщилъ, такъ какъ онъ шелъ только около „брамы“, а внутри, на дворищѣ замка, не былъ... Вѣдь правда?

— Да, не былъ... Это точно, пане Богдане,—отвѣтилъ Чарнота.

— Ну, а я вотъ былъ тамъ внутри, и въ самомъ замкѣ, и все осмотрѣлъ,—овладѣвалъ все больше и больше вниманіемъ толпы Хмельницкій.—Вокругъ замка разставлена артиллерія, внутри двора стоитъ триста гусаръ гарнизона, на стѣнахъ „вартовые“, а кругомъ разъѣзжаютъ патрули, хотя дѣйствительно остальныя войска расквартированы версты за три.

— Такъ, что-жъ это, значитъ, по твоему, и добыть ихъ нельзя?—поднялись недовольные голоса.

— Подвести, значитъ, насъ хотѣли?—вырвалась у кого-то угроза.

— Да правда ли еще?—усомнился кто-то вдали.

— Что это правда, въ томъ вы убѣдитесь сами, когда пойдемъ,—продолжалъ Богданъ,—а подвести васъ не могъ и думать нашъ доблестный лыцарь Чарнота,—дай Богъ всякому такое честное сердце! Сгоряча только ему показалось, что можно легко ляховъ перебить, а и погорячиться то, братцы, можно, коли у каждаго изъ насъ кровью на нихъ сердце кипитъ.

— Вѣрно, вѣрно!—раздался одобрительный говоръ кругомъ.—Добре говоритъ: видно, что голова!

— Только и эти идолы,—продолжалъ Богданъ,—хитрые, да и боятся нашего брата здорово, какъ чортъ ладона. Развѣ неправда? Такую горсть насъ собрали, а войскъ своихъ и латниковъ, и драгуновъ навели страхъ! Пить то засѣли въ замкѣ, а обложились и „гарматами", и „гаковницами", и „залогами" и по степи снарядили разъѣзды.

— Дьяволы!—раздался общій крикъ негодованія, но въ немъ уже не слышалось перваго бѣшенаго порыва, а скорѣе звучала тоска.

— Но я съумѣю добыть ихъ, товарищи,—почти крикнулъ Богданъ,—хотя бы у нихъ была и тысяча рукъ!

— Любо! Хвала!—раздались голоса.—Веди насъ, веди!

— Слушайте, мои друзи и братья,—продолжалъ Богданъ,—я передамъ тому, кто поведетъ васъ, мои развѣдки, мои соображенія, мои планы и самъ подчинюсь ему,—вѣдь нужно выбрать „доводца" найчестнѣйшаго, незапятнаннаго никакимъ подозрѣніемъ, кому-бы вы безусловно вѣрили, уваженія къ кому не подорвала бы никакая низкая клевета,—у Богдана отъ подступившаго чувства волненія и боли оборвались слова.

— Тебя... тебя, Богдане, просимъ,—поднялись не совсѣмъ еще дружные голоса.

— Мы тебѣ вѣримъ!—крикнулъ Чарнота, а за нимъ подхватили и Кривоносъ, и Нечай, и Ганджа,—вѣримъ, какъ себѣ!

— Вѣримъ!—отозвались глухо углы.

— Спасибо вамъ, братья,—поклонился Богданъ,—только и это ваше слово вылетѣло сгоряча, простите на правдѣ! Развѣ искренно можно вѣрить тому, кто въ продолженіи двадцати лѣтъ не доказалъ ничѣмъ ни своей доблести, ни любви къ Украйнѣ?—въ голосѣ Богдана звучали горькія ноты.—Хотя подъ Цецорою я и бился въ рядахъ, такъ то за наше общее отечество противъ басурмановъ; хотя подъ Смоленскомъ я первый взлѣзъ на валъ и вырвалъ у непріятеля знамя, такъ это опять таки, можетъ быть, ради полученія сабли въ награду; хотя подъ Москвою надо мной разорвало бомбу и ранило осколкомъ вотъ въ эту грудь, такъ это,

вѣроятно, я ее подставлялъ для того, чтобы похвалиться передъ панами. Хотя я, вотъ съ друзьями моими Нечаемъ и Кривоносомъ, да съ честными лыцарями и сжегъ Синопъ, да два раза „пошарпалъ“ еще Трапезонтъ и Кафу, да вызволилъ сотни три невольниковъ, покативши славой до самаго Цареграда, такъ и это было дѣломъ ехидства, чтобъ украсть довѣріе себѣ у славнаго „товарыства“.

— Что ты, батьку, клеплешь на себя?—послышался изъ середины растроганный голосъ.

— Да если-бъ это не ты самъ на себя взводилъ такую напраслину, такъ я бы тому вырвалъ языкъ изо рта!—брязнулъ саблей Кривоносъ.

— Слава Богдану, а клеветникамъ „трясця“ въ печенку!—раздались восклицанія.

— Хотя я... дайте досказать, товарищи, мои думки, много ихъ столпилось, давятъ!—продолжалъ Богданъ приподнятымъ голосомъ, дрожавшимъ какою-то скорбной волной.—Давно это было, лѣтъ тридцать назадъ; вскорѣ послѣ нашихъ славныхъ морскихъ походовъ... Помните, какой заверюхой закружились надъ нами ляхи, какая на насъ гроза поднялась отовсюду? Такъ вотъ, съ Михайломъ Дорошенкомъ да Половцемъ мы разбили подъ Бѣлою Церковью поляковъ. Ну, такъ они хотѣли тоже уничтожить, истребить козаковъ, да я отправился съ Дорошенкомъ къ коронному гетману и успѣлъ убѣдить его постоять за насъ въ сеймѣ,—и дѣло кончилось Кураковскимъ договоромъ.

— Что и толковать! — пробѣжалъ говоръ между сомкнутыми рядами.

— Вѣрно,—не прерывалъ рѣчи Богданъ.—Намъ три года ляхи не платили жалованья; я съ Барабашомъ отправился хлопотать къ королю и выхлопоталъ его. Поднялъ, вопреки моему совѣту, возстаніе Павлюкъ, я ему сообщалъ черезъ Чарноту всѣ свѣдѣнія относительно движеній и силъ кварцяного войска. Кто далъ возможность Скидану уйти отъ преслѣдованія ляховъ? Я—это знаетъ Нечай! Кто провелъ Филоненка къ Гунѣ? Я—это извѣстно большинству здѣсь стоящихъ!

За каждымъ вопросомъ Богдана, словно рокотъ несущагося прибоя, возрастали глухіе, одобрительные возгласы, смѣшанные съ угрозами, направленными въ сторону Пешты.

— Служилъ то я родинѣ моей и преславному козачеству, какъ мнѣ казалось, „щыро“ и честно, не жалѣючи живота, а вотъ говорятъ почтенные люди, что все это дѣлалъ я изъ корысти, чтобъ добыть себѣ панскую ласку, и я долженъ этимъ почтеннымъ, заслуженнымъ людямъ вѣрить. Только вотъ не знаю, какъ это при-

вязать къ панской ласкѣ, что меня въ Каменцѣ держали разъ мѣсяца три въ тюрьмѣ, въ Кодакѣ потомъ сидѣлъ въ ямѣ и, если-бъ не Богунъ, висѣлъ бы на дыбѣ, въ станѣ Вишневецкаго чуть не угодилъ на колъ, да и теперь вотъ наказанъ то одинъ я! Вѣдь полковники смѣнены не по личной винѣ, а по ординаціи, потому что сеймъ постановилъ давать эти мѣста лишь католикамъ, да и то отъ короны, а меня понизили по моимъ личнымъ у панской ласки заслугамъ. Моимъ друзьямъ, Бурлію и Пештѣ можно смѣло голосоваться и быть выбранными во всякую, кромѣ полковницкой, должность, а мнѣ уже своего „каламаря“, какъ ушей, не видать... но говорятъ мои почтенные друзья, что это для меня повышеніе, награда, и я долженъ имъ вѣрить!

— Врутъ они, врутъ!—раздались уже грозные возгласы, и загорѣвшіеся гнѣвомъ глаза метнули молніи въ глубину ущелья.

— Клеветники подлые, гадюки!—поднялись вверхъ кулаки во многихъ мѣстахъ.

— Мы тебѣ вѣримъ! Ты лыцарь и голова!—перекатывалось волной.

— Стойте, любые братья, не горячитесь!—продолжалъ Богданъ увѣреннѣе, воспламеняясь все больше и больше, и предвкушая уже побѣду; глаза его горѣли благороднымъ гнѣвомъ, движенія были величавы, вся мощная и статная фигура выражала гордость, сознаніе собственной силы и достоинства, неотразимо вліявшаго на толпу.—А провѣрьте холоднымъ разумомъ мои слова, и вы увидите,—что я правъ: Запорожье у насъ теперь единственный и послѣдній оплотъ, какъ это вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, а вотъ изъ Кодака хотѣлъ было броситься немедленно на низъ Ярема, да мнѣ удалось удержать его... Онъ, впрочемъ, рѣшилъ, собравши больше „арматы“, разгромить его съ Конецпольскимъ. Наши горячія головы хотѣли было ударить на панскіе хутора и потѣшиться местью; но я былъ убѣжденъ—и клянусь Богомъ—всѣмъ сердцемъ моимъ, что горсти не справиться съ коронными силами, что пропадутъ даромъ наши лучшіе лыцари и что нужно выиграть время на собраніе и укрѣпленіе силъ для борьбы. Вѣдь Польша можетъ легко выставить и кварцяныхъ, и надворныхъ войскъ съ „Посполитымъ рушеньемъ“ двѣсти тысячъ и больше, а мы, изнеможенные и разбитые, что можемъ противопоставить этой чудовищной силѣ?... Лишь свою беззавѣтную храбрость и удаль, да къ нимъ еще и кровавую обиду въ придачу. Небо беру въ свидѣтели, что я это считалъ и считаю истиной... но говорятъ честные, преданные родинѣ люди, что я все выдумалъ для обмана, изъ-за корысти, и я долженъ имъ вѣрить!

Толпа мрачно молчала, подавленная силой истины и упрека.

— Говорилъ я это и Тарасу, и Павлюку, и Степану, чтобъ не отваживались съ горстью, а собрали бы исподволь, да такую ужъ силу, чтобъ сломила гордую Польшу... Да что съ горячими, удалыми головами подѣлаешь? Летятъ вихремъ-бурею, не считая врага, а спрашивая лишь, гдѣ онъ? Ну, и что-жъ? Много славы и неслыханной отваги проявили они, заставили заговорить о себѣ цѣлый свѣтъ, заставили содрогнуться въ ужасѣ Польшу... а въ концѣ концовъ все таки подавили удальцевъ и обрѣзываютъ съ каждымъ годомъ наши права.

Послышался тяжелый вздохъ сотни грудей, словно вздохнула пастью пещера.

— Я упросилъ, я убѣдилъ товарищей моихъ дорогихъ воздержаться отъ необдуманныхъ и неравносильныхъ схватокъ,— продолжалъ Богданъ, и въ его тонѣ уже слышалась гордая самонадѣянность,—не раздражать, а усыпить врага мнимымъ смиреніемъ и слезными прошеніями, чтобы тѣмъ временемъ собрать силы. Да! Я взялъ на себя этотъ грѣхъ! Никто изъ насъ, помните, друзи, не придавалъ этимъ прошеніямъ никакой цѣны и не ждалъ отъ нихъ пользы... Но, какъ мнѣ кажется,—да поможетъ намъ во всякомъ дѣлѣ Господь!—наши старанія не только не пропали „марно“, а принесли пользу, и большую даже, чѣмъ я ожидалъ...

— Какъ? Что?—насовывались задніе ряды.

— Тише! Слушайте!—останавливали шумъ передніе.

— Говори, батьку!—крикнулъ кто то.

— Да вотъ,—продолжалъ Богданъ, окидывая побѣднымъ взглядомъ толпу; вокругъ него довѣрчиво тѣснились знакомыя, близкія лица, и онъ чувствовалъ уже всѣмъ своимъ замирающимъ сердцемъ, что эта стоголовая толпа была у него въ рукахъ.—На Запорожьи за это время собрались уже добрыя силы, Богунъ собралъ отряды на Брацлавщинѣ, Нечай успѣлъ присогласить донцовъ, у Кривоноса пособраны тоже ватаги.

— Да, да! Это правда!—отозвались ободренные голоса.—Такъ и унывать нечего! Хвала Хмелю!...

— Нѣтъ, братья, не хвала,—вздохнулъ Богданъ,—а позоръ! Я самъ сначала былъ радъ за себя, тѣмъ болѣе, что получена еще неожиданно добрая вѣсть. Но говорятъ вѣрные и преданные люди, что черезъ мое прошеніе постигла насъ кара, что я торговался и продавалъ, какъ Іуда, моихъ братьевъ, и я долженъ вѣрить этому позору!

— Ложь! Клевета!—вырвался бурею крикъ.—Кто пустилъ? Кто осмѣлился?

— Стойте, братья!—скинулъ шапку Богданъ.—Я не могу не вѣрить,—вѣдь это говорилъ благодарнѣйшій и преданнѣйшій мнѣ человѣкъ, это говорилъ тотъ, котораго я спасъ отъ смертной казни, у палача вырвалъ изъ-подъ топора!

— „Зрадникъ!“ Іуда!—заревѣли въ одномъ концѣ.

— Подать его! На расправу!—поднялись кулаки въ другомъ.

Пешта давно уже блѣднѣлъ и дрожалъ, предвидя налетавшую грозу и чувствуя, что у него нѣтъ средствъ защититься отъ занесеннаго надъ головою удара: и досада, и злоба, и зависть жгли ему сердце, мутили желчь и искривляли судорогами лице, но, когда взрывъ негодованія поднялся и овладѣлъ всею массой, то чувство ужаса пересилило у него всѣ ощущенія, осыпало спину морозомъ и проняло лихорадочною дрожью. Видя безъисходную гибель, Пешта рѣшился на отчаянный шагъ—отдать себя подъ защиту имъ же оклеветаннаго и поруганнаго Богдана.

Онъ быстро подошелъ къ нему и съ глубокимъ поклономъ сказалъ:

— Прости меня, благородный товарищъ, не въ томъ, что я усомнился въ твоей честности,—за нее я сейчасъ отдамъ свою голову,—а въ томъ, что я тоже повѣрилъ, будто твои искренніе совѣты не дали добрыхъ плодовъ... Что-жъ? Человѣкъ бо есмь! Горе затуманило и меня, какъ и всѣхъ пришибло... А коли человѣкъ въ тоскѣ, такъ ему чертъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову! Каюсь, вотъ передъ всѣмъ „товарыствомъ“ каюсь и у него тоже прошу о прощеніи.

— Ишь, какой лисой! А что брехалъ?—засмѣялся кто-то въ толпѣ.

— Проучить бы ирода!—зашипѣли въ двухъ мѣстахъ грозно.

Но Богданъ уже былъ удовлетворенъ: онъ торжествовалъ, завистникъ и клеветникъ былъ уничтоженъ, а потому съ благородною снисходительностью онъ протянулъ Пештѣ руку.

— Успокойся, Пешта! Я хочу вѣрить, что ты теперь говоришь искренно; мнѣ больно было бы убѣдиться, что я цѣлую свою жизнь и думалъ, и дѣйствовалъ не на пользу, а во вредъ безмѣрно любимой мною странѣ... Но, если вы всѣ иначе думаете, то мнѣ остается только всего себя и всѣ свои силы отдать на служеніе моей родинѣ и моей найдорожшей семьѣ—славному и честному „товарыству“.

— Слава, слава Богдану! Молодецъ! Лыцарь! Батько!—посыпались привѣтствія со всѣхъ сторонъ.

— Веди насъ на ляховъ!—подхватили снова горячія головы.

— А вотъ еще, панове,—поднялъ вверхъ листъ бумаги Хмельницкій, желая отвлечь толпу отъ вновь готоваго вспыхнуть азарта,—

знайте, братья,—продолжалъ онъ окрѣпшимъ, громовымъ голосомъ,—декретъ, прочитанный на Масловомъ Ставу, былъ продиктованъ лишь сеймомъ, король же особо черезъ канцлера Осолинскаго пишетъ намъ.

— Король? Самъ король?—зашумѣла, заволновалась толпа.

— Бумага? Читай, читай!—раздались отовсюду радостные голоса.

Пешта провалился куда-то въ тѣнь, Бурлій тоже затерялся въ толпѣ, а Богданъ продолжалъ уже говорить властно, поднявши надъ головою пергаментный листъ:

— Панове! Король проситъ передать вамъ, что тотъ декретъ подписанъ насильно его рукой, что душею Его Найяснѣйшая Мосць—нашъ, что въ насъ только онъ и видитъ опору, но не можетъ ничего сдѣлать, потому что сеймъ обрѣзываетъ ему волю. Король жаждетъ войны, такъ какъ она дастъ ему въ руки цѣлое войско и позволитъ увеличить и наше число; когда же онъ станетъ на челѣ войскъ и крѣпкой рукой обопрется на насъ, тогда мы сотремъ кичливую голову сейма и получимъ новую „ординацію“ отъ нашего короля.

Богданъ остановился на мгновенье; фигура его, освѣщенная кровавымъ заревомъ догоравшихъ костровъ, была величественна и влекла къ себѣ сердца обаяніемъ таинственной силы.

— Друзья!—вырвалъ онъ изъ ноженъ драгоцѣнную саблю.—Вотъ письмо Осолинскаго! Король поручаетъ намъ поднять войну. Онъ совѣтуетъ намъ „пошарпать“ турецкія границы и вызвать Турцію. Деньги на чайки и на походъ мы получимъ!

— Слава, слава! „Хай жые!“—раздались восторженные крики, а въ иномъ мѣстѣ приподнялись десятки рукъ съ шапками, въ другомъ—засверкали клинки.

Недавняго тупого отчаянія, позорнаго униженія и дикой злобы не было и слѣда; глаза у всѣхъ горѣли энергіей и надеждой, лица дышали отвагой, движенія кипѣли удалью и силой!

— За короля! Мы за него, а онъ за насъ!—стоялъ уже гвалтъ.—А ты, Богданъ, ты будешь нашимъ атаманомъ!

Послѣдній возгласъ ошарашилъ Богдана, какъ ударъ палаша: онъ его ждалъ и страшился. Самъ того не замѣчая, Богданъ связалъ себя и поставилъ въ безвыходное положеніе. Броситься съ ними на Запорожье, самовольно удалиться отъ службы, принять участіе въ походѣ, сжечь за собою всѣ корабли... О, это было бы еще слишкомъ рано, слишкомъ рано!

Холодный потъ выступилъ у Богдана на лбу, а все козачество между тѣмъ единодушно восклицало:

— Слава Богдану! Ты нашъ атаманъ! Веди насъ, веди!

— Панове-братья!—поклонился, снявъ шапку, Богданъ на три стороны.—Спасибо вамъ за великую честь, которой, быть можетъ, я и не стою, только не будемъ горячиться, а обдумаемъ лучше и серьезнѣе все... Тутъ не всѣ мы и въ сборѣ... Нельзя нарушать нашихъ старыхъ обычаевъ и правъ... есть вѣдь люди и постарше меня. Обсудимъ цѣлымъ „кошомъ“, на чемъ „рада“ станетъ... А то сгоряча опять бы не сдѣлать какого промаха. Вѣдь вотъ, примѣромъ, мой пріятель и опытный „лыцарь“ панъ Кривоносъ, хотѣлъ же сейчасъ, зимою, по снѣгамъ, отправиться въ походъ,—коней, вмѣсто подножной травы, кормить снѣгомъ.

— Да, да,—засмѣялись весело всѣ.

— Поймалъ, братъ, точно!—почесалъ Кривоносъ, улыбаясь, затылокъ.—Экъ, угораздило съ „запалу!“

— Значитъ, моя „рада“ такая, коли моего глупаго слова послушаете...

— Глупаго? Соломона заткнетъ за поясъ!—мотнулъ головою Чарнота.

— Говори! Какъ не послушаться?—замахали шапками всѣ.—Теперь-ли, послѣ-ли, а атаманъ ты нашъ, да и баста!

— Такъ вотъ что, братья: и Кривоносу, и Богуну, и Нечаю, и всѣмъ, по моему, стянуть силы на Запорожье, укрѣпить его на всякій случай, снарядить „чайки“: одна часть ударитъ моремъ на турокъ, а другая „суходоломъ“—на татарву, чтобы затянуть бусурмановъ въ войну.

— Любо! Любо! На Запорожье „рушать!“—загалдѣли всѣ, трепля другъ друга по плечамъ и оживляясь задоромъ.

— И ты съ нами на Запорожье!—положилъ руку на плечо Богдана Нечай.

— Съ нами, съ нами вмѣстѣ! Не отступимся отъ тебя!—тѣснились къ нему козаки.

— Панове-друзи!—попробовалъ еще отшутиться и провѣрить настроеніе толпы Богданъ.—А замокъ забыли? Можетъ, пойдемъ брать его?

— Къ дьяволу замокъ! Не до „жартивъ“, коли такое дѣло!—воспротивились всѣ.

— Это такъ!—махнулъ шапкой Чарнота.—За часъ до этого я не зналъ, гдѣ бы разбить башку свою поскорѣй, а теперь для такой „справы“ поберегу и ноготь.

— Да, пожалѣетъ тотъ, кто умеръ раньше,—поправилъ усъ Кривоносъ,—а я пожалѣю, что у меня не четыре руки. Такъ завтра же до свѣта, Богдане, на Запорожье!

— Я бъ послѣ... не распорядился дома...—замялся Богданъ.

— Слушай, Хмеле,—строго взглянулъ ему въ глаза Кривоносъ,—ужъ коли по „щырости“, такъ по „щырости“: на свое сотничество начихай, а послужи Украинѣ: ты и для укрѣпленія Сѣчи необходимъ, и для похода, и для всего,—одна ты у насъ голова, на тебя у всѣхъ и надежда.

— Что же, Богдане? Ужели у тебя дѣло въ разладъ идетъ со словомъ?—устремились на него взоры всѣхъ.

Краска ударила въ лице Богдану.

— Нѣтъ, братья, нѣтъ!—произнесъ онъ, отбрасывая голову, и протянулъ руки ближайшимъ.—Богъ видитъ, нѣтъ въ моихъ мысляхъ лукавства! Дайте мнѣ только одну минуту... распорядиться...

— Мы вѣримъ тебѣ, брате!—произнесли разомъ Кривоносъ, Нечай и Чарнота.

Въ сторонѣ Богданъ замѣтилъ Ганджу.

— Брате!—заговорилъ онъ поспѣшно и тихо,—сложилось такъ все, что долженъ я ѣхать на Запорожье. Вернусь ли когда, не знаю самъ. Одна къ тебѣ просьба: исполни, друже, слова не пророни! Скачи въ мой хуторъ; присмотри за моими; передай Ганнѣ, что ей одной я поручаю семью. Скажи, чтобы помнила, чтобы молилась! Да вотъ еще: я напишу три слова коронному гетману. Помни, отъ этой записки зависитъ многое, тебѣ ее поручаю, постарайся передать только ему въ руки.

— Все передамъ, все сдѣлаю, брате,—отвѣтилъ угрюмый Ганджа.

Богданъ сжалъ ему руку, подошелъ къ Кривоносу и Чарнотѣ, снялъ съ головы высокую шапку и, поклонившись всему козачеству, произнесъ голосомъ твердымъ и громкимъ:

— Панове, ѣдемъ! Я вашъ!

— На Запорожье!—какъ одинъ голосъ раздался восторженный крикъ множества голосовъ, и сотня обнаженныхъ сабель взвилась надъ его головой.

XIV.

Моремъ разлился Днѣпръ и неудержимо несетъ свои мутныя воды; кружится водоворотомъ у кручъ, рѣжетъ песчаные берега, бросается боковою волной на потопленные острова и мчится бурно серединой. На огромномъ водномъ пространствѣ мережатся то сямъ, то тамъ верхушки вербъ и осинъ: въ иныхъ мѣстахъ низкорослый

„верболозъ“ и красносиняя „таволга“, унизанные изумрудною зеленью, колышутся волнами, словно засѣянныя на водѣ нивы; изрѣдка, въ одиночку, угрюмо торчитъ изъ воды своею обнаженною „чуприной“ либо дубъ, либо яворъ, а тамъ дальше синева разлитыхъ водъ сливается съ туманною далью.

Только праваго, болѣе высокаго берега не одолѣть разгулявшемуся Днѣпру; обвилъ буйный многіе острова своими пѣнистыми волнами, да не осилитъ гранитныхъ глыбъ: гордо онѣ выставили свою каменную грудь противъ стремнины и защищаютъ любимцевъ своихъ козаковъ-запорожцевъ. Издавна уже поселились тѣ на этихъ дикихъ гнѣздахъ орлиныхъ и оживили удалью глушь, а теперь пестрою толпой копошатся на берегу найбольшаго острова. Всѣ они заняты усиленной работой — постройкой флотиліи „чаекъ“. Ласковое весеннее солнце обливаетъ яркими лучами и одѣтую въ нѣжный нарядъ природу, и кипящую пестрою картиной на берегу жизнь. Словно муравьи разсыпались запорожцы, разбились на разныя группы и хлопотливо работаютъ, снуютъ по берегу и по лугу: одни выдалбиваютъ для основаній „чаекъ“ громаднѣйшіе стволы столѣтнихъ липъ, другіе пилятъ ясенъ и берестъ на доски, третьи смолятъ и наклюютъ оконченныя, сбитыя „чайки“, нѣкоторые по колѣни въ водѣ тянутъ веревками бревна на берегъ, а иные на легкихъ челнахъ ловятъ ихъ по Днѣпру. Во многихъ мѣстахъ на берегу пылаютъ и дымятся костры: здѣсь въ котлахъ кипятятъ смолу, тамъ кашевары готовятъ обѣдъ, а вонъ, подъ лѣсомъ, парятъ для обручей лозу. Шумъ, говоръ и гамъ стоятъ въ воздухѣ, и разносятся далеко эхомъ перебранки; крики заглушаются стукомъ топоровъ и молотовъ изъ длиннаго ряда кузницъ; изъ ближайшаго острова доносится трескъ падающихъ деревьевъ. По временамъ прорѣзываетъ весь этотъ гамъ или зычный крикъ съ острова „лови! переймай!“ или удалая, затянутая могучимъ голосомъ пѣсня.

По одежѣ группы пестрятъ живописнымъ разнообразіемъ: между сѣрыми изъ простого сукна свитками краснѣютъ во многихъ мѣстахъ и дорогіе жупаны, и бархатные кунтуши, и турецкія куртки, между синими жупанами яркими пятнами бѣлѣютъ шитыя золотомъ и шелками сорочки... А на самомъ припекѣ, въ живописныхъ позахъ лежатъ и покуриваютъ „люльки“ совершенно обнаженные козаки, блистая своимъ богатырскимъ, словно изъ бронзы вылитымъ тѣломъ. Издали весь этотъ копошащійся людъ кажется тучей красненькихъ, весеннихъ жучковъ, прозванныхъ въ Малороссіи „козачками“.

Въ сѣверной части, внутри острова, растетъ лѣсокъ вѣковыхъ дубовъ, ясеней, грабовъ, а ближе къ самой кручѣ Днѣпра кучеря-

вится уже свѣтлою зеленью болѣе молодая поросль кленовъ. Здѣсь, подъ присмотромъ опытнаго, стараго „чайкаря“ Вернидуба, рубятся тонкія и высокія деревья на мачты, а въ лѣску небольшая кучка козаковъ рубитъ величественный ясень подъ корень. Съ трехъ сторонъ врѣзывается сталь сѣкиръ въ его мощную грудь; при каждомъ ударѣ влажныя бѣлыя щепки летятъ въ сторону, дерево вздрагиваетъ и издаетъ короткій, глухой стонъ; зіяющія раны проникли уже глубоко внутрь и скоро каснутся сердцевины.

— Проворнѣй, братцы, проворнѣй! — командуетъ сѣдоусый козакъ Небаба, завѣдующій рубкой.—Черезъ десять дней походъ, а намъ еще нужно четыре „чайки“ построить. Гей!—взглянулъ онъ на ясень,—полѣзай тамъ, который изъ новыхъ, молодшихъ, да закинь веревку за вѣтви: нужно, братцы, валить дерево вонъ въ ту сторону; тамъ способнѣе будетъ отесывать, а то, гляди, чтобъ оно не шарахнуло въ гущину, тогда кромѣ лому ничего путнаго не выйдетъ.

— Да, оно какъ будто бы дѣйствительно, норовитъ на „гущину гепнуть“,—глубокомысленно соображалъ, вонзивъ топоръ въ ясень и раскуривая свою „люльку“, мрачный среднихъ лѣтъ запорожецъ, весь испещренный шрамами,—Лобода.—Сюда, ко мнѣ какъ будто и накренилось, и уже „трохи“ хрипитъ... должно, скорую смерть чуетъ,—присматривался онъ, поднявши голову къ вершинѣ,—качаетъ уже, братцы, качаетъ... А что же не лѣзетъ никто?

Переглянулись недавно прибывшіе Иванъ Цвяхъ и Гузя, почесали выбритые затылки, повели плечами, а лѣзть не рѣшились.

— Что же вы, гречкосѣи, „чухаетесь“, а лѣзть не лѣзете?—прикрикнулъ на нихъ сѣдоусый Небаба.

— Да боязно,—несмѣло отвѣтилъ Гузя,—вонъ гдѣ высоко начинаются „голья“... вскарабкаться то можно,—а вотъ какъ вмѣстѣ съ деревомъ шлепнешься, такъ только мокрое мѣсто останется.

— Ишь, отъѣлся на хуторахъ галушками, такъ и вытрусить ихъ не хочетъ,—ворчалъ дѣдъ. —Коли уходилъ отъ ляшскаго „канчука“ къ братчикамъ, такъ не затѣмъ, чтобы нѣжиться, а за тѣмъ, чтобы закалить свою силу и удаль, чтобы пріучить себя ежедневно смотрѣть на курносую смерть, какъ на потаскушку, и презирать ее, вотъ что! А то мокрое мѣсто! Сухенькое любишь? Перину тебѣ подостлать, что ли?

— Полѣзу я,—отозвался среднихъ лѣтъ запорожецъ, съ благородными чертами лица, легшій было подъ ясенемъ отдохнуть и покурить,—вѣдь, я тоже не изъ давнихъ.

— Нѣтъ, что ты, Грабина,—остановилъ его Небаба.—Лежи: не пристало тебѣ, при твоихъ лѣтахъ, по деревьямъ царапаться,—ты и такъ уже заслужилъ отвагою славу... А вотъ эти молодые „лантухи“...

— Да я не то,—оправдывался сконфуженный Цвяхъ.—Оно, конечно, кто говоритъ, только вотъ, если подумать, какъ будто... а оно, конечно, плевать! Ну, все же, если бы кто легкій полѣзъ, чтобъ, стало быть, дерево выдержало. Вонъ, примѣромъ, хоть онъ!—указалъ храбрецъ на молодого хлопца, бѣжавшаго веселою припрыжкой къ кленовому лѣску.

— Да, это вѣрно!—замѣтилъ Лобода, выпустивъ „люльку“ изъ рта.—Гей! Морозенко!—махнулъ онъ рукой.—Стой, чортовъ сынъ! Куда ты? Слышишь, Олексо? Го-го! Сюда!

Хлопецъ, услыхавъ крикъ, остановился и повернулся къ кричавшему: это былъ нашъ знакомый Ахметка, немного возмужавшій, окрѣпшій, но съ такимъ же безпечно дѣтскимъ выраженіемъ лица и привѣтливою улыбкой.

— Кричатъ, а ему какъ „позакладало!“.

— Да я не привыкъ еще добре къ вашему прозвищу,—оправдывался подошедшій хлопецъ.—Вотъ если бы кто крикнулъ: „Ахметка“, такъ я за двое „гоновъ“ почулъ бы.

— Э, пора, хлопче, забывать тебѣ твою татарщину!—строго замѣтилъ дѣдъ.—Ты хрещеный, у тебя есть святое, а не поганское имя, а прозвище, коли его „товарыство“ дало, должно быть для тебя дороже, чѣмъ королевскій декретъ.

— Дѣду, да нешто я не дорожу?—вспыхнулъ Олекса.—Карай меня Богъ! Это мнѣ тогда спервоначалу было стыдно, что за отмороженные уши такую кличку дали, а теперь все равно—Морозенко, такъ и Морозенко!

— Такъ и гораздъ!—подтвердилъ дѣдъ.—Ты уже и съ полъ-запорожца, и Господь тебя не обидѣлъ ни умомъ, ни отвагой: станешь славнымъ лыцаремъ, добудешь себѣ столько славы, что и прозвище твое станетъ на весь свѣтъ славнымъ.

— Спасибо, диду, на ласковомъ словѣ,—поклонился Морозенко.—А что мнѣ почтенное „товарыство“ прикажетъ?

— А вотъ полѣзай на этотъ ясень, да забрось веревку за вонъ тотъ сукъ!—показалъ дѣдъ рукой.

— Давайте!—схватилъ Олекса веревку, перебросилъ петлю черезъ плечо и какъ кошка покарабкался вверхъ. Ясень слегка заскрипѣлъ и началъ замѣтно качаться верхушкой.

— Не выдержитъ,—угрюмо замѣтилъ Лобода, усѣвшись прямо подъ деревомъ и смакуя „люльку“,—ишь, какъ его шатаетъ ко

мнѣ! Хлопче, съ другой стороны! Слышишь, Морозенко, съ другой стороны залѣзай, не то пришибетъ!

— А ты то самъ чего сидишь,—замѣтилъ дѣдъ,—башки не жаль, что ли?

— Да, какъ разъ на тебя, Лобода, качаетъ дерево,—замѣтилъ и лежавшій въ сторонѣ Грабина.

— Эхъ! Вставать не хочется!—потянулся сладко козакъ и прилегъ навзничь, подложивъ подъ голову руки.—Успѣемъ еще, коли что! Чему быть, тому не миновать: виноватаго смерть найдетъ вездѣ.

Грабина при этомъ словѣ вздрогнулъ и почувствовалъ, что острая льдинка вонзилась ему въ сердце: какой-то ужасъ мелькнулъ у него въ головѣ и заставилъ подвинуться дальше.

Вдругъ раздался сухой трескъ; массивный стволъ сразу осѣлъ, и не успѣлъ-бы увернуться фаталистъ, какъ его раздавила-бы страшная тяжесть; но верхушка дерева, описавъ дугу, ударилась при паденіи о сосѣднія деревья, скользнула въ сторону, и стволъ, измѣнивъ направленіе, неожиданно навалился на ноги Грабины, а потомъ и на грудь. Благодаря только тому, что верхушка ясеня запуталась въ вѣтвяхъ, дерево не навалилось сразу всею тяжестью, но съ каждой минутой верхушка, ломая вѣтви, садилась, и страшная масса надавливала все больше и больше богатырскую грудь; а хлопецъ Олекса успѣлъ, во время паденія, соскочить, и счастливо отдѣлался только нѣсколькими царапинами.

— Братцы! Кто въ Бога вѣруетъ! Давитъ!... Грудь трещитъ!... Судъ Божій!—отрывисто, глухо стоналъ запорожецъ; лицо его посинѣло, глаза выпучились, изъ открытаго рта показалась кровавая пѣна. Одна рука была прижата деревомъ вмѣстѣ съ „люлькой“ къ груди, а другая, свободная, судорожно царапала землю.

— Гей! Ко мнѣ!—крикнулъ повелительно дѣдъ.—Подставляй плечи подъ ясень! Вотъ сюда, поближе къ нему! Эхъ, угораздило-же его, несчастнаго! Совсѣмъ въ сторонѣ былъ, поди-жъ ты! Молчи, авось выручимъ!

Всѣ подскочили къ дѣду, подперли плечами осѣдавшее дерево и, укрѣпившись жилистыми руками въ колѣни, начали расправлять спины, силясь приподнять хоть немного бревно.

— Ну, разомъ!—командовалъ дѣдъ.—Гай-да! Гай-да!

Напряглись четыре недюжинныхъ силы, крякнувъ разомъ; но дерево не только не приподнялось вверхъ, а замѣтно еще опустилось. Новая команда—новое напряженіе. Выступилъ на подбритыхъ лбахъ потъ, налились кровью на вискахъ жилы; но все напрасно: очевидно было, что имъ не одолѣть ужасающей тяжести.

— Братцы! „Ратуйте“, или добейте! Не въ моготу! На груди зашито...—стоналъ все тише и тише придавленный запорожецъ, а потомъ только началъ хрипѣть.

— Эхъ, дойдетъ! А ну еще, хлопцы!—просилъ уже дѣдъ дрогнувшимъ отъ жалости голосомъ.—Славный, братцы, козакъ, душа добрая, жалко!

— Но всѣ соединенныя усилія были тщетны: неотразимая смерть приближалась.

— Гей! Сюда, го-го!—махнулъ рукою Олекса, завидѣвъ невдалекѣ идущаго запорожца.

— Ради Бога скорѣй!—крикнулъ и дѣдъ.

Всѣ оглянулись. Къ нимъ, широко и неуклюже ступая, спѣшилъ подбритый и съ огненнымъ „оселедцемъ“ широкоплечій козакъ.

— Сычъ! Сычъ!—крикнули обрадованные козаки,—помоги, дружище!

— Подсоби, любый!—взмолился съ надеждой и дѣдъ.—Пропадетъ вѣдь козакъ ни за „понюхъ табаки!“

На одно мгновенье остановился лишь Сычъ, взглянулъ на придавленнаго, смѣрилъ глазами дерево, расправилъ плечи и пробасилъ:

— Мѣсто!

Морозенко вздрогнулъ отъ этого голоса,—до того онъ ему показался знакомымъ, и оглянулся; но передъ нимъ стояла только широчайшая спина.

Товарищи пустили Сыча впередъ. Упершись плечомъ и укрѣпивъ прочно ноги, теперь уже онъ скомандывалъ:

— А ну, ра-зомъ!

Что-то треснуло: или сломилась вѣтка, или у кого-либо ребро; но дерево дрогнуло и всколыхнулось запутавшеюся вершиной.

— Ну, сугубо!—крякнулъ Сычъ, захвативши много воздуху грудью и напрягши свою колоссальную силу; ноги у него вошли ступней въ землю, дерево почти въѣлось въ плечо; товарищи тоже не пожалѣли послѣднихъ своихъ силъ...

Раздался болѣе сильный хрустъ; вѣтви ясеня выпростались изъ смежныхъ вѣтвей, и огромный стволъ его сталъ тяжело и медленно подниматься.

— „Рушилъ!“ Идетъ!—весело крикнулъ Олекса и схвативши полѣно, уперся имъ тоже повыше въ колоду.

— Брось это, Олекса!—крикнулъ ему, задыхаясь, дѣдъ,—бѣги скорѣй къ Грабинѣ, да оттяни его, коли можно...

Хлопецъ бросился къ полумертвому запорожцу. Ясень былъ приподнятъ надъ нимъ, и Олексѣ удалось немного оттянуть потерявшаго сознаніе козака, но ногъ еще дерево не пускало.

— „Трошечки“ еще вверхъ!—крикнулъ Олекса, стараясь выдвинуть несчастному ноги. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ усилій, ноги были освобождены, и Морозенко отволокъ Грабину подальше на пригорокъ.

— Что онъ, дошелъ?—спросилъ запыхавшійся дѣдъ, присѣвъ надъ запорожцемъ, а тотъ лежалъ безчувственно и безвладно, съ блѣднымъ, посинѣвшимъ лицомъ и съ запекшеюся на губахъ кровью.

— Нѣтъ, еще грудь подымается,—замѣтилъ Олекса, поддерживая голову козака,—а вотъ, не раздавило-ли ногъ?

Глянулъ дѣдъ: онѣ были отъ колѣна почти до ступни облиты сочившеюся кровью и багрово синѣли. Приблизился съ товарищами и Сычъ.

— Добрые сапоги изъ краснаго сафьяна добылъ!—покачалъ головою дѣдъ.—Только посмотрѣть надо, не разбита ли въ конецъ ему грудь?...

Осмотрѣвъ, съ знаніемъ знахаря, тщательно и грудь, и ребра, и позвоночникъ, у придавленнаго Грабины, дѣдъ приступилъ и къ осмотру ногъ: оказалось, что ребра и голени были цѣлы и только содрана была до костей кожа.

— Ну, еще счастливо отдѣлался,—вздохнулъ успокоенный дѣдъ,—крѣпкая у собачьяго сына кость, дарма что панская! У кого изъ васъ, братцы, есть горилка?—обратился онъ къ козакамъ.

— Имамы ко здравію!—рявкнулъ Сычъ такъ, что Олекса снова вздрогнулъ.

— Запасливый изъ тебя выйдетъ козакъ!—улыбнулся дѣдъ.—А и товарищъ—друзяка такой, что дай Богъ всякому!

— Вѣрно!—отозвались нѣкоторые, ударивъ Сыча ласково по плечу.—А ужъ силища, такъ чортъ его и видѣлъ такую!

Дѣдъ влилъ въ открытый ротъ раздавленному нѣсколько глотковъ водки и черезъ нѣсколько мгновеній тотъ глубоко вздохнулъ, открылъ глаза и обвелъ мутнымъ взглядомъ своихъ друзей, еще не хорошо сознавая, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ находится.

— Приди въ себя, друже,—погладилъ Грабину дѣдъ по чупринѣ... Напугалъ какъ! Вѣдь словно мѣшокъ съ творогомъ нагнетило...

— Гдѣ „люлька“?—произнесъ полусознательно первое слово Грабина, все еще мутно глядя,—цѣла ли?

— Ишь ему, вражьему сыну, про что!—усмѣхнулся дѣдъ.—Цѣла, цѣла! Ты бы хоть про свою голову спросилъ, цѣла ли?

Но Грабина не обратилъ вниманія на слова дѣда и только хриплымъ голосомъ крикнулъ: „водки!“

— Пей, пей, сердечный!—подалъ ему дѣдъ флягу,—отдышись, любый, вѣдьмы-бъ тебя драли! И вѣдь задарма, зря придавило тебя: тотъ вонъ подъ самымъ ясенемъ вывертался и пронесло, а этого чортъ знаетъ гдѣ хватило... такая напраслина!

— Не напраслина, диду, охъ, не напраслина!—простоналъ Грабина и уже ясными глазами обвелъ своихъ товарищей.

— Ну, пошелъ!—махнулъ дѣдъ рукою.—А ну-те, хлопцы, смочите-ка порохъ горилкой, да розотрите его въ мякоть... Да нѣтъ-ли у кого холстины, либо „онучи“?

Морозенко, не задумавшись ни на минуту, оторвалъ оба рукава отъ своей рубахи и подалъ ихъ дѣду.

— Молодецъ Олекса, любо!—одобрили козаки и, весело разсмѣявшись, стали готовить запорожскую мазь.

Дѣдъ тоже ему привѣтливо улыбнулся.

— Побѣги, голубчикъ Олекса, въ „куринь“ мой, да принеси еще сюда поскорѣй мою торбинку съ лѣкарствами; она у меня надъ моимъ „топчаномъ“ виситъ.

Олекса бросился бѣжать къ „кошу“, а дѣдъ положилъ на рукава мазь, смочилъ ее еще разъ крѣпкой водкой и приложилъ къ зіяющимъ на ногахъ ранамъ.

— Щиплетъ, какъ будто,—поморщился немного Грабина и попросилъ набить и закурить ему „люльку“.

— Ничего, пустякъ: пощиплетъ и припечетъ,—утѣшалъ его дѣдъ, бинтуя крѣпко-накрѣпко ноги,—полежишь немного и выходишься.

— Что-о?—поднялся Грабина и сѣлъ, устремивъ на свои ноги дикій взглядъ.—Братчики пойдутъ въ походъ, а я, какъ свинья, буду отлеживаться? Да если ихъ раздавило совсѣмъ, такъ я ихъ отсѣку къ дьяволу саблей!

— Не вертись!—закричалъ дѣдъ.—Сталъ бы я и возиться, коли-бъ отдавило совсѣмъ! И то скажи спасибо Сычу, что помогъ колоду поднять, безъ него бы тебя раздавило, какъ клопа.

— Сычъ? Брате мой!—протянулъ къ нему руку Грабина.—Коли только потребуешь, моя жизнь къ твоимъ услугамъ!

— Чесо ради?—засмѣялся Сычъ.—Мнѣ и свой „животъ“ въ тяготу... Развѣ вотъ, если утолишь жажду сугубо, возблагодарю тя во вѣки!

— Утолю!... Вотъ помоги только мнѣ встать, подведи, голубе,—опираясь на Сыча, пробовалъ подняться Грабина,—и васъ всѣхъ, товарищи-друзи, прошу... вспрыснуть клятый ясень!

— Пойдемъ, пойдемъ!—оживились козаки. Даже дѣдъ, увидѣвъ, что Грабина стоитъ на ногахъ и двигаетъ ими, хотя и хро-

мая, разсмѣялся радостно.—А чтобъ тебя! Ужъ и напьюсь же я здорово!

— Только, братцы, запросите кто и нашего наказнаго атамана Богдана Хмеля,—обратился къ друзьямъ Грабина.

— Покличемъ, покличемъ,—засмѣялся Небаба,—пусть полюбуется новымъ пріятелемъ.

Богданъ уже четвертый мѣсяцъ сидитъ на Запорожьѣ. Сначала онъ отправился туда, подчинившись волѣ большинства, имѣя цѣлью: во первыхъ, укрѣпить правильными валами и батареями Запорожье, по послѣднимъ требованьямъ фортификаціонной науки, въ которой онъ одинъ изо-всѣхъ козаковъ и былъ только свѣдущъ; во вторыхъ, исполнитъ тайное желаніе короля, переданное ему гонцомъ отъ канцлера Осолинскаго,—соорудить флотилію „чаекъ“ и организовать морской набѣгъ на прибрежные города Турціи, и, въ третьихъ, по исполненіи всего, отправиться къ королю лично и молить его, принять участіе въ судьбѣ козаковъ и отстоять хотя бы ихъ послѣднія права отъ насилій обезумѣвшаго въ ненависти панства.

Богданъ разсчитывалъ, что все это будетъ совершено имъ въ теченіи мѣсяца, а тогда онъ отъ короля выпроситъ и для себя оправдательные документы. Вслѣдствіе такихъ соображеній, его самовольная отлучка казалась ему не столь рискованной, и онъ, поручивъ Ганджѣ досмотръ его семейства и „добра“, передалъ еще черезъ него письмо Золотаренку, прося послѣдняго почаще навѣщать Субботово, а если можно, то и совсѣмъ туда переселиться до его возвращенія; Ганнѣ онъ написалъ тоже нѣсколько строкъ, извѣщая, что его зоветъ къ служенію долгъ и что неизвѣстно, когда онъ возвратится на родину, а потому онъ и проситъ ее замѣнить дѣтямъ мать, а за него лишь молиться. Ганджѣ онъ при томъ наказалъ строго скрыть отъ всѣхъ мѣсто его пребыванія и только при особенно вѣрной оказіи извѣщать его, буде случилось-бы какое несчастіе; про него-же, на всякій случай, пустить какой-либо отводной слухъ.

Но потомъ, пріѣхавши въ Сѣчь, Богданъ сразу увидѣлъ, что всѣ предположенія его были построены на пескѣ, и что раньше весны, а то, пожалуй, и лѣта, нечего и думать о возвращеніи: прежде всего суровая зима замедляла страшно земляныя работы, а потомъ и „чаекъ“ въ наличности оказалось такъ мало, что для морскаго похода пришлось почти всѣ новыя строить, наконецъ, на одной изъ Сѣчевыхъ радъ, его было выбрали кошевымъ атаманомъ, и когда Богданъ, поблагодаривъ „товарыство“, рѣшительно отказался отъ этой великой чести, въ виду многихъ резонныхъ причинъ, а главное—предстоящихъ у короля ходатайствъ, то „товарыство“ избрало его временнымъ наказнымъ атаманомъ въ морскомъ походѣ, отчего уже

не было возможности отказаться Богдану; кошевымъ же избранъ былъ, вмѣсто него, Пивтора-Кожуха. На той-же „радѣ“ и рѣшено было, что Пивтора-Кожуха съ Кривоносомъ, при первомъ-же наступленіи весны, отправятся на помощь татарамъ въ Буджацкія степи, чтобы совмѣстно ударить на Каменецъ, а онъ, Богданъ, съ тремя тысячами запорожцевъ, на пятидесяти „чайкахъ“, при полноводіи понесется по морю къ берегамъ Анатоліи.

Примирившись съ обстоятельствами, Богданъ весь отдался новымъ обязанностямъ и заботамъ. Кипучая запорожская жизнь, полная и тревогъ, и волненій, и буйной удали, и безшабашнаго разгула, приняла давняго, закадычнаго товарища снова въ свои дружескія объятія и закружила его голову въ угарѣ своихъ бурныхъ порывовъ. Ежедневный усиленный трудъ, отъ зари до зари, поглощалъ у Богдана почти все время; гульливыя общественныя трапезы да неминучіе кутежи отнимали остатокъ его даже у отдыха и богатырскаго сна, а для думъ и сердечныхъ волненій его уже совсѣмъ не хватало. Правда, при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто, иногда выплывала изъ глубины души у Богдана тревога за свое пепелище, за родную семью, за Богомъ ниспосланную ему Ганну, но какая-либо неотложная забота сразу отрывала его отъ дорогихъ думъ и погружала въ злобу шумнаго дня. Богданъ смутно чувствовалъ только среди суеты и разгула, что у него глубоко въ груди гнѣздится тупая, досадная боль: иногда она выражалась ясно въ тоскѣ по своимъ близкимъ и кровнымъ, а иногда облекалась въ туманный образъ, мелькнувшій пророческимъ сномъ въ его жизни, — однако, сознаніе долга и высокій критическій моментъ судьбы его родины подавляли эту боль и заставляли Богдана еще больше отдавать всего себя служенію родинѣ, отгоняя прочь всякія ослабляющія энергію думы.

Впрочемъ, съ каждымъ днемъ, при наращеніи торопливой работы, эта тоска и боль все больше уходили вдаль, а всѣ душевныя силы Богдана поглощались предстоящей грозой и, наконецъ, въ послѣднее время онъ, отрѣшившись отъ тоски и тревоги, отдался съ давнимъ молодымъ увлеченіемъ будущему походу, который предполагался черезъ недѣлю послѣ выхода изъ Сѣчи Пивтора-Кожуха, а онъ былъ назначенъ на послѣзавтра.

Хотя приходившіе въ Сѣчь бѣглецы и передавали много ужасовъ относительно увеличивающагося съ каждымъ днемъ панскаго гнета и наглости ксендзовъ-іезуитовъ, но отъ Ганджи Богданъ не получалъ за все время никакихъ извѣстій, и это, по ихъ уговору, значило, что дома все обстоитъ благополучно, а потому и личныя дѣла Богдана не давали повода къ тревогѣ.

Морозенка встрѣтилъ Богданъ и задержалъ разспросами про Грабину; извѣстіе о несчастіи съ нимъ страшно взволновало атамана: онъ недавно сошелся съ этимъ горемыкой Грабиною, и таинственная судьба его, о которой намекалъ новый пріятель, и интриговала Хмельницкаго, и влекла къ нему его сердце... Да и вообще Грабина былъ отважный славный козакъ. Когда Морозенко, успокоивъ своего батька и порывшись въ дѣдовскомъ „кошѣ", нашелъ, наконецъ, эту знахарскую аптеку въ торбинкѣ, то компанія уже подходила къ знаменитому кабаку на Пресничьи и требовала у жида въ большомъ количествѣ всякихъ напитковъ: теперь уже шумѣла цѣлая толпа, такъ какъ приглашенъ былъ къ выпивкѣ всякій встрѣчный. Героемъ дня, конечно, былъ Сычъ: онъ не только выказалъ чудовищную силу, но и спасъ добраго товарища отъ неминуемой смерти; всѣ за него пили заздравицы, обнимались съ нимъ и братались. Олекса присоединился къ честной компаніи,—его страшно интриговалъ Сычъ; послѣ долгихъ усилій ему удалось таки пробраться впередъ.

Взглянулъ, наконецъ, въ первый разъ на него пристально Сычъ и оторопѣлъ; глаза у него заискрились радостью, и онъ, разведя руки, бросился къ хлопцу и прижалъ его къ своей мощной груди:

— Ахметка! Ахметка! Любый, голубь мой! Чадо мое!

— Дьякъ! Звонарь!—обнималъ и цѣловалъ Сыча хлопецъ.— Такъ вотъ гдѣ вы? А я „слухаю": Сычъ да Сычъ... и въ толкъ ничего не возьму: голосъ какъ будто вашъ, а обличье не то...

— А! безъ брады и „куделицы"? Что-же, и такъ важно! За то вонъ какой „оселедецъ"!

— Расчудесно!... Только признать трудно... а тѣмъ паче...— порывисто говорилъ хлопецъ, глядя съ восторгомъ на Сыча,—что тамъ всѣ увѣрены, что дьяка замучили за „дзвонъ" ляхи.

— Чортоваго батька! Не пщевати имъ! Я сейчасъ же сюда и посунулъ... и Сычомъ сталъ...

— Да какъ же я не встрѣчалъ дядька? Мы здѣсь всю зиму.

— Хе, чадо мое! Я „зразъ же" отправился съ добрыми товарищами на веселое погуляньице... Навѣстили и татарву, и ляхву, побывали и въ каторжной Каффѣ... даже освободили кое-кого изъ бусурманской неволи,—указалъ онъ на одного, обросшаго бородой, блѣднаго, изможденнаго козака.

— Что Сычъ? Нашелъ родича?—обратилось къ нему нѣсколько бритыхъ головъ.

— Кого? Олексу Морозенка? Славный хлопецъ! Удалой будетъ козакъ!—одобрили другіе.

— Такъ ты уже Морозенкомъ сталъ?—спросилъ Сычъ.

— Мороженный, мороженный! —захохотало нѣсколько голосовъ.

— Ну, значитъ, за батька и за сына теперь выпьемъ! — загалдѣли ближайшіе.—Гей, шинкарь, лей „оковытой“!

— Да онъ и чадо мое, и не чадо,—началъ было Сычъ.

— А развѣ не радостно такого за отца имѣть? —съ восторгомъ вскрикнулъ Олекса, и глаза его загорѣлись какимъ-то загадочнымъ счастьемъ.—Такъ пусть такъ и будетъ—тато.

— Аминь, чадо мое! —провозгласилъ Сычъ.—Значитъ, „ликуй и веселися, Сіоне!“—и, обнявъ своего нареченнаго сына, онъ осушилъ сразу кухоль съ полъ-кварты.

Олексу тоже заставили выпить.

Когда компанія отхлынула и окружила подошедшаго къ Грабинѣ Богдана, то Сычъ, отведя въ сторону хлопца, спросилъ у него дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— А Оксана моя... что съ ней?

— Не бойтесь, тату, —вспыхнулъ и покраснѣлъ почему-то до ушей хлопецъ,—она въ надежныхъ рукахъ: Ганна Золотаренкова взяла ее въ Субботово... Оксанка теперь у батька Богдана.

— Господи! Милость Твоя на насъ! —произнесъ разстроганный Сычъ и утеръ кулакомъ набѣжавшую на рѣсницу слезу.

А блѣдный „невольникъ“-козакъ разсказывалъ, между прочимъ, окружившимъ его товарищамъ, какъ ему удалось бѣжать изъ татарской неволи:

— Эхъ, доняла, братцы, эта неволя! Да не такъ неволя, не такъ каторжный трудъ, не такъ цѣпи и голодъ, какъ одолѣла, мои други, тоска по краю родномъ, по дорогомъ „товариствѣ“, да по церквямъ Божьимъ... Ужъ и тоска-же, тоска! Сердце точитъ, крушитъ, словно ржавчина сталь... И поднялъ-бы на себя руки, такъ проклятые ироды и затѣмъ зорко слѣдятъ... Ну, вотъ насъ гоняли на работу къ какому-то пашѣ, а тамъ у него во дворѣ жила старая цыганка...

Грабина въ это время стоялъ возлѣ Богдана, слушалъ отъ Небабы разсказъ про свое спасеніе и весело чокался съ пріятелемъ кружкой. Вдругъ до его слуха долетѣло слово „старая цыганка“ и точно электрическимъ токомъ ударило по всѣмъ нервамъ: что-то вздрогнуло у него болью въ груди, всколыхнуло мучительно сердце и бросилось кровью въ лице... онъ попросилъ Богдана подвести его ближе и началъ прислушиваться къ разсказу невольника.

— Глаза, знаете, у нея черные, какъ уголь,—продолжалъ разскащикъ,—носъ горбатый, а лицо и не разберешь... Вотъ ужъ и не знаю, почему, братцы, чи она запримѣтила, что я норовлю въ рѣку броситься, чи она, можетъ, что и другое на думкѣ имѣла,

только подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Не ищи смерти, козаче: я знаю, что тебѣ здѣсь не сладко... сама испытала—чуть не замерзла въ степи... такъ я тебя „вызволю“: я у этого паши въ большой чести... меня всякъ слушаетъ“. Какъ услыхалъ я, братцы родные, это слово, такъ такою радостью взыграла душа моя, что вотъ... стыдно сознаться, а зарыдалъ, какъ дитя малое, какъ баба, и кинулся въ ноги...

Но Грабина уже больше не слушалъ: онъ измѣнился въ лицѣ и стремительно хотѣлъ было броситься къ разскащику, но ноги у него подкосились, силы измѣнили... и онъ бы навѣрное грохнулся о-земь, если-бъ не подхватилъ его Богданъ.

— Что съ тобой, друже?—Вишь, поблѣднѣлъ какъ, что „крейда“...—затревожился онъ, поддерживая Грабину.—Гей, кто тамъ? Воды скорѣй дайте! Да пойдемъ въ мой куринь... Отдохни!

— Проведи... Не въ моготу... Что-то подкатило подъ сердце... вотъ словно огнемъ осыпало—шепталъ отрывочно Грабина, глотая воду изъ черпака...

— Что мудренаго!—Изъ такой „олійныци“ вытащили, что ну!..—улыбался любовно Богданъ, ведя подъ руку своего новаго побратима,—немудрено, что и огневица можетъ приключиться „макухѣ“...

Богданъ уложилъ Грабину на своемъ „топчанѣ“ и прикрылъ кереей, такъ какъ начиналъ пронимать его лихорадочный ознобъ.

— Когда ты отправляешься, Богдане?—спросилъ Грабина его дрожащимъ голосомъ, постукивая зубами.

— Да вотъ дня черезъ два думалъ, послѣ кошевого...—отвѣтилъ Богданъ, устремивъ на больного тревожный, сочувственный взглядъ.

— Развѣ вмѣстѣ нельзя... чтобъ раньше?

— Хотѣлось-бы и мнѣ... да вотъ двѣ „чайки“ задержатъ... Хотя положимъ и безъ нихъ обойтись свободно...

— Еще бы! У насъ „чаекъ“ съ пятнадцать есть здоровыхъ, что байдары... а куда думаете?.. Въ Кафу вѣдь завернете?

— На врядъ... не по пути... да какъ-то и не приходится...

— На Матерь Божью! На Святого Бога!.. На всѣ Силы небесныя молю тебя...—приподнялся судорожно Грабина и припалъ горячимъ лицемъ къ Богдану на грудь:—Молю тебя, не пропусти Кафы... въ первую заверни...

— Да что тебѣ въ ней? Успокойся... Сосни!

— Слушай, мой друже... Вотъ меня розбираетъ огневица... Катъ его знаетъ, куда она меня выкинетъ... Такъ вотъ тебѣ я довѣряюсь... Я вѣдь, знаешь, изъ знатной шляхты... обо всемъ я

тебѣ... послѣ подробно... а у меня есть дочь... ангелъ небесный... каштановые, курчавые волосы... шолкъ—не волосы... синіе, какъ волошки, глазки... личико... охъ, мой голубе, мой брате,—нѣтъ такой другой доньки на свѣтѣ!

— Вотъ что, друже!.. изумился Богданъ, тронутый до глубины души признаніемъ своего побратима,—а ты мнѣ про своего ангела и не говорилъ ни разу...—и у Богдана промелькнулъ безсознательно молніей въ головѣ когда-то имъ видѣнный сонъ,—такъ гдѣ-же она?

— Не знаю, не знаю... пропала безъ слѣда... съ цыганкой... Вездѣ искалъ,—ни слуху, ни духу... а вотъ сейчасъ невольникъ изъ Кафы сказалъ, что его спасла цыганка... и цыганка точь въ точь такая, какъ моя... Я сердцемъ чую... я увѣренъ, что и моя Марылька тамъ...

— Тамъ, въ Кафѣ?

— Тамъ, тамъ... Она еще почти дитя... лѣтъ четырнадцати, пятнадцати... но ее вѣрно продали... О, ради всего святого,—не мини Кафы... ради спасенія души...

— Ну, успокойся-жъ,—обнялъ Грабину Богданъ,—даю тебѣ козацкое слово, вмѣстѣ съ кошевымъ „вырушить“ и тамъ уже устроить, какъ и что... однимъ словомъ „вызволимъ“... а ты постарайся уснуть, да набраться силы, чтобъ не остаться здѣсь...

— Засну, засну,—радостно, по дѣтски улыбнулся Грабина,—одно твое слово меня на свѣтъ подняло... и онъ закрылся „кереей“...

XV.

Торжественно звучитъ колоколъ въ запорожской церкви, стоящей на главной площади. Плавные звуки медленныхъ ударовъ дрожатъ, откликаются эхомъ въ лугахъ и таютъ въ прозрачной синевѣ загорѣвшагося радостнымъ сіяніемъ утра. Въ небольшой деревянной о семи куполахъ церкви стоитъ войсковая главная старшина и дѣды, а на погостѣ вокругъ и на обширной площади никого не видно. Въ разноцвѣтныя узкія окна врываются въ церковь снопы яркихъ лучей и свѣтлыми, радужными столбами стоятъ въ волнахъ сизаго дыма. Передъ мѣстными иконами горятъ въ высокихъ ставникахъ толстыя, зеленыя свѣчи, окруженныя сотней маленькихъ, желтыхъ; огни ихъ, при блескѣ яркаго утра, кажутся красными удлиненными искрами, плавающими въ дымкѣ ладона и дробящимися на серебрѣ и золотѣ дорогихъ ризъ.

Загорѣлыя, мужественныя лица молящихся обращены къ ликамъ святыхъ; въ серьезномъ, сосредоточенномъ выраженіи устремленныхъ къ небу очей свѣтится теплое, благоговѣйное чувство. Разныхъ тѣней „оселедцы“ и подбритыя кружкомъ „чуприны“, отъ серебристыхъ до черныхъ, склоняются низко, осѣняясь широкими, медлительными крестами. Впереди передъ царскими вратами стоитъ недавно выбранный кошевой запорожскаго войска Грыцько Пивтора-Кожуха; голова его съ дерзки-отважнымъ выраженіемъ лица, смягченнымъ немного пылающей краснотой носа, кажется, сравнительно съ коренастымъ туловищемъ, небольшой и чрезъ-чуръ низко посаженной на широкихъ плечахъ. Справа рядомъ съ нимъ стоитъ наказной атаманъ Богданъ; и ростомъ, и стройной фигурой, и благородствомъ осанки онъ выглядитъ при своемъ сосѣдѣ богатыремъ-паномъ; глаза его отъ умиленія влажны и свѣтятся тоскливой мольбой. За Богданомъ стоитъ еще наказной атаманъ, почтенный Небаба; за Небабою—среброволосый старецъ Нетудыхата, а за нимъ отважный, молодой еще и черный, какъ смоль, съ огненными глазами, Сулима. Налѣво отъ кошевого стоитъ нашъ старый знакомый Кривоносъ; его искалѣченное лицо, озаренное теплымъ свѣтомъ огней, не отражаетъ теперь дикаго ужаса злобы, и умиляется надеждой и радостью; за Кривоносомъ свѣтлоусый красавецъ Чарнота, съ безпечною удалью во взглядѣ, стоитъ словно женихъ подъ вѣнцомъ, а за нимъ молодой еще, но не по лѣтамъ угрюмый козакъ Лобода. За старшиною размѣстились во второмъ ряду знаменоносцы со знаменами и значками, а за ними уже начальники отдѣльныхъ частей.

Блистающій дорогимъ облаченіемъ священникъ выноситъ Евангеліе въ тяжеломъ, украшенномъ самоцвѣтами переплетѣ и, раскрывъ его, кладетъ на ближайшія склоненныя головы. Тихо, но выразительно и отчетливо раздается слово Божіе подъ сводами храма, проникаетъ въ закаленныя въ битвахъ сердца и наклоняетъ все ниже долу чубатыя головы. Когда же, поднявши голосъ, закончилъ чтеніе служащій пресвитеръ вѣчными словами Спасителя: „Больше сея любви никто же имать, аще душу положитъ за други своя“,— то все козачество, какъ одинъ, поверглось ницъ передъ престоломъ Бога любви и занѣмѣло въ безмолвной молитвѣ.

На набережной не было видно теперь и слѣда суеты и недавняго безпорядка. Все было прибрано къ мѣсту, а посрединѣ широкаго побережья была даже выстругана и посыпана пескомъ квадратная площадка, на которой стоялъ, накрытый бѣлою, вышитою скатертью столъ; на немъ искрилась фигурчатая серебряная ваза, а по бокамъ ея стояли съ восковыми свѣчами массивные позолоченные шандалы. У самой пристани на легкой волнѣ качались привязанныя

въ рядъ пятьдесятъ „чаекъ“; онѣ были выкрашены, или, лучше сказать, вымазаны какою то смѣсью изъ смолы съ „блейвасомъ“, отчего и отбивали изъ синясѣроватымъ цвѣтомъ, подходящимъ къ тонамъ воды; только новыя весла и тростниковыя крылья у „чаекъ“ блистали золотистымъ отливомъ.

На каждой „чайкѣ“ сидѣли уже у веселъ гребцы и стояли на мѣстахъ рулевые, на короткихъ мачтахъ бѣлѣли сложенные откидные паруса, а на бо́льшихъ ладьяхъ блестѣли утвержденныя на носу небольшія фальконетныя пушки.

По тремъ сторонамъ площадки выстроены были три отряда запорожскихъ войскъ. Меньшій изъ нихъ, обращенный фронтомъ къ Днѣпру, стоялъ въ глубинѣ; налѣво перпендикулярно къ нему стоялъ удлиненнымъ четырехъ-угольникомъ, касавшимся даже Днѣпра, трехъ-тысячный полкъ, вооруженный мушкетами, саблями, бердышами, а направо, параллельно послѣднему, тянулись густыя массы головъ, покрытыхъ бараньими шапками съ выпущенными алыми верхами, съ лѣсомъ торчащихъ надъ ними мушкетовъ и коній; за этими массами виднѣлись вдали привязанные къ походнымъ „мажамъ“ цѣлые табуны осѣдланныхъ коней. Послѣдній, найбольшій отрядъ казался и найболѣе нарядным; между темными цвѣтами пестрѣло много яркихъ красокъ „кунтушей“ и жупановъ; на второмъ же, предназначенномъ къ морскому походу, преобладали сѣрые тона свитокъ, а третій, остающійся дома, былъ одѣтъ въ будничную простую одежду и кромѣ сабель, съ которыми не разстается козакъ, не имѣлъ больше никакого вооруженія.

Тихій, сдержанный говоръ тысячеголовой толпы, словно гулъ колоссальнаго роя пчелъ, стоялъ въ мягкомъ воздухѣ, напоенномъ весенней душистой влагой; но въ этомъ говорѣ не прорывалось ни брани, ни шутокъ, а слышались лишь дѣловые опросы или отрывочныя, послѣднія распоряженія.

Морозенко хлопоталъ на атаманской „чайкѣ“ и суетливо спѣшилъ окончить упаковку припасовъ и необходимыхъ вещей при походѣ. Осмотрѣвъ отдѣленіе боевыхъ запасовъ, обитое тщательно войлокомъ и толстою жестью, въ которомъ сложены были боченки съ порохомъ, мѣшки съ пулями и небольшія ядра, провѣривъ и въ отдѣленіи харчей обвязанные паклей большіе боченки съ прѣсною водой, Олекса перелѣзъ узкимъ простѣнкомъ между этими чуланчиками въ самый носъ „чайки“, гдѣ подъ „чердакомъ“ (особая приподнятая палуба) устроена была для батька наказнаго атамана каюта; помѣщеніе было крохотное, низкое, узкое, съ однимъ небольшимъ окошечкомъ въ самомъ остромъ углѣ.

Олекса притащилъ сюда еще раньше нѣсколько мѣшковъ, набитыхъ пескомъ, что держались для баласта на „чайкахъ“, и теперь, сложивъ ихъ къ стѣнкѣ, устлалъ „кереями“ и покрылъ сверху мягкимъ турецкимъ ковромъ; при этой импровизированной канапѣ прибилъ онъ къ полу какой-то обрубокъ пня, что долженъ былъ замѣнить столъ, вколотилъ нѣсколько гвоздей въ стѣну, на которыхъ развѣшалъ запасное оружіе и одежду, да уставилъ на полку необходимую утварь; потомъ, оставшись доволенъ устроеннымъ помѣщеніемъ, отправился еще въ противоположный носъ „чайки“, сосчитать сложенное тамъ холодное оружіе: толстые съ желѣзными массивными наконечниками багры, тяжелые бердыши, короткія копья, запасные ятаганы, абордажные кручья и веревочныя съ цѣпкими кошьими лапами лѣстницы.

Когда Морозенко осматривалъ оружіе и мѣдную пушку, хорошо-ли она прикрѣплена и уставлена, то его вниманіе привлекла небольшая группа козаковъ, собравшихся прямо противъ „чайки“; въ группѣ шелъ оживленный не то разговоръ, не то споръ, который при общемъ молчаніи казался даже очень шумнымъ. Прислушался Олекса и узналъ знакомый голосъ придавленнаго на-дняхъ ясенемъ козака Грабины; заинтересовавшись, въ чемъ дѣло, хлопецъ выскочилъ изъ „чайки“ и примкнулъ къ увеличивающейся толпѣ.

Грабина, поддерживаемый подъ руки, съ забинтованными, искалѣченными ногами, умолялъ козаковъ, чтобы его взяли на какую-либо „чайку“, что онъ не останется дома бездѣльничать, въ то время, когда честное „товарыство“ будетъ проливать за вѣру и за родину кровь.

— Примите, братцы, меня,—кланялся онъ непокрытымъ челомъ и почти со слезами просилъ:—чѣмъ же я виноватъ, что мнѣ клятое дерево ноги отшибло? Вѣдь бревно на то и зовется бревномъ, что по глупости не можетъ понять, какъ козаку ноги нужны. Видно, ужъ на то было попущеніе Божіе! Такъ за что же мнѣ, братцы, двѣ кары?

— Конечно, съ вола двухъ шкуръ не деруть,—замѣтилъ сочувственно одинъ изъ слушателей.

— Такъ то оно, такъ,—вставилъ другой,—а може Богъ нарочито ему ноги перебилъ, чтобъ не ѣхалъ на море?

— Съ чего бъ же это пришло Богу въ голову не пускать козака бить бусурмановъ?—возразилъ третій.

Толпа одобрительно загудѣла.

— Именно,—обрадовался аргументу Грабина,—забраковали меня Кривоносъ и Пивтора-Кожуха... ну, положимъ, что на конѣ, въ сѣдлѣ, съ этакими бревнами трудно, ужъ какъ это не обидно,

а правду въ мѣшкѣ, какъ шила не утаишь; но въ „чайкѣ“, любые други, совсѣмъ мнѣ свободно—и „штурпаки“ эти протянуть есть гдѣ, и вывернуться даже можно, какъ свиньѣ на перинѣ.

— Что и толковать,—замѣтилъ первый,—въ „чайкѣ“, какъ въ зыбкѣ, лежи себѣ, „люльку“ покуривай, а волна только качаетъ да баюкаетъ, что твоя мать.

— Ну, вотъ, вотъ!—подхватилъ восторженно Грабина,—именно, какъ родная мать! Возьмите меня, братцы, съ собою!... Тяжко у меня на душѣ... Тянетъ меня... вотъ жизнь-бы отдалъ эту „заразъ“, чтобъ побывать въ тѣхъ городахъ, гдѣ наши невольники... несчастные... Въ общемъ трудѣ, за общее дѣло, за святое, братцы... и душѣ-то и сердцу легче станетъ; какой-бы камень ни былъ наваленъ на нихъ, а и они отъ радости словно подымаются вверхъ... А я вамъ все таки стану въ помощь, чѣмъ смогу, на гребкѣ сидѣть буду, сторожемъ хочь въ „чайкѣ“ останусь, когда „товарыство“ будетъ гулять... душою издали буду дѣлить вашу славу... Возьмите братцы, меня, съ собою!

— Взять, конечно, взять!—загалдѣли одни.

— Конечно, онъ славный козакъ, добрый товарищъ!—подтвердили другіе.—Полгода, какъ съ нами, а лыцаремъ поди какимъ сталъ!

— Вѣрно,—согласился болѣе пожилой запорожецъ,—только по моему, все таки нужно сказать наказному, такъ водится... А то, безъ его воли, какъ будто не того, тѣмъ болѣе, что я самъ слыхалъ, какъ онъ говорилъ, что Грабину нужно оставить на попеченіе Небабы, и тотъ тоже... что-то про ноги сумнительно.

— Да это онъ изъ ласки, изъ жалости ко мнѣ, братцы,—заволновался Грабина, видя, что послѣднее замѣчаніе можетъ повредить въ его дѣлѣ,—вотъ, чтобы я отлежался, какъ баба, пока не залѣчатся эти клятыя ноги! Панове товарыство! Да развѣ-жъ пристало козаку обращать вниманіе на такую рану? Да нешто я баба? Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такую обиду!

— Нѣтъ, ты не баба! Это брехня! Зачѣмъ „зневажать“ козака?—загудѣла толпа.

— Такъ и возьмите меня, братцы, припрячьте,—взмолился, наконецъ, Грабина,—пока выйдемъ въ море, а тамъ ужъ пусть батько меня хоть утопить велитъ, не поперечу и словомъ!

— Иди, Грабина, въ нашу атаманскую „чайку“,—сказалъ рѣшительно Олекса,—тамъ я тебя спрячу въ каютѣ, и концы въ воду.

— Молодецъ Морозенко! Любо!—крикнули весело козаки кругомъ, а Грабина со слезами на глазахъ бросился и обнялъ Олексу.

Тотъ съ помощью еще одного козака бережно свелъ его на „чайку“ и уложилъ на устроенной канапѣ, прикрывъ еще на всякій случай кереей.

Вдругъ раздались частые удары большого колокола, а за ними зазвенѣлъ въ воздухѣ радостный перезвонъ и заставилъ правильнѣе сомкнуться козачьи ряды. Говоръ сразу утихъ, и въ наступившей, величественной тишинѣ послышалось со стороны „майдана“ стройное пѣніе святого псалма: „Помощникъ и Покровитель быть мнѣ во спасеніе“. Вскорѣ показалась на отлогомъ берегу и торжественная процессія. Впереди козаки несли большіе кресты и хоругви, за ними слѣдовалъ главный „хорунжій“, держа въ рукѣ запорожское знамя, малиновый пологъ котораго, украшенный золотой бахромой и кистями, тихо развѣвался на древкѣ; за нимъ несли „бунчуки“—на длинныхъ „ратищахъ“ прикрѣпленные вверху подъ золотымъ яблокомъ конскія гривы; за бунчуками слѣдовали еще прапоры и значки; далѣе шелъ клиръ; за клиромъ непосредственно кошевой и наказной атаманы несли двѣ большія иконы, а за ними уже шествовалъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ священникъ отецъ Михаилъ; шествіе замыкала запорожская старшина.

Процессія прошла между „лавами“ запорожскаго войска и остановилась посреди на выстроганной площадкѣ. Началось водосвятіе и напутственный молебенъ. Благоговѣйно, съ обнаженными „чупринами“, широко крестясь, слушали молитвословіе и пѣніе запорожцы. Закаленныя въ бояхъ ихъ сердца умилялись теперь и воодушевлялись глубокой вѣрой въ святость предстоящаго подвига; души ихъ проникались поэтическимъ восторгомъ, что они несутъ головы за святую вѣру, обнажаютъ мечъ на гонителей благочестія. Когда клиръ запѣлъ: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная“, то десять тысячъ голосовъ подхватило эту пѣснь Богородицѣ, а съ батарей загрохотали орудія. Могучій, величественный хоръ, аккомпанируемый грохотомъ орудій, всколыхнулъ потрясающе воздухъ, и понеслись колосальные звуки во всѣ стороны, и откликнулись на нихъ и луга, и „гай“, и далекія скалы пороговъ. Тогда отецъ Михаилъ началъ обходить ряды войскъ и кропить ихъ святою водой, а за ними и флотилію „чаекъ“; въ заключеніе онъ окропилъ знамена и всю старшину, подходившую поочередно къ кресту; а клиръ въ это время пѣлъ: „Тебѣ Бога хвалимъ, Тебѣ Господа исповѣдуемъ!“ И трубили мѣдныя трубы хвалу, и гудѣли стономъ котлы между взрывами артиллерійскихъ громовъ.

Кончилось служеніе; разоблачился священникъ; всѣ атаманы размѣстились у своихъ частей; знамена заняли свои мѣста. Вышелъ

кошевой Пивтора-Кожуха, и поклонившись на всѣ четыре стороны, сказалъ зычнымъ голосомъ.

— Панове „товарыство“, славные рыцари, козаки-запорожцы! Вчера мы передъ походомъ бенькетовали и пили за здравье другъ друга и за нашу несчастную, разоренную Украйну, и за униженную врагами благочестную вѣру; сегодня же, послѣ службы святой и нашей молитвы, наступило строгое, походное время, время воздержанія и поста, а потому бражничать уже будетъ: обнимитесь на прощаніе,—Господь единый вѣдаетъ, встрѣтитесь-ли снова другъ съ другомъ?..

Торжественно и чинно двинулись другъ къ другу стоявшія по бокамъ „лавы“; строй, обнявшись со строемъ, проникалъ къ слѣдующему, пока не перемѣстились два войска въ различныя стороны; тогда третья часть, остающаяся въ Запорожьѣ, выстроенная въ глубинѣ, фронтомъ къ Днѣпру, подошла по очереди къ походнымъ войскамъ и, продефилировавъ, возвратилась на прежнее мѣсто. Во время этихъ эволюцій, сошедшіеся вожди—Пивтора-Кожуха, Хмельницкій и остающійся въ Сѣчи съ частью козаковъ наказной атаманъ Небаба держали послѣднюю „раду“.

— Когда же васъ ждать со славнымъ „товарыствомъ“ назадъ, мои други?—спрашивалъ Небаба.

— Моя задача,—отвѣтилъ Богданъ,—налетѣть молніей на тотъ или другой побережный городъ турецкій, раскурить съ ихъ полымя „люльку“, поживиться добромъ, освободить плѣнныхъ невольниковъ и, не давши очнуться басурманамъ, возвратиться мигомъ домой. Такъ если Господь намъ поможетъ въ святомъ дѣлѣ и „пофортунитъ“ доля, то я надѣюсь за три недѣли управиться и быть тутъ.

— Добре,—одобрилъ наклоненіемъ головы сивоусый Небаба.

— А куда рѣшилъ, брате, ударить?—полюбопытствовалъ кошевой.

— Да думка побывать въ гостяхъ въ Трапезонтѣ,—давно не были тамъ,—отвѣтилъ Богданъ,—по дорогѣ конечно, „пошарпать“ встрѣчныя галеры, да завернуть еще, назадъ, либо туда ѣдучи,—запнулся онъ, и вспыхнулъ невольно,—и въ Кафу: тамъ вѣдь нашихъ невольниковъ сила!

— Что сила, то правда! Только стой, брате!—почесалъ затылокъ Пивтора-Кожуха.—Какъ же это выйдетъ? Я иду къ татарамъ на „згоду“, какъ союзникъ, а ты будешь разорять ихъ, какъ врагъ?

— Да,—покачалъ головою Небаба,—оно выходитъ съ одной стороны добре, а съ другой какъ будто и не гораздъ.

— Успокойтесь, товарищи,—усмѣхнулся Богданъ, овладѣвъ собою,—нападать на Кафу я и не думаю, самъ вѣдь политику

понимаю, а пошлю „чайки“ двѣ-три въ сумерки къ набережной, гдѣ работаютъ въ цѣпяхъ наши братья, выхвачу, сколько удастся, невольниковъ, да и гайда въ море назадъ: тутъ не будетъ ни грабежа, ни обиды, а просто выйдетъ частная удаль либо родичей, либо друзей.

— Да, такъ хорошо!—мотнулъ кошевой шапкой.

— Такъ совсѣмъ добре!—усмѣхнулся Небаба.

— А я, братцы, не знаю заранѣе, гдѣ и очутиться смогу и когда принесетъ Богъ назадъ,—разсуждалъ кошевой,—отправляюсь на Буджацкія степи къ Карай-Бею, а оттуда куда двинемся—неизвѣстно; если вотъ удастся и твоего пріятеля, пане Богдане, Перекопскаго бея уговорить, то „рушимъ“ на Каменецъ, а если нѣтъ, то „посмычемъ“ [1]) сосѣднихъ магнатовъ, погладимъ ксендзовъ и жидовъ, погуляемъ въ панскихъ маетностяхъ и добре въ концѣ концовъ напьемся горилки,—заключилъ кошевой.

— Пріими въ резонъ, пане-кошевой, вотъ что,—закуривая люльку, говорилъ Небаба,—вѣдь насъ тутъ на Запорожьѣ остается одна только горсть; если прибудетъ даже сюда сотня, другая бѣглецовъ отъ панской ласки, то вѣдь, самъ здоровъ, знаешь, что этотъ народъ, пока не окурится добре пороховымъ дымомъ, мало надеженъ... А тутъ, того и гляди, по половодью черезъ пороги нагрянетъ либо собака Потоцкій, либо Іеремія... Вѣдь обѣщались навѣстить, такъ мнѣ самому съ горстью,—хотя, спасибо Хмелю, и важно обсажена валами да „гарматами“ Сѣчь,—какъ-то будетъ несподручно.

— Не безпокойся!—сплюнулъ въ сторону кошевой, насунувши шапку,—тпфу! Какъ горилка запахла!.. Слушай, у меня разставлена сторожа до самаго Кодака; сразу, коли что замѣтятъ войска, зажгутъ другъ за другомъ вѣхи и намъ будетъ здѣсь того-же дня извѣстно про ворога; а отсюда я разставлю такимъ-же порядкомъ сторожу вплоть до Буджака. Въ Кодакѣ нѣтъ готовыхъ „байдаръ“ или „дубовъ“, способныхъ переправить черезъ пороги войска, такъ прежде, чѣмъ вздумаютъ ляхи что-либо, хотя бы плоты снарядить,—я со всѣми силами буду дома.

— Оно-то „гораздъ“—затянулся дымомъ Небаба, притаптывая пальцемъ золу и подавая кусокъ зажженнаго трута Богдану, набившему себѣ тоже походную люльку,—коли тебя, батьку, застанутъ еще въ Буджакѣ, а коли ты уйдешь отсюда, такъ тогда и ищи вѣтра въ полѣ!

---

[1]) Подергаемъ.

— Что-жъ бы я запилъ, что-ли, въ походѣ, чтобъ выкинулъ такую штуку?—обидѣлся даже Пивтора-Кожуха.—Я стоять буду въ Буджакѣ и съ мѣста не тронусь до тѣхъ поръ, пока Богданъ не вернется назадъ къ вамъ съ похода; а съ его силами, да съ твоими можно отстоять Запорожье не то что отъ Потоцкаго, а и отъ кучаго чорта!

— А коли такъ, то разчудесно, совсѣмъ таки „добре“,—обрадовался Небаба. Однако уже солнце „подбилось“ высоко, грѣетъ... и козаки твои, пане-кошевой, садятся на коней. Ну, обнимемся-жъ, друзи, и дай Богъ каждому удачи и славы, и счастливаго поворота въ родное гнѣздо!

Всѣ обнялись, подошли еще разъ подъ благословеніе отца Михаила и возвратились къ своимъ частямъ войска.

Богданъ подошелъ къ своей части и увидѣлъ стоящаго въ его рядахъ дида Нетудыхату.

— Диду!—удивился онъ.—И вы съ нами?

— А что-же, сынку, съ вами, съ вами—улыбнулся онъ, прищуривъ слезящіеся съ красными вѣками глаза.—Еще подъ твоей рукой послужить хочу, расправить старыя кости, да и по морю соскучился, стосковался... Вѣдь мы съ нимъ жили, какъ рыба съ водой, а сколько лѣтъ, такъ и начала не увидишь за далью.

— Правда, диду, знаетъ васъ море, да и вы его „добре“ знаете,—промолвилъ теплымъ голосомъ наказной,—только не вамъ быть у меня подъ рукой, а мнѣ у васъ уму-разуму набираться, вотъ поэтому-то я васъ и прошу помѣститься на моей „чайкѣ“: мнѣ больше чести, а вамъ больше покою.

— Спасибо тебѣ, сыне-атамане, за ласку,—тронулся предложеніемъ дѣдъ.—Сяду, сяду, а то я хотѣлъ было къ Сулимѣ, тоже просилъ... И по правдѣ сказать, тому нужно въ товарищи болѣе спокойную голову, а то вѣдь самъ молодъ, сердце какъ молнія, голова, какъ огонь! Вспыхнетъ, что порохъ, а ужъ какъ загорѣлся,—лѣзетъ зря хоть и въ самое пекло!

— Къ нему пасадите Зачхайноса, онъ почтенный и опытный лыцарь, и съ моремъ бороться умѣетъ... да и его десятокъ будетъ первый за нами... А вы, диду, таки ко мнѣ, милости просимъ!—ласково улыбнулся Богданъ.

— Добре, добре!—кивалъ головою дѣдъ.—Мнѣ какіе сборы? Весь тутъ!

Между тѣмъ войско Пивтора-Кожуха было уже все на коняхъ, и они нетерпѣливо мотали тоже чубатыми головами и били копытами землю. Богданъ сталъ во главѣ своего отряда и снялъ шапку:

— Панове-товарыство, славные лыцари, друзи мои! Вы почтили меня лучшею честью, какая достается человѣку, почтили меня высокимъ довѣріемъ своимъ, подчинивъ себя на время похода моимъ распоряженіямъ, моей волѣ,—за это еще вамъ приношу сердечное, „щирое“ спасибо и торжественно клянусь, что хранить буду это довѣріе, какъ зѣницу ока, и если будетъ Господня воля на то, напрягу всѣ силы мои, всѣ желанія, чтобы оправдать передъ вами, товарищи, это довѣріе, чтобъ вырвать съ вами у фортуны побольше побѣды и славы... А развѣ этого трудно достичь съ такими удальцами-лыцарями, какихъ не было и нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ!

— Добре говоритъ, — пронеслось сдержанно по переднимъ рядамъ.

— Какъ горохомъ золотымъ сыплетъ! — откликнулось въ заднихъ.

— Не удивимъ мы другъ друга,—воодушевлялся Богданъ, и голосъ его звенѣлъ, словно колоколъ,—если со смѣхомъ и пѣсней бросимся въ зубы хоть самому чорту, если для святого дѣла не пожалѣемъ никого и ничего въ мірѣ, если для „товарыства“ откажемся отъ всякой утѣхи, если для друга вырвемъ своими-жъ руками изъ груди свое сердце, потому что со смертью мы побратались давно, жизнь свою цѣнимъ не дороже корца горилки, а „товарыство“ такъ любимъ, какъ ни одна волчица своихъ волчатъ.

— Эхъ, важно!—не удержался Нетудыхата, и одобрительный гулъ пронесся по всѣмъ рядамъ.

— Такъ вотъ что,—продолжалъ Богданъ.—Не къ храбрости вашей веду я теперь рѣчь, а къ напряженію особеннаго вниманія въ этомъ важномъ и для насъ, и для всей Украйны походѣ: не на погулянье идемъ, не на боевую потѣху, а на совершеніе великой услуги нашему королю, за которую онъ и насъ, и все козачество, и поспольство наградитъ вольностями и защититъ отъ коршуновъ ляшскихъ. Этотъ походъ можетъ вызвать войну, а война „наддастъ“ королю силы, а вмѣстѣ съ нимъ и намъ... Такъ стало быть, друзи, намъ въ походѣ надобно заботиться не о добычѣ, а о томъ, чтобъ найболѣе нанесть вреда изувѣрамъ и ужасомъ потрясти берега Анатоліи, чтобъ онъ докатился до самого Цареграда и разбудилъ-бы на коврахъ падишаха!

— Добре, добре, пане-атамане! — уже крикомъ загремѣли ряды.—Веди насъ куда знаешь, головы положимъ за батька и за святую вѣру!

— Слушайте-жъ моего наказу,—надѣлъ Богданъ шапку,—каждый „чайковой“ атаманъ долженъ блюсти, чтобъ на чайкѣ былъ строжащій порядокъ, чтобы смѣны гребцовъ шли правильно, чтобы водки или чего-либо хмельнаго не было на чайкѣ ни капли, чтобы плыли по три чайки врядъ, а во главѣ каждыхъ девяти чаекъ плыла бы чайка „куреннаго“, которому всѣ девять чаекъ да его десятая и подчиняются безусловно; общія распоряженія буду подавать я со своей „чайки“ или выстрѣлами, или черезъ „куренныхъ“ атамановъ. Всѣ „куренные“ атаманы, панове, Сулима, Чарнота, Вернигора и Догорынка должны осмотрѣть, чтобы на ихъ чайкахъ было достаточное число всякихъ запасовъ и по крайней мѣрѣ хоть по два „пивня“, да чтобы ихъ держали живыми, а не искусились для кулиша рѣзать. Плыть безъ отдыху до Густыхъ Камышей, что за полъ-мили до Очакова; нужно быть тамъ завтра къ вечеру. Бревенъ съ собой не брать: теперь рвать протянутыхъ у Очакова цѣпей не придется, переберемся черезъ косу, влѣво подальше, а бревна только замедлятъ намъ ходъ. Ну, друзи,—окончилъ Богданъ,—занимай всякій на своей „чайкѣ“ мѣста, осмотрите оружіе, боевые припасы, и, предавъ себя волѣ Божьей, памятуйте, что въ нашихъ рукахъ защита святой вѣры и нашей угнетенной Украйны. Съ Богомъ же, братья!—перекрестился онъ, и весь его отрядъ, осѣнивъ себя крестомъ, чинно двинулся къ лодкамъ.

Вскорѣ всѣ чайки были наполнены козаками и выстроены въ надлежащій походный порядокъ; верхушки шапокъ алѣли, словно разсыпанный по ладьямъ макъ, а вычищенныя дула мушкетовъ сверкали стальною щетиной; приподнятыя надъ водою весла казались свѣтлыми крыльями, готовыми по мановенію унести козаковъ далеко отъ родины.

Грянулъ залпъ орудій съ крѣпостныхъ валовъ Запорожья; а вотъ второй, третій; повторило ихъ эхо въ сотнѣ перекатовъ и смолкло. Раздалась громкая команда вдали, и заколыхались высокія пики въ конныхъ рядахъ, „засурмили“ трубы, забили литавры, и стройныя колонны двинулись въ гору, только земля задрожала подъ стукомъ несмѣтнаго числа крѣпкихъ и широкихъ копытъ.

Богданъ махнулъ шапкой и на его атаманской чайкѣ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Взвились паруса; гребцы опустили весла въ свѣтлую воду и, дружно качнувшись, взмахнули ими и замерли на мгновенье, чайка вздрогнула и скользнула на сажень впередъ. Еще взмахъ и еще. Засверкали брызги, алмазами разсыпались по синей волнѣ, и полетѣла чайка, какъ бѣлая, крылатая птица. За ата-

манской двинулись правильной цѣпью другія. Съ далекаго, убѣгающаго берега замахали на прощанье шапки. На атаманской чайкѣ раздалась стройная, хоровая пѣсня.

„Гей, не знавъ козакъ, не знавъ Сахронъ, якъ славы зажыты,
Гей, вибравъ війско, війско Запорожське, та й пишовъ турка быты!“

И понесли козаковъ чайки на бури, на грозы, на ревъ разъяренныхъ валовъ, на смѣхъ бѣшеной смерти...

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи чумной эпидеміи въ Кіевѣ 1770—1771 гг.

I.

Распространившаяся въ началѣ 1770 года въ предѣлахъ Турціи и затѣмъ Польши чумная эпидемія быстро проникла сперва въ южные предѣлы Россіи, а потомъ и во внутреннія губерніи. Въ Кіевѣ она появилась въ началѣ сентября того же года, и жертвою ея прежде всего сдѣлалась Подольская часть города, въ то время самая населенная. Съ особенною силою чума свирѣпствовала въ Кіевѣ въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ, и лишь въ январѣ и февралѣ 1771 г., благодаря сильнымъ морозамъ, она сильно ослабѣла. Медицинскихъ средствъ для борьбы съ этою ужасною болѣзнью въ то время не существовало, поэтому главное вниманіе было обращено на мѣры карантинныя, которыя, впрочемъ, приняты были не вполнѣ своевременно, да и населеніе не хотѣло имъ повиноваться. Растерявшіяся власти и незначительный контингентъ казенныхъ врачей, за отсутствіемъ правильныхъ больницъ, не знали, кого изолировать: больныхъ ли отъ здоровыхъ, или же наоборотъ. Между прочими, принята была и такая странная мѣра, что если въ какомъ домѣ проявлялась зараза, то лицъ, оставшихся здоровыми, удаляли на одинъ изъ днѣпровскихъ острововъ и держали въ карантинѣ. Конечно, съ наступленіемъ морозовъ эту мѣру по необходимости оставили. Но прежде всего слѣдовало, конечно, позаботиться объ изолированіи больныхъ. Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ на имя тогдашняго генералъ-губернатора Ѳ. М. Воейкова, было предпи-

сано, если окажется необходимымъ, отводить монастыри подъ лазареты для зараженныхъ чумой [1]). И вотъ онъ, въ секретномъ отношеніи отъ 20 сентября, сообщилъ въ Кіевскую Консисторію слѣдующее: „Имѣя неусыпное попеченіе о совершенномъ истребленіи вкравшейся въ нижній городъ Кіевъ Подолъ пагубной язвы, я приказать не оставилъ медицинскимъ чинамъ собраться и сдѣлать для прекращенія заразы и облегченія народа согласное, по ихъ искусству, учрежденіе. Помянутые медицинскіе чины мнѣніемъ своимъ, между прочимъ, представляютъ, что если въ которомъ домѣ окажутся заразою больные, то оныхъ немедленно брать въ лазареты, а здоровыхъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ зараженные болѣзнію окажутся, занеимѣніемъ внѣ города свободныхъ домовъ и за невозможностію для холода высылать на островъ, по способности и близости и по хорошему воздуху отправлять въ Кирилловскій монастырь, гдѣ, какъ извѣстно, монаховъ самое малое число, которыхъ на сіе столь нужное время можно выслать въ другіе здѣшніе монастыри, оставя для церковнослуженія и присмотра монастырскихъ припасовъ только нѣкоторое число. Сіе представляемое отъ медицинскихъ чиновъ мнѣніе, признавая для облегченія народа и прекращенія опасной болѣзни необходимо нужнымъ, прошу Консисторію приказать Кирилловскому монастырю немедленное и съ вышеписаннымъ медицинскимъ мнѣніемъ во всемъ сходное учинить исполненіе...“ [2]).

Считая генералъ-губернаторское требованіе посягательствомъ на монастырскія права собственности, а съ другой стороны предполагая, что Кіево-Кирилловскій архимандритъ представитъ вѣскіе резоны противъ помѣщенія въ монастырѣ зараженныхъ эпидеміею, Кіевская Консисторія своимъ указомъ, послѣдовавшимъ 23 числа того же сентября, не предписала архимандриту безотлагательно исполнить прописанное требованіе, а только, упомянувши о немъ, „велѣла обстоятельно и безъ всякаго замедленія донести ей, сколько въ Кирилловскомъ монастырѣ имѣется іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ, послушниковъ, наемныхъ лю-

[1]) Архивъ Кіевской Консисторіи, кн. Синод. указовъ за 1770 г.

[2]) Тамъ же.

дей, жилыхъ келій и чулановъ и сколько въ каждой келіи изъ тѣхъ монашествующихъ и послушниковъ жительствуетъ?“ [1]).

Взглядъ консисторскій на генералъ-губернаторское требованіе, безъ сомнѣнія, былъ извѣстенъ Кирилловскому архимандриту, какъ лицу, принадлежавшему къ числу „консистористовъ“, и потому послѣдній согласовалъ свой отвѣтъ на консисторскій указъ съ этимъ взглядомъ. Прописавши, что въ подвѣдомственномъ ему монастырѣ „іеромонаховъ семь, іеродіаконовъ восемь, монаховъ десять, послушниковъ двѣнадцать, наемныхъ людей десять, а келій жилыхъ монашескихъ небольшихъ, и то ветхихъ, раздѣляющихся то на три, то на два чулана, шесть, маленькая канцелярская изба, просфирня, хлѣбня и одна хата для каменьщиковъ и плотниковъ и что въ келіяхъ монашествующіе съ трудностію размѣщаются“, архимандритъ Кириллъ совмѣстно съ монастырскою братіею 24 числа того же сентября представилъ на благоусмотрѣніе Консисторіи слѣдующіе резоны: 1) „Если зараженныхъ людей сограждане ихъ не могутъ терпѣть близъ себя въ городѣ, но требуютъ высылки ихъ на островъ за Днѣпръ, то и монахи Кирилловскаго монастыря равное же основаніе имѣютъ опасаться зараженныхъ весьма опасною язвою, которыхъ его превосходительство требуетъ помѣстить въ монастырѣ. Несомнѣнно, что тѣ изъ монаховъ, которые, ради священнослуженія и присмотру монастырскихъ припасовъ, останутся въ монастырѣ, за ту же опасность отъ пагубной заразы, спасая животъ свой, разойдутся по безопаснымъ мѣстамъ, да и самому архимандриту въ семъ монастырѣ, когда оные опасные люди введены будутъ, не можно будетъ оставаться. А потому церковь Божія останется безъ священнослуженія, утварь же и монастырское добро, запасы и всякое строеніе будутъ расхищены и прійдутъ въ порчь,—отъ чего монастырь подвергнется крайнему разоренію. Зараженные люди, если въ мостырѣ поселятся, то, безъ сомнѣнія, весь заготовленный плотниками къ строенію лѣсъ, а равно и огорожу вокругъ монастыря въ наступающее холодное время попалятъ и опустошатъ; чужаго добра они щадѣть не станутъ. 2) Въ Кирилловъ-

[1]) Тамъ же.

скомъ монастырѣ небольшое число келій и то малыхъ, въ которыхъ можетъ помѣститься людей, зараженныхъ опасною болѣзнію, только весьма малое число и потому сей монастырь къ услуженію и соблюденію общей пользы способствовать не можетъ. 3) Сверхъ того сей монастырь положеніе свое на пригоркѣ имѣетъ, а по близости въ селахъ Плоскомъ, Куреневщинѣ и Сырцѣ живутъ люди, еще не зараженные опасною болѣзнію, и если зараженные люди введены будутъ въ монастырь, то съ пригорка зараза отъ нихъ быстро проникнетъ въ оныя села. 4) Крайней нужды къ введенію въ Кирилловскій монастырь оныхъ опасныхъ людей нѣтъ, потому что и безъ сего монастыря многія мѣста, внѣ г. Кіева, сыскатись могутъ. Въ помянутомъ селѣ Плоскомъ на мѣщанскихъ хуторахъ есть довольно помѣстительнаго жилья, въ которыхъ можно помѣстить опасныхъ людей въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ монастырѣ. Если же, за близостію отъ Кіева села Плоскаго, незаспособно окажется отводить находящіяся въ ономъ жилья для людей опасныхъ, то таковыя жилья, для размѣщенія ихъ, имѣются и при томъ еще въ большемъ количествѣ на Куреневщинѣ и на Преоркѣ; сіи села и довольно отдалены отъ Кіева, и воздухъ въ нихъ здоровѣе; да и островъ Осетщина не худое мѣсто для такого дѣла, а равно и другія мѣстя по сей и по той сторонѣ Днѣпра гораздо лучше могутъ способствовать помѣщенію на нихъ зараженныхъ опасною болѣзнію, чѣмъ Кирилловскій монастырь. Затѣмъ 5) и въ Наказѣ г.г. губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, 1728 года сентября 12 дня состоявшемся, между протчаго, напечатано: „ежели въ которыхъ домѣхъ моровая язва явится, изъ тѣхъ домовъ людей вывесть въ особливыя пустыя мѣста далѣе отъ жилья и около ихъ завалить и зарубить лѣсомъ, дабы оные никуда не расходились, а пищу и питье приносить имъ и класть въ виду оныхъ, и недожидаясь ихъ тѣмъ здоровымъ людямъ отходить прочь, и никакого сообщенія съ ними отнюдь не имѣть“.

Доношеніе свое архимандритъ Кириллъ заключилъ просьбою: „ради прописанныхъ резоновъ письменно, куда слѣдуетъ, сообщить, чтобъ для зараженныхъ людей иное сыскано было мѣсто,

а Кіево-Кирилловскій монастырь, дабы въ крайнюю бѣдность и разореніе пріитить не моглъ, уволить".

Подобное генералъ-губернаторскому требованіе и Кіевскій магистратъ, чрезъ свою команду, предъявилъ Кіево-Кирилловскому архимандриту 21 сентября 1770 года, съ приказаніемъ „безотлагательно очистить монастырскія келіи для помѣщенія людей изъ домовъ, зараженныхъ опасною язвою". Объ этомъ приказаніи упомянутый архимандритъ также донесъ Кіевской Консисторіи репортомъ отъ 24 числа того же сентября и просилъ по оному учинить разсмотрѣніе.

Генералъ-губернаторское и магистратское требованія, равно и оба доношенія Кирилловскаго архимандрита съ монастырскою братіею Кіевская Консисторія отправила на благоусмотрѣніе святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ прописаніемъ въ своемъ репортѣ, что „обстоятельства, изложенныя въ отношеніяхъ Кіево-Кирилловскаго архимандрита и монастырской братіи она признаетъ заслуживающими уваженія и съ своей стороны считаетъ дерзостію, безъ Синодальной резолюціи, имѣющихся въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ монаховъ выводить въ другіе монастыри, а въ тотъ монастырь вводить для пребыванія опасныхъ людей" [1]).

Святѣйшій Синодъ, заслушавши репортъ Кіевской Консисторіи и приложенныя къ нему (въ оригиналѣ) генералъ-губернаторское и магистратское требованія, а равно и упомянутыя доношенія Кіево-Кирилловскаго архимандрита съ братіею, постановилъ: „Понеже означенное въ семъ дѣлѣ отъ господина генералъ-губернатора требованіе, какъ изъ него явственно Консисторіи усмотрѣть было можно, послѣдовало по самой необходимой нуждѣ, для соблюденія отъ угрожаемой гибели всего общества, и потому въ такомъ самонужнѣйшемъ требованіи и переписки чинить и исполненіемъ медлить отнюдь оной Консисторіи не слѣдовало,—того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: въ Кіевск. Консисторію послать указъ, коимъ наистрожайше подтвердить, чтобъ

[1]) Тамъ же.

по вышепрописанному господина генер.-губернатора требованію учинено было непремѣнное исполненіе какъ найскорѣе, не чиня ни съ кѣмъ никакихъ переписокъ,—о чемъ и Кіевскому митрополиту, преосвященному Гавріилу, дать знать указомъ же съ тѣмъ, чтобы онъ какъ Консисторію свою, такъ и архимандрита за нескорое по оному губернаторскому сообщенію исполненіе и за продолженіе чрезъ ненадлежащія переписки времени, по своему усмотрѣнію, безъ оштрафованія не оставилъ. О такомъ же постановленіи, для вѣдома, и къ Кіевскому господину генералъ-губернатору Воейкову указъ изъ Святѣйшаго Синода послать“ [1]).

Указы съ содержаніемъ сего постановленія состоялись 18 октября 1770 года и въ тотъ же день были отправлены, одинъ въ Кіевскую Консисторію, другой Кіевскому митрополиту, проживавшему тогда, по случаю моровой язвы, въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, недалеко отъ Глухова, и отсюда черезъ свою походную контору управлявшему Кіевскою митрополіею, а третій Кіевскому генералъ-губернатору Воейкову.

Какъ только получены были вышепрописанные указы, развязка дѣла, касавшагося Кіево-Кирилловскаго монастыря, немедленно послѣдовала, и зараженные чумою стали безпрепятственно помѣщаться въ монастырѣ до совершеннаго прекращенія въ Кіевѣ чумы. Что же касается лицъ, которые перепискою своею противодѣйствовали обращенію монастыря во временный лазаретъ, оштрафованіе ихъ состоялось только спустя больше года послѣ того, какъ состоялись три вышепрописанные Синодальные указы. Митрополитъ Гавріилъ, 19 ноября 1771 года, отдалъ въ свою походную контору слѣдующій приказъ: Во исполненіе указа Ея Императорскаго Величества, послѣдовавшаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 18 октября 1770 года въ Кіевскую духовную Консисторію послать указъ, и симъ указомъ повелѣть: присутствующимъ въ оной Консисторіи и докладывавшему имъ дѣло, равно и начальнику Кирилловскаго монастыря архимандриту Кириллу, за изображенное ихъ преступленіе, учинить ре-

[1]) Арх. Кіев. Конс., кн. Синод. указовъ, за 1771 г.

примандъ, въ присутствіи правящаго въ домовомъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ проповѣдника іеромонаха Иліи, съ найкрѣпчайшимъ притвержденіемъ имъ, присутствующимъ, докладчику и архимандриту, дабы они, помня свою, при опредѣленіи ихъ къ дѣламъ, присягу и возложенную на нихъ довѣренность, поступали впредъ въ дѣлахъ съ расторопностію и съ уваженіемъ общественной (паче приватной) пользы, отъ которой зависитъ высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ, споспѣшествуя оному всѣми мѣрами, а не съ оплошностію и невниканіемъ въ существо дѣла, отъ чего удобно могутъ происходить разныя вредительныя послѣдствія, а иногда, по упущенію благовременства, и ненаградимыя; за таковыми же послѣдствіями ближе ожидать надлежитъ всей строгости законовъ, нежели, по снисхожденію команды, прощенія, кое хотя иногда и надежно бываетъ, но не выходитъ однако жъ изъ предѣловъ правосудія. А какъ реченный архимандритъ со своего монастыря братіею присутствующимъ въ Консисторіи къ неисполненію, по требованію его высокопревосходительства, подалъ причину своими не дѣльными, въ столь нужномъ случаѣ, представленіями; докладчикъ же, при докладѣ оныхъ представленій, не учинилъ имъ надлежащей, по своему званію, предосторожности: то имъ архимандриту и того же дѣла докладчику, сверхъ репримanda, быть и на хлѣбѣ да на водѣ чрезъ три дня въ Софійскомъ монастырѣ; ему жъ архимандриту въ то время и ни креста, ни шапки (митры), ни мантіи архимандричьихъ не употреблять. А какъ и монахи его тому жъ соучастники, то и онымъ въ своемъ монастырѣ чрезъ цѣлую недѣлю быть же на хлѣбѣ и на водѣ. И сей о всѣхъ въ преступленіи оказавшихся, штрафъ, записавъ на особомъ листѣ, прислать въ походную мою контору. И о томъ изъ моей конторы въ Консисторію послать указъ при особливомъ къ означенному проповѣднику Иліи указѣ жъ, въ которомъ предписать, дабы онъ, получивъ тотъ при своемъ указѣ запечатанный и въ Консисторію надписанный указъ, не распечатывая приватно, далъ знать всѣмъ въ Консисторіи присутсвующимъ и реченному архимандриту, чтобъ они въ Софійскій монастырь съѣхались и, не входя въ присутственную камеру, собрались въ

особливой палатѣ и дожидались, пока будутъ позваны. А какъ соберутся, то ему, проповѣднику Иліи, взявъ съ собою монастырскаго правленія писаря Григорія Золотоверхаго, пойти въ присутственную камеру и тамъ взять ему за судейскимъ столомъ мѣсто, и тогда уже позвать ихъ, присутствующихъ, и архимандрита, тако жъ и докладчика предъ себя; и не давъ имъ мѣстъ, но стоящимъ имъ, приказать оному писарю, распечатавъ надписанный въ Консисторію указъ прочитать въ слухъ, и по прочтеніи исполнить указомъ повелѣнное, потомъ объявить присутствующимъ, чтобъ они на другой уже день паки вступили въ присутствіе и въ правленіе дѣлъ по Консисторіи; а докладчику вступить въ докладъ на третій день, когда освободится отъ сидѣнія на хлѣбѣ да на водѣ, между тѣмъ же докладывать дѣла повитчикамъ; также и архимандрита, по содержаніи его на хлѣбѣ да водѣ жъ чрезъ три дня, отпустить изъ Софіевскаго въ Кирилловскій монастырь по прежнему къ правленію, при его архимандричьей чести, и отпуская, приказать ему, чтобъ онъ повелѣнное и съ братіею своего монастыря непремѣнно исполнилъ и по исполненіи въ Консисторію отрепортовалъ...“ [1]). Все это и было исполнено въ декабрѣ 1771 г.

Штрафъ, которому виновные были подвергнуты, безъ сомнѣнія, былъ весьма снисходительнымъ. Но снисходительность его главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что не задолго предъ тѣмъ опубликовано было Синодальное опредѣленіе, состоявшееся 21 мая 1767 года, которымъ воспрещалось духовнымъ командамъ „чинить своимъ подначальнымъ пристрастные допросы и разныя тѣлесныя наказанія чрезъ побои“ [2]).

Непріятная участь, постигшая Кирилловскій монастырь въ 1770 году, послужила печальнымъ прецедентомъ въ его послѣдующей судьбѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что выраженное медицинскими чинами „мнѣніе, якобы Кирилловскій монастырь и по способности, и по близости и хорошему воздуху есть самое лучшее мѣсто для лазарета“, послужило однимъ изъ главныхъ основа-

[1]) Тамъ же.

[2]) Это опредѣленіе было опубликовано указомъ Св. Синода 20 мая 1771 г. № 715. См. Арх. Кіев. Консист., кн. Синод. указовъ за 1771 г.

ній для изданія высочайшаго указа, отъ 10 апрѣля 1786 года, которымъ предписано упразднить этотъ монастырь, а въ зданіяхъ его помѣстить престарѣлыхъ инвалидовъ и открыть богоугодныя заведенія съ домомъ умалишенныхъ.

II.

Чумная эпидемія оставила одинъ полезный слѣдъ въ исторіи нашего города: благодаря ей въ Кіевѣ были учреждены особыя кладбища.

Какъ извѣстно, учрежденіе особыхъ городскихъ кладбищъ въ Россіи—дѣло сравнительно не давнее. Въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ (не говоримъ уже о мѣстечкахъ и селахъ), съ древнѣйшихъ временъ и до 1772 года покойниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей, и только иновѣрцы (евреи, а въ XVIII ст. и нѣмцы) имѣли внѣ городской черты особыя кладбища. Поводомъ къ прекращенію этого вѣкового обычая послужила именно чумная эпидемія 1770 г. Въ это время императрица Екатерина командировала въ Малороссію гвардейскаго генералъ-майора Михаила Ивановича Шипова съ нѣсколькими офицерами и врачами и возложила на него порученіе „спасать Кіевъ и его окрестности отъ моровой язвы“, а главнымъ образомъ не допустить ей проникнуть въ центральныя губерніи. Шиповъ Кіева не спасъ, онъ даже боялся показаться сюда, оставаясь въ теченіе всего опаснаго времени на 60-ти верстномъ разстояніи, въ черниг. губерніи, и навѣдался въ Кіевъ лишь въ половинѣ марта 1771 года, когда эпидемія здѣсь почти совсѣмъ прекратилась. Точно такъ же, несмотря на усиленные кордоны, которыми онъ оцѣпилъ Малороссію, не удалось ему локализировать заразу, все таки проникшую даже въ Москву и, какъ извѣстно, причинившую здѣсь ужасныя бѣдствія. Но Шипову принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе на вредъ въ санитарномъ отношеніи вѣкового обычая хоронить покойниковъ на церковныхъ погостахъ и возбудилъ вопросъ объ отводѣ въ Кіевѣ особыхъ для этого мѣстъ, внѣ черты городского поселенія. Любопытная переписка

по этому предмету хранится въ дѣлахъ Кіевской Дух. Консисторіи, и изъ нея извлечены нижеслѣдующія подробности.

Въ февралѣ 1772 года Шиповъ писалъ митрополиту Гавріилу Кременецкому: „Во исполненіе высочайшей воли Ея Императорскаго Величества, которая въ томъ поручена мнѣ, чтобы спасать Кіевъ и всю окрестность его отъ опасной болѣзни, которая и такъ не мало времени продолжалась, я, изыскивая всѣ къ предосторожности нужныя средства, и соображая произшедшія по опытамъ обстоятельства, между прочимъ нашелъ и то неблагоустроеніе, что положеніе жительствъ въ здѣшнемъ старомъ верхнемъ городѣ тѣсное, а въ части, называемой Подолъ, и тѣсное и низкое, гдѣ мертвыя тѣла погребаются при приходскихъ церквахъ между самымъ жильемъ и гдѣ полагаются гробы на гробы и столько оныхъ намножилось, что, не вырывъ прежнихъ, вновь погребать почти уже не можно. Безъ сомнѣнія, сіе неблагоустроеніе весьма опасно, тѣмъ паче что вешнее и осеннее время, своею влажностію растворяя землю, открываетъ испаренія, кои, огустѣвая воздухъ, производятъ нечувствительнымъ образомъ разныя болѣзни. Были жъ между тѣмъ зрители и того, что въ прошломъ 1770 г., когда во время заразы умершіе погребены были при Кіево-Подолѣ на низкомъ и недалече отъ рѣки Днѣпра мѣстѣ, то наводненіемъ и великою влажностію отъ дождей снесло могилы надъ мертвыми и сдѣлало тѣла ихъ откровенными, при чемъ и то случилось, что нѣкоторыя мертвыя тѣла и собаками таскаемы были. Зрѣлище сіе единое приводитъ уже въ ужасъ. Но входя далѣе въ изслѣдованіе всего, чѣмъ сопровождается упомянутое мною неблагоустроеніе, и какую великую бѣду въ обществѣ оное произвести можетъ, я вынуждаюсь прибѣгнуть къ вящшей предосторожности, чтобы, послѣдуя примѣру благоразумныхъ учрежденій въ разныхъ россійскихъ городахъ, по немалости и сего города, устроить для умершихъ Кіево-подольскихъ и верхняго города жителей особыя на высокихъ загородныхъ мѣстахъ для кладбищей церкви и, снабдивъ ихъ всѣмъ надлежащимъ, отвести при оныхъ довольныя для погребеній мѣста, которыя не въ близкомъ разстояніи были бъ отъ жилищъ;—о чемъ уже и сообщено мною его высокопревосходи-

тельству господину генералъ-аншефу, кіевскому генералъ-губернатору и кавалеру Ѳеодору Матвѣевичу Воейкову, дабы для устроенія такихъ церквей и погребенія при оныхъ мертвыхъ отведены были удобныя на высокихъ мѣстахъ и внѣ жилья кладбища, и на оныхъ устроены были церкви, и чтобы постановлено было правиломъ, дабы во всѣхъ частяхъ города внутри жилья нигдѣ никѣмъ мертвыя погребаемы не были; равно жъ я просилъ его высокопревосходительство и для Кіево-Печерскаго форштата отвесть и назначить въ отдаленіи отъ жилья для погребенія мѣста. Поелику же все сіе также относится и до разсмотрѣнія вашего преосвященства, то за нужное нахожу сообщить о томъ и вашему преосвященству, надѣясь, что ваше преосвященство, споспѣшествуя общему благу, не оставите дать свое благословеніе и надлежащее повелѣніе и подчиненному вамъ духовенству. О томъ, что по сему положено будетъ, покорнѣйше прошу ваше преосвященство дать мнѣ извѣстіе“ [1]).

На основаніи резолюціи митрополита Гавріила, Походная Контора его учинила слѣдующую справку: „сего 1772 года, генваря 4 дня, его преосвященствомъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошлаго 1771 г. ноября 29 дня состоявшійся полученъ указъ, въ коемъ изображено: минувшаго 1771 г. ноября 22 дня Святѣйшему Правительствующему Синоду изъ правительствующаго Сената для свѣдѣнія приложены копіи указа, каковыя изъ онаго Правительствующаго Сената тогожъ 1771 г. ноября отъ 17 дня отправлены къ господамъ губернаторамъ, такожъ въ губернскія провинціальныя и воеводскія канцеляріи въ вящшую предосторожность отъ заразительной болѣзни; а какъ въ оныхъ указахъ правительствующимъ Сенатомъ между прочимъ опредѣлено, чтобъ по городамъ при церквахъ никого не хоронили, а отвели бы господа губернаторы для того особыя кладбища за городомъ, на выгонныхъ земляхъ, гдѣ способнѣе, построя при оныхъ на первый случай хотя не большія деревянныя церкви; то для того правительствующій сенатъ требовалъ, дабы святѣйшій Синодъ благоволилъ послать о

[1]) Архив. Кіев. Консисторіи, см. Сборникъ указовъ за 1772 г.

семъ вѣдѣнія своего въ духовныя команды указы; и по указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: о надлежащемъ по означенному, изданному отъ Правительствующаго Сената, указу исполненіи въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору, къ синодальнымъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ архіереямъ и въ ставропигіальныя Лавры и монастыри послать указы, коими всѣмъ духовнаго вѣдомства людямъ поступать не иначе, какъ тѣми указами учреждено, во всемъ непремѣнно, и погребеніе всѣмъ умирающимъ городскимъ жителямъ и поминовеніе по оныхъ чинить при тѣхъ кладбищенскихъ церквахъ тѣхъ церквей, кто гдѣ въ приходѣ жительствуетъ, приходскимъ священникамъ,—а кому тѣ кладбищенскія церкви въ смотрѣніе поручить, оное оставить на разсмотрѣніе епархіальныхъ архіереевъ; особаго же причта не опредѣлять. А ежели преосвященные архіереи усмотрятъ гдѣ необходимую надобность быть при тѣхъ кладбищенскихъ церквахъ особому причту, о томъ съ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и на какомъ основаніи тому причту, безъ обиды приходскимъ священникамъ и безъ отягощенія обивателямъ, быть, представлять Святѣйшему Синоду; о чемъ и правительствующему сенату сообщено свѣдѣніе съ тѣмъ, что не разсудитъ ли оный сенатъ господамъ губернаторамъ и воеводамъ подтвердить, дабы они, по случаю имѣемаго быть при кладбищахъ особыхъ церквей строенія, въ отводѣ тѣхъ мѣстъ и въ построеніи оныхъ церквей возъимѣли сношеніе съ духовными Командами, отъ которыхъ иногда при способныхъ къ кладбищамъ мѣстахъ и прежде построенныя церкви назначены быть могутъ; въ силу котораго указа отъ его преосвященства и приказано всѣмъ епархіи Кіевской духовнымъ людямъ непремѣнное по оному изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода указу и таковымъ же указамъ изъ сената чинить исполненіе... Указъ о семъ приказѣ изъ походной его преосвященства конторы уже посланъ въ духовную Кіевскую Консисторію, а изъ оной во всѣ духовныя правленія и монастыри“ [1]).

На справкѣ сей митрополитъ Гавріилъ положилъ такую резолюцію: „въ подтвержденіе уже посланнаго указа изъ По-

[1]) См. Тамъ же.

ходной Конторы послать въ Кіевскую духовную Консисторію новый указъ, коимъ и по письму его превосходительства генералъ-маіора Шипова предписать, дабы, по требованіямъ его превосходительства, во всемъ, касающемся устроенія церквей и особыхъ кладбищъ на возвышенныхъ мѣстахъ внѣ г. Кіева, она непремѣнное чинила исполненіе". Резолюція эта была исполнена 12 февраля 1772 г.

Настоятельное требованіе генералъ-маіора Шипова объ отводѣ въ Кіевѣ особыхъ кладбищъ было поддержано и кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Воейковымъ, который въ началѣ марта 1772 года писалъ кіевскому митрополиту:

„Вашему Преосвященству извѣстно, что указами правительствующаго Сената — первымъ отъ 17 ноября минувшаго 1771 г. велѣно для погребенія мертвыхъ учредить особыя кладбища за городомъ на выгонныхъ земляхъ, гдѣ способнѣе, и при оныхъ на первый случай построить небольшія деревянныя церкви, а вторымъ отъ 31 декабря того жъ года, чтобъ объ отводѣ въ городахъ для кладбищъ особыхъ мѣстъ и о построеніи при оныхъ церквей имѣть сношеніе съ духовными командами, которыя могутъ иногда, по своему усмотрѣнію, какъ и святѣйшій синодъ въ вѣдѣніи своемъ пишетъ, назначать къ тому и прежде построенныя готовыя церкви. Вслѣдствіе сего, по приказанію моему, удобныя для кладбищъ мѣста для всѣхъ трехъ частей сего города порознь и изысканы, а именно: для жителей здѣшней крѣпости съ предмѣстьями мѣсто разстояніемъ отъ жилья въ полуверстѣ, между коммуникаціонною линіею къ рѣкѣ Лыбеди; для верхняго города Кіева за Львовскими воротами, отъ крѣпости разстояніемъ болѣе полуверсты и отъ жилья, тамо находящагося, называемаго Кудрявца, въ полуверстѣ жъ; для нижняго города, называемаго Подола, при взводѣ Чикирдиномъ, на урочищѣ Щекавицѣ, которое отъ жилья отдаленное и къ погребенію способное. О семъ вашему преосвященству давъ знать, покорнѣйше прошу вышепомянутыя мѣста приказать и отъ своей стороны освидѣтельствовать, и тѣ ль самыя или другія, по разсмотрѣнію вашего преосвященства, къ сему предмету удобными будутъ избраны, а притомъ о построеніи при оныхъ церквей и о другихъ къ

сему нужныхъ, по усмотрѣнію вашего преосвященства учрежденіяхъ—меня пожаловать увѣдомить, дабы сіе, какъ для общества весьма нужное дѣло, безъ замедленія къ исполненію приведено быть могло.

На отводъ указанныхъ генералъ-губернаторомъ мѣстъ для устройства новыхъ кладбищъ преосвященный Гавріилъ поспѣшилъ изъявить свое согласіе. Мѣста эти въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1772 г. были отмежеваны, а въ маѣ тогоже года окопаны глубокими рвами и вслѣдъ затѣмъ окроплены святою водою. Въ то же время послѣдовало распоряженіе епархіальной и гражданской властей о безусловномъ закрытіи кладбищъ при всѣхъ приходскихъ церквахъ г. Кіева и обязательномъ погребеніи покойниковъ на вновь открытыхъ кладбищахъ. Жителямъ Кіево-Подола предписано было погребать покойниковъ своихъ на возвышенности, называвшейся и теперь называющейся Щекавицею, а для удобнѣйшаго сообщенія съ этою возвышенностію отъ взвода Чикирдинъ, примыкавшаго одною стороною къ Глубочицѣ, а другою къ тому мѣсту, гдѣ теперь старообрядческое кладбище, была проведена удобная дорога. Такъ какъ правительство не ассигновало денегъ на постройку церквей на вновь отведенныхъ кладбищахъ, то граждане, жившіе на Кіево-Подолѣ, собственнымъ коштомъ построили каменную церковь на Щекавицѣ съ такою же колокольнею. Церковь эта была освящена митрополитомъ Гавріиломъ 16 іюня 1782 во имя Всѣхъ Святыхъ. Въ половинѣ текущаго столѣтія къ ней пристроенъ теплый предѣлъ, а въ недавнее время она изъ кладбищенской переименована въ приходскую, но кладбище при ней еще не закрыто.

Для кіевлянъ, населявшихъ такъ называемый Старый Кіевъ, было отведено кладбище на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится новая Старо-Кіевская Вознесенская церковь. Это кладбище существовало безъ церкви и было закрыто въ шестидесятыхъ годахъ истекающаго столѣтія, такъ какъ пустопорожнія мѣста, окружавшія его, стали быстро заселяться, по причинѣ умноженія народонаселенія въ Кіевѣ. Взамѣнъ его тогдаже было открыто новое кладбище близъ Лукьяновки.

Не особенно долго существовало и предназначенное для жителей Кіево-Печерска кладбище, которое въ 1772 г. было отведено на той возвышенности Печерска, гдѣ теперь саперные бараки. Императоръ Николай Павловичъ, разширяя въ сороковыхъ годахъ кіево-печерскую крѣпость, распорядился перенести это кладбище на Байкову гору. Здѣсь въ 1841 г., тщаніемъ тогдашняго старосты Кіево-Софійскаго Собора Батухина и другихъ благотворителей, была построена деревянная церковь во имя Св. Димитрія и освящена бывшимъ викаріемъ Кіевскимъ, епископомъ Іереміею.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка [1]).

III.

Возобновленіе исковъ о козачествѣ; сенатскіе указы по этому поводу.—Разрѣшеніе вопроса о правѣ малороссійскихъ козаковъ на владѣніе землею.—Переселеніе козаковъ въ Новороссію и Черноморію.—Сравненіе панцырныхъ бояръ съ малороссійскими козаками въ отношеніи ихъ правъ и повинностей.—Покровительственное отношеніе правительства къ козакамъ.

Если у малороссійской сословной группы, оффиціально признанной свободными козаками, сохранился, быть можетъ, отъ всѣхъ прежнихъ правъ, вольностей, традицій, лишь одинъ „воинственный духъ“, то нельзя того же сказать о злосчастныхъ потомкахъ вольныхъ козаковъ, такъ или иначе не доказавшихъ своего права на включеніе въ реорганизованное Румянцевымъ сословіе малороссійскихъ козаковъ и попавшихъ въ крѣпостную зависимость.

И это совершенно понятно: малороссійскіе козаки, сохранивъ право личной свободы,—самое дорогое изъ всѣхъ своихъ правъ,—менѣе чувствовали потерю другихъ правъ и съ легкимъ сердцемъ забыли даже о томъ, чѣмъ когда то, можетъ быть, очень дорожили; закрѣпощенные же потомки бывшихъ козаковъ въ своей тяжкой долѣ живѣе чувствовали всю разницу прежняго своего положенія съ новымъ и горячо оплакивали всѣ свои вольности.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 4.

Какъ ни были ограничены права малороссійскихъ козаковъ къ концу XVIII вѣка, но все таки ихъ свободное состояніе не могло сравниться съ тяжкимъ безправіемъ крестьянства и не могло не возбуждать зависти у случайно закрѣпощенныхъ и стремленія добиться освобожденія изъ-подъ панской зависимости и утвержденія въ козачьихъ правахъ. Это стремленіе особенно усилилось послѣ обнародованія указа императора Павла I отъ 30 ноября 1796 года „о возстановленіи въ Малороссіи правленія и судопроизводства сообразно малороссійскимъ правамъ и прежнимъ обрядамъ[1]) „и коронаціоннаго манифеста императора Александра I отъ 15 сентября 1801 г., подтверждавшаго дарованныя въ предшествовавшее царствованіе льготы[2]).

Иски о козачествѣ настолько умножились, что мѣстныя власти считали нужнымъ установить по этому вопросу единообразіе и испросить точныя указанія у центральнаго правительства, чѣмъ руководствоваться при разрѣшеніи подобнаго рода дѣлъ. Черниговскій губернскій прокуроръ обратился рапортомъ къ министру юстиціи о томъ, что „онъ, прокуроръ, замѣтилъ въ малороссійскихъ присутственныхъ мѣстахъ разнообразныя опредѣленія по дѣламъ ищущихъ свободы изъ укрѣпленія помѣщиковъ, и что по инымъ десятилѣтняя давность принимается во уваженіе, а по инымъ оная опровергается, и ищущіе вольности отдаются во владѣніе“; такъ какъ при этомъ просители основывали свои доводы или на ссылкѣ на указъ императора Петра I отъ 16 апрѣля 1723 года, которымъ повелѣвалось, между прочимъ, зачислять въ козаки неправильно укрѣпленныхъ въ подданствѣ, съ составленіемъ точныхъ списковъ о числѣ козаковъ, съ цѣлями, о которыхъ мы упоминали выше, или на документальныхъ справкахъ изъ козачьихъ реестровъ, компутовъ, о томъ, что предки просителей были записаны въ нихъ и были, слѣдовательно, полноправными козаками, или же, наконецъ, на „свидѣтельствѣ малороссійскихъ жителей“ о принадлежности предковъ просителя къ числу козаковъ, то прокуроръ просилъ

[1]) П. С. З. № 17594.
[2]) П. С. З. № 20011.

разъясненія, слѣдуетъ ли при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ требовать какъ документальныхъ справокъ изъ компутовъ, такъ и „свидѣтельствъ малороссійскихъ жителей“, или же можно ограничиваться тѣмъ, или другимъ. Министръ юстиціи передалъ рапортъ черниговскаго губернскаго прокурора чрезъ оберъ-прокурора сената Аверина на разсмотрѣніе сената, вслѣдствіе чего сенатъ постановилъ: „предписать указами малороссійскимъ губернскимъ правленіямъ, двумъ департаментамъ генеральныхъ судовъ и малороссійскому генералъ-губернатору“ довольствоваться при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ однимъ изъ двухъ, или представленными точными справками изъ компутовъ, или же изустными свидѣтельствами, подъ условіемъ подтвержденія ихъ подъ присягою; что же касается давности относительно возбужденія подобнаго рода исковъ, то „поелику высочайшими и всемилостивѣйшими указами, 1796 г. ноября 30 дня, 1801 г. сентября 15 дня состоявшимися, Малороссіи предоставлены прежнія ихъ права, а Статута литовскаго, коимъ Малороссія судится, раздѣла 12-го артикула 13-го давность десятилѣтняя на таковыя дѣла не простирается, да и по указу 1784 г. мая 31 дня ревизія не почитается крѣпостію, то на дѣла ищущихъ свободы отъ владѣнія помѣщиковъ десятилѣтней давности относить не должно“. Обо всемъ этомъ состоялся сенатскій указъ отъ 2 іюля 1803 г.[1]).

Такое разъясненіе сената о непримѣненіи десятилѣтней давности къ искамъ о козачествѣ значительно увеличило число этихъ исковъ. Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ доносилъ сенату, что „по силѣ указа сената о неотношеніи по дѣламъ ищущихъ вольности людей десятилѣтней давности, малороссійскій народъ, будучи подстрекаемъ тамошними юриспрудентами, цѣлыми селеніями поднялся на подачу просьбъ объ отысканіи козачества, и многіе изъ нихъ вообразили, что подавъ просьбу, можно уже и не слушаться помѣщиковъ“.

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх.—Сверху приписка рукою извѣстнаго А. И. Чепы: „о присужденіи въ козаки по прежнимъ реестрамъ, и по свидѣтельствамъ съ осторожностію“.

Въ виду этого, сенатъ принужденъ былъ издать въ томъ же 1803 г. новый указъ отъ 3 декабря, въ разъясненіе вышеприведеннаго.

По мнѣнію сената, указъ его отъ 2 іюля былъ неправильно истолкованъ мѣстнымъ населеніемъ, вслѣдствіе ложнаго представленія о томъ, кто имѣетъ безусловное право именоваться козакомъ, а слѣдовательно, и претендовать на это званіе.

„Издревле—говорится въ указѣ отъ 3 декабря—званіе козаковъ раздѣлялось на разныя степени, которыя въ правахъ своихъ всегда были различны, а съ 1765 года свободными изъ нихъ остались только тѣ, которые извѣстны были подъ именемъ выборныхъ или реестровыхъ козаковъ, протчіе-жъ, какъ-то: козаки-подпомощники и козачьи подсосѣдки, равно какъ и наемники выборныхъ козаковъ, тогда же поступили въ рублевый по хатамъ окладъ и, пользуясь правомъ перехода, отбывали отъ службы, принимая званіе посполитыхъ и мѣняясь съ ними правомъ и осѣдлостями". Манифестъ отъ 3 мая 1783 года, по мнѣнію сената, оставилъ свободными только однихъ реестровыхъ или выборныхъ козаковъ, которые только и были записаны въ списки реорганизуемаго козачьяго сословія во время производства ревизіи 1782 года. Отсюда само собою понятно, что сенатъ считалъ подлежащими разсмотрѣнію лишь иски о козачествѣ *выборныхъ козаковъ* или ихъ потомковъ, потерявшихъ почему либо свободу. При такомъ толкованіи почти всѣ иски такого рода пріурочивались ко времени ревизіи 1782 года и манифеста 1783 г., такъ какъ до этого времени, по мнѣнію сената, „вольнаго человѣка укрѣплять за собою никто никакой выгоды не имѣлъ, потому что переходъ по Малороссіи былъ свободенъ, отчего и случаи къ отысканію вольности могли быть очень рѣдки".

Такое разъясненіе сената значительно упрощало разрѣшеніе вопроса объ искахъ о козачествѣ, и главное очень уменьшено ихъ количество.

Кромѣ разъясненія по существу, сенатъ далъ и точную инструкцію, которой нужно было руководствоваться на будущее время при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ, нѣсколько видоиз-

мѣнявшую сущность сенатскаго указа отъ 2 іюля 1803 года. Согласно этой инструкціи, „отыскивающій козачества въ первоначальной своей просьбѣ обязанъ объявить, что онъ происходитъ отъ предка, служившаго козакомъ и состоявшаго въ реестрѣ выборныхъ козаковъ, или такъ называемомъ компутѣ, и таковымъ числился до самой ревизіи 1782 года, но при оной, или въ послѣдующее затѣмъ время, въ числѣ владѣльческихъ подданныхъ написанъ для укрѣпленія несправедливо, на что и *долженъ представить* при сей же просьбѣ достовѣрныя, ясныя и никакому сомнѣнію неподверженныя *письменныя доказательства, подкрѣпляемыя свидѣтелями*, что онъ дѣйствительно происходитъ отъ таковыхъ предковъ“. При отсутствіи документальныхъ данныхъ, проситель долженъ былъ представить свидѣтелей, которые могли бы показать подъ присягой, что проситель дѣйствительно изъ козачьяго рода; свидѣтелей нужно было представить не менѣе двѣнадцати человѣкъ, и притомъ, чтобы они были или дворяне, или козаки, купцы и мѣщане. Возбуждавшіе иски о козачествѣ должны были подавать свои прошенія повѣтовымъ стряпчимъ, членамъ и писарямъ повѣтовыхъ судовъ, и притомъ не на дому, во избѣжаніе злоупотребленій, а въ присутствіяхъ повѣтовыхъ судовъ. Если при ближайшемъ разсмотрѣніи иска оказывалось, что проситель по ревизіи 1782 г. числился еще козакомъ и былъ закрѣпощенъ послѣ этой ревизіи, то повѣтовые суды должны были дѣлать немедленно распоряженіе объ освобожденіи изъ крѣпостной зависимости, хотя бы со стороны владѣльца и былъ заявленъ протестъ[1]).

Почти одновременно съ упорядоченіемъ веденія исковъ о козачествѣ, былъ разрѣшенъ очень важный вопросъ о правѣ козаковъ на неограниченное владѣніе принадлежащей имъ земельной собственностью.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ вошелъ съ докладомъ въ сенатъ, въ которомъ высказывалъ

---

[1]) Содержаніе указа отъ 3 декабря 1803 года приведено здѣсь по рукоп. Яготин. архива съ помѣткою А. И. Чепы: „въ поясненіе указа предъ симъ послѣдовавшаго, какъ производить дѣла по искамъ о козачествѣ и на чемъ оные основывать“.

мнѣніе, что крайне несправедливо лишать козаковъ права свободно распоряжаться принадлежащей имъ земельной собственностью, такъ какъ со временъ Богдана Хмельницкаго они были полными собственниками, и если и послѣдовало въ 1739 году запрещеніе имъ продавать ихъ участки, которое и было подтверждено въ 1741 г., то это была лишь временная мѣра, „до окончанія войны и будущаго государева соизволенія, по причинѣ военнаго тогдашняго времени, чтобы козаки продажею имѣній своихъ не оскудѣвали въ исправленіи службы". Уже указомъ императрицы Елизаветы Петровны отъ 12 декабря того же 1741 года, возстановлявшимъ во всей силѣ всѣ указы и регламенты императора Петра Великаго, а слѣдовательно, и грамоты отъ 1 ноября 1708 года и отъ 6 февраля 1711 года, подтверждавшія „всѣ права и привилегіи малороссійскаго народа, при поддачѣ гетмана Богдана Хмельницкаго данныя", возвращено было козакамъ неограниченное право собственности; впослѣдствіи же „всѣ древнія права и привилегіи Малой Россіи жалованныя" были подтверждены грамотами при избраніи на гетманство графа К. Г. Разумовскаго, отъ 15 декабря 1749 года и отъ 22 мая 1751 г., а также указами въ началѣ царствованій императоровъ Павла I и Александра I, отъ 30 ноября 1796 г. и отъ 9 сентября 1801 года. По мнѣнію князя А. Б. Куракина, въ дальнѣйшемъ ограниченіи права собственности по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ не было надобности со введеніемъ подушной подати, замѣнившей натуральную воинскую повинность козаковъ, и съ уничтоженіемъ произвола старшинъ, которые, пользуясь своей неограниченною военной и гражданской властью, могли разными притѣсненіями принуждать козаковъ къ продажѣ или промѣну за дешевую цѣну принадлежавшихъ имъ земельныхъ участковъ; напротивъ того, подобное ограниченіе препятствуетъ полному упорядоченію малороссійскаго землевладѣнія, сохраняя черезполосицу, мѣшая благоустройству отдѣльныхъ хозяйствъ и препятствуя разрѣшенному переселенію козаковъ въ екатеринославскую и другія губерніи.

Сенатъ вполнѣ согласился съ доводами князя А. Б. Куракина, вслѣдствіе чего состоялось слѣдующее постановленіе:

„Сенатъ, сообразивъ всѣ писанныя въ мнѣніи малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина обстоятельства съ именными указами, прошлаго 1802 г. декабря 12 и сего года февраля 20 состоявшимися, изъ коихъ первымъ предоставлено между прочимъ и всѣмъ казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, пріобрѣтать покупкой земли, а въ послѣднемъ въ 8-й статьѣ изображено: какъ скоро крестьяне, отпущенные отъ помѣщиковъ на волю, получатъ земли въ собственность, будутъ имѣть право продавать, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя однако жъ участковъ менѣе восьми десятинъ, равно имѣютъ они право вновь покупать земли, а потому и переходить изъ одной губерніи въ другую, но не иначе какъ съ вѣдома казенной палаты для перечисленія ихъ подушнаго оклада и рекрутской повинности,—находимъ, что испрашиваемое княземъ Куракинымъ положеніе о позволеніи козакамъ распоряжаться недвижимыми ихъ имѣніями на семъ правѣ сходствуетъ съ сими высочайшими указами, поелику и *козаки считаться должны не иначе, какъ въ статьѣ казенныхъ поселянъ*“.

Это постановленіе Сената удостоилось 28 іюня утвержденія императора Александра I, вслѣдствіе чего было опубликовано въ сенатскомъ указѣ отъ 20 іюля 1803 г., разосланномъ во всѣ присутственныя мѣста Малороссіи[1]).

Упоминаемое въ докладѣ князя А. Б. Куракина разрѣшеніе малороссійскимъ козакамъ переселяться въ екатеринославскую и „другія губерніи“, вѣроятно, обусловило главнымъ образомъ благопріятное для нихъ разрѣшеніе вопроса о признаніи ихъ полноправными владѣльцами принадлежащей имъ земельной собственности. Насколько правительство было заинтересовано въ то время въ облегченіи способовъ переселенія малороссійскихъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ въ Новороссію и Черноморію, отчасти въ виду „недостаточнаго количества земли“ у козаковъ, а главнымъ образомъ въ цѣляхъ заселенія пустынныхъ пространствъ людьми, могущими дать въ случаѣ надобности отпоръ

[1]) Рукоп. Яготин. арх. П. С. З. № 20823.

какимъ либо враждебнымъ нападеніямъ, видно изъ того, что 12 сентября 1804 г. послѣдовалъ указъ о пріемѣ прошеній отъ малороссійскихъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ, о разрѣшеніи имъ переселяться на югъ, на простой бумагѣ, безъ уплаты гербовой пошлины [1]).

Наибольшій размѣръ переселеніе это приняло въ періодъ времени съ 1809 г. по 1811 г., когда въ одну Черноморію переселилось изъ полтавской и черниговской губерній 22,206 душъ мужескаго пола и 19,328 женскаго пола [2]). Въ этомъ общемъ числѣ переселенцевъ изъ малороссійскихъ губерній козаковъ было, судя по указу отъ 17 марта 1808 г. [3]), 25000 душъ обоего пола.

Согласно этому указу разрѣшалось „двадцати пяти тысячамъ малороссійскихъ козаковъ, по недостаточному количеству у нихъ земли, переселиться на земли, войску черноморскому пожалованныя въ Таманскомъ полуостровѣ и за Босфорскимъ проливомъ, между Азовскимъ моремъ, до границъ Кавказской губерніи, и отъ Ейскаго укрѣпленія въ губерніи Екатеринославской по Кубани до самаго ея устья, пространствомъ своимъ болѣе 30000 квадратныхъ верстъ занимающія“.

Во исполненіе этого указа тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Я. И. Лобановъ Ростовскій предложилъ 22 апрѣля 1808 г. полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ объявить объ этомъ въ козачьихъ поселеніяхъ, не принуждая ихъ къ переселенію, но выбирая изъ числа козачьихъ семействъ, заявившихъ о своемъ желаніи переселиться, „тѣ, гдѣ болѣе дѣвокъ и вдовъ, въ бракъ еще вступити могущихъ, по уваженію малаго числа женскаго пола нынѣ въ черноморскихъ войскахъ гостящаго“ [4]). Желавшимъ переселиться разрѣшалось посылать предварительно ходоковъ „для обозрѣнія мѣстъ къ своему поселенію и узнанія вообще о всѣхъ тѣхъ выгодахъ, какіе они тамъ имѣть будутъ“. Всѣ расходы по переѣзду на

---

[1]) П. С. З. № 21451.

[2]) Кубанское козачье войско, Ворон. 1888 г. Стр. 52 и 59.

[3]) П. С. З. № 22902.

[4]) По рукоп. Яготин. арх.

новыя мѣста переселенцы должны были производить на свой собственный счетъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдавались субсидіи на „первоначальное обзаведеніе на мѣстѣ“ изъ суммъ черноморскаго войска, „въ пользу коего таковое переселеніе отъ правительства дозволяется“. Кромѣ всего этого, въ предложеніи малороссійскаго генералъ-губернатора во всѣхъ подробностяхъ устанавливался порядокъ сношеній между нимъ и войсковой черноморской канцеляріей въ отношеніи наибольшаго упорядоченія переселенія до мельчайшихъ подробностей.

Переселенія малороссійскихъ козаковъ въ другія губерніи, поощряемыя правительствомъ и даже, правильнѣе сказать, возникшія по его иниціативѣ, уменьшая численность козачьяго сословія, много способствовали его, такъ сказать, сословному обезличенію. Устраивая эти переселенія, центральное правительство, помимо колонизаціонныхъ цѣлей въ отношеніи далекихъ окраинъ, преслѣдовало отчасти, быть можетъ, и цѣли ассимиляціи малороссійскихъ козаковъ съ прочими податными сословіями имперіи путемъ претворенія этой постепенно таявшей сословной единицы съ массой земледѣльческаго населенія тогдашней Малороссіи. Но окончательное упраздненіе этого сословія не входило въ тогдашніе виды правительства. Это видно изъ двухъ сенатскихъ указовъ, отъ 5 апрѣля 1805 г.[1]) и отъ 8 сентября 1807 г., въ отношеніи аналогичной съ малороссійскими козаками сословной единицы, такъ называемыхъ, панцырныхъ бояръ.

Государственный казначей далъ такого рода справку сенату о сословіи панцырныхъ бояръ на сдѣланный ему сенатомъ запросъ, въ виду возникшаго вопроса о точномъ опредѣленіи повинностей этой небольшой сословной единицы[2]).

„Изъ Высочайше конфирмованнаго 21 генваря 1788 года доклада сената явствуетъ, что панцырные бояре, поселившіеся по привилегіямъ бывшихъ королей польскихъ въ Витебской губерніи на особыхъ имъ жалованныхъ земляхъ, обязаны были за то въ прежнія времена производить конную военную службу,

---

[1]) П. С. З. № 21698.

[2]) П. С. З. № 22615.

и что родъ людей сихъ не былъ шляхетскаго званія, ни состоянія крестьянскаго, но былъ вольный военный народъ, платившій однако-жъ Рѣчи Посполитой установленную подать. Въ грамотѣ блаженныя памяти государя царя Алексѣя Михайловича, въ 1667 году имъ данной, именованы они панцырными козаками; по присоединеніи же въ 1772 году Бѣлоруссіи къ Россійской имперіи, панцырные бояре причислены были въ дворцовое вѣдомство и во всемъ поверстаны съ дворцовыми крестьянами, а по Высочайшему указу генваря 21 дня 1788 года, *по единообразному ихъ состоянію съ малороссійскими козаками, сравнены съ ними и въ платежѣ податей*".

Въ 1806 году бѣлорусскій военный губернаторъ Михельсонъ сдѣлалъ запросъ сенату, „не относятся ли и на панцырныхъ бояръ всѣ тѣ повинности, въ томъ числѣ и рекрутская очередь, каковыя исправляются малороссійскими козаками, равно и самый порядокъ внутренняго ихъ управленія, на основаніи Высочайшаго ихъ указа, въ 7 день августа 1797 года о волостяхъ состоявшагося", такъ какъ панцырные бояре уклонялись отъ исполненія всякихъ повинностей, „поставляя себя въ нѣкоемъ особомъ родѣ людей, отъ всякихъ повинностей изъятыхъ".

Сенатъ, заслушавъ запросъ бѣлорусскаго военнаго губернатора и принимая во вниманіе данныя, сообщенныя государственнымъ казначеемъ, пришелъ къ тому заключенію, что „панцырные бояре, въ Витебской губерніи обитающіе, суть одинаковаго происхожденія съ малороссійскими козаками, и въ прежнія времена и тѣ и другіе были вольный военный народъ, обязанный нести военную службу цѣлымъ обществомъ, но, съ теченіемъ времени, положеніе ихъ, а съ присоединеніемъ къ Россійской имперіи и самое состояніе перемѣнилось, что они, будучи званія не шляхетскаго, и во времена польскаго владѣнія отъ платежа податей изъяты не были, по присоединеніи же къ Россійской имперіи поверстаны во всемъ съ дворцовыми крестьянами, и наконецъ, высочайшимъ указомъ 21 января 1788 года, по единообразному ихъ съ малороссійскими козаками происхожденію и состоянію, сравнены съ ними во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно и не составляютъ они собою никакого особаго рода

людей, отъ всякихъ повинностей изъятыхъ, но такъ же, какъ и прочіе положенные въ подушный окладъ, обязаны наравнѣ нести всѣ государственныя и земскія повиности и поставку рекрутъ натурою, какъ-то исполняется подобными имъ малороссійскими козаками: ибо, по высочайшему 1795 года октября 6 дня указу, исключаются отъ поставки рекрутъ тѣ только, которые освобождены отъ того особыми жалованными грамотами и указами (которыхъ панцырные бояре не имѣютъ), или же коимъ не прошли дарованные льготные годы, каковый сборъ рекрутъ указомъ того-жъ октября 8 дня распространенъ и на Бѣлорусскую губернію, а напослѣдокъ, по силѣ указа отъ 1 сентября 1804 года, рекрутская повинность составляетъ общую обязанность всѣхъ состояній, въ окладъ положенныхъ, а посему сенатъ полагаетъ, что панцырные бояре должны отправлять во всемъ равныя съ малороссійскими козаками обязанности, то есть: давать рекрутъ натурою, платить государственныя подати и исправлять земскія и общественныя повинности по общимъ узаконеніямъ, въ каковую обязанность и включить ихъ съ начала 1808 года".

Такъ какъ панцырные бояре во всемъ приравнивались къ малороссійскимъ козакамъ, то государственный казначей далъ сенату нижеслѣдующую подробную справку о послѣднихъ: „Козаки малороссійскіе также были прежде народъ вольный и употребляли себя въ войну за деньги по нуждамъ сосѣдственныхъ имъ государствъ; и когда Польшею или собственными своими начальниками были угнетаемы, то прибѣгали къ покровительству Россіи, и наконецъ отдали себя ей въ подданство. Козаки сіи до 1783 года платили поборы неопредѣленные, зависѣвшіе отъ воли начальства; въ ономъ году высочайшимъ указомъ мая 3 дня повелѣно: собирать съ нихъ на содержаніе военной ихъ службы, вмѣсто прежнихъ неопредѣленныхъ поборовъ съ каждой души по одному рублю двадцать копѣекъ на годъ; кромѣ того, козаки малороссійскіе платятъ оброчныхъ за право винокуренія по 1 р. съ души, по указу 1794 года сентября 7 дня, вмѣсто провіанта по 30 копѣекъ, и по указу 1797 г. декабря 18 прибавочныхъ, вмѣсто содержанія полко-

выхъ подъемныхъ лошадей, по 26 копѣекъ, накладныхъ по 2 копѣйки на рубль, всего по 2 рубля 81 копѣйки въ годъ съ каждой души. По силѣ указа 1783 года іюня 28 дня, изъ козаковъ малороссійскихъ составлено было 10 малороссійскихъ карабинерныхъ полковъ; указомъ 1786 года апрѣля 10 дня присоединены къ содержанію оныхъ полковъ и бывшіе монастырскіе крестьяне, изъ коихъ наполненъ новый малороссійскій гренадерскій полкъ, а по указу 1794 года апрѣля 24 числа собранъ и сформированъ изъ козаковъ и монастырскихъ крестьянъ корпусъ военнопѣшихъ стрѣлковъ малороссійскихъ, изъ коихъ тѣ полки по предписаніямъ главнокомандующаго и наполнились. Послѣ того состоявшимися въ 1795 году высочайшими указами повелѣно: первымъ, октября 6 дня, впредь наравнѣ съ прочими губерніями Всероссійской Имперіи собирать рекрутъ по точной силѣ рекрутскаго учрежденія, изданнаго въ 1766 году сентября 29 дня, въ губерніяхъ: кіевской, черниговской, новгородъ-сѣверской, харьковской, воронежской, тамбовской, саратовской, екатеринославской, вознесенской и таврической области, съ мѣщанъ и крестьянъ казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ, кои при общихъ по государству рекрутскихъ наборахъ и при наполненіи войскъ не несли сея повинности, исключая изъ сего набора тѣхъ только, которые освобождены особыми жалованными грамотами и указами, или же коимъ не прошли еще дарованные льготные годы; вторымъ: того-жъ октября 8 числа, собрать съ 500 душъ по одному рекруту со всего государства, не исключая губерній: санктпетербургской, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ, минской, волынской, подольской и брацлавской и округъ, отошедшихъ отъ сихъ губерній къ сопредѣльнымъ екатеринославской, вознесенской и къ области таврической. Въ высочайшемъ указѣ, данномъ сенату 1 сентября 1804 года, о сборѣ во всемъ государствѣ съ 500 душъ по 4 рекрута, между прочимъ изображено: что рекрутская повинность составляетъ общую обязанность всѣхъ состояній въ окладъ положенныхъ, и потому отправленіе ея должно быть для всѣхъ уравнительно".

Какъ видимъ, центральное правительство, уравнивая панцырныхъ бояръ какъ въ отношеніи правъ, такъ и въ отношеніи

повинностей съ малороссійскими козаками, тѣмъ самымъ показывало, что оно не думало еще объ окончательномъ упраздненіи этихъ двухъ своеобразныхъ сословныхъ единицъ, разсчитывая, быть можетъ, еще воспользоваться когда-нибудь ихъ „воинственнымъ духомъ"; въ 1811 г. малороссійскіе козаки получили даже, наравнѣ съ помѣщиками, подтвержденіе своихъ прежнихъ правъ курить и продавать вино" [1]).

И дѣйствительно, наступала эпоха, когда пришлось прибѣгнуть къ услугамъ воинственнаго козачества и въ поощреніе надѣлить его новыми льготами и милостями, отъ которыхъ козаки воспряли духомъ и стали мечтать, что имъ будутъ снова возвращены всѣ ихъ прежнія золотыя вольности.

IV.

Малороссійское ополченіе 1812 года.—Обѣдненіе козаковъ.—Милости козакамъ за скорое сформированіе козачьихъ полковъ.—Отмѣна временныхъ льготъ; предположеніе о реформѣ козачьяго сословія; переселеніе козаковъ въ черноморію.—Запрещеніе продавать козачьи земли.—Различіе мнѣній въ правительственныхъ сферахъ по вопросу о правахъ малороссійскихъ козаковъ; отношеніе князя Н. Г. Репнина къ козакамъ.

12 іюня 1812 года французы перешли черезъ р. Нѣманъ. Императоръ Александръ I, пребывавшій въ это время въ Вильнѣ, сдѣлалъ попытку „избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны", пославши генералъ-адъютанта Балашева съ письмомъ къ Наполеону, въ которомъ предлагалъ примиреніе, подъ условіемъ немедленнаго удаленія французовъ изъ русскихъ владѣній. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, и иноземныя полчища разлились по сѣверо-западному краю. Россія не была готова къ ихъ отраженію.

Между тѣмъ непріятель стремительно двигался впередъ—нужно было скорѣе выработать планъ военныхъ дѣйствій и хлопотать объ увеличеніи количества войскъ. Одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Государемъ, было распоряженіе о наборѣ конныхъ козачьихъ полковъ въ Малороссіи.

---

[1]) П. С. З. № 24832.

Въ концѣ іюня былъ отправленъ на имя малороссійскаго генералъ-губернатора князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго рескриптъ, помѣченный 12 іюня 1812 г., которымъ повелѣвалось озаботиться немедленнымъ наборомъ козачьихъ полковъ въ предѣлахъ черниговской и полтавской губерній и отправкой ихъ, по мѣрѣ готовности, въ Калугу и Тулу, съ обѣщаніемъ, что этотъ наборъ замѣнитъ „обыкновенный рекрутскій наборъ, въ протчихъ губерніяхъ къ осени приготовляемый".

Получивъ милостивый рескриптъ и желая, какъ можно скорѣе, оправдать довѣріе Государя, князь Лобановъ-Ростовскій немедленно разослалъ всѣмъ земскимъ коммисарамъ, ближайшимъ начальникамъ козачьяго сословія, копіи съ рескрипта, съ приложеніемъ собственнаго воззванія отъ 10 іюля 1812 г., въ которомъ онъ обѣщаетъ выхлопотать у Государя въ награду за скорое и успѣшное формированье козачьихъ полковъ полное освобожденіе козаковъ отъ рекрутскихъ наборовъ и образованіе особаго украинскаго войска „близко похожаго съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ".

„Я при семъ случаѣ—пишетъ князь—имѣю всему здѣсь козачьему сословію объявить, что тѣмъ снаряженіемъ избавляются они не токмо перваго рекрутскаго набора, но, по мининованіи въ тѣхъ полкахъ надобности, всѣ они распустятся въ домы свои, навсегда останутся принадлежащими украинскому войску и по первому востребованію обязаны опять явиться на службу и, составить свои полки, офицера же пользуются содержаніемъ и всѣми по службѣ правами, уланскимъ офицерамъ присвоенными: они имѣютъ установленную форму по полкамъ, они считаются на службѣ даже въ то время, когда полки распустятся, ибо тогда будетъ ихъ обязанностью имѣть полное свѣдѣніе о состояніи и занятіи подчиненныхъ имъ козаковъ. Таковое сихъ полковъ устройство столь близко похоже съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ, что нѣтъ сомнѣнія, что здѣшнее козачее общество предоставитъ однимъ избраннымъ пользоваться и польстится употребить сей случай, чтобы доказать многочисленной формировкой, что они всѣ достойны получить навсегда право составлять изъ себя защиту и служить не по

очереди рекрутской, а по усердію къ Царю и ревности къ ремеслу, въ коемъ отличаться они всегда умѣли, ибо кто не вѣдаетъ, что быть на войнѣ было сущее дѣло предковъ ихъ".

Это обращеніе малороссійскаго генералъ-губернатора къ козакамъ было принято ими, конечно, съ восторгомъ, такъ какъ высказанный княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ взглядъ на призваніе малороссійскихъ козаковъ вполнѣ соотвѣтствовалъ исконнымъ традиціямъ козачества, которыя такъ рельефно проявлялись, какъ мы видѣли выше, втеченіе всего XVIII вѣка.

Едва успѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій сдѣлать первыя распоряженія о наборѣ козачьихъ полковъ, какъ былъ обнародованъ манифестъ отъ 6-го іюля о созывѣ ополченій во всей Россіи. Въ виду выраженной въ манифестѣ крайней нужды въ возможно скоромъ сформированіи и снаряженіи въ походъ ополченій, князь Лобановъ-Ростовскій послалъ немедленно распоряженіе полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ, чтобы не стѣснять козаковъ точнымъ выполненіемъ распоряженія отъ 10 іюля, хлопотать лишь о возможно большемъ количествѣ войскъ, и за скорое снаряженіе опять обѣщалъ исходатайствовать у Государя освобожденіе отъ рекрутскихъ наборовъ и, кромѣ того, временныя льготы въ уплатѣ податей.

„Я поставлю долгомъ—писалъ князь—донесть Его Императорскому Величеству и быть у Его престола ходатаемъ, дабы благоволилъ Онъ приказать не вмѣщать козачье общество въ рекрутскую очередь и въ податяхъ участвовать только, какъ состоянію ихъ прежде повелѣно было, ибо обязываются они составлять изъ себя войско, какое въ нужный часъ потребно быть можетъ, уважая удобность быть въ мирное время въ домахъ своихъ. Таковой милости ожиданіе заставляетъ меня предложить губернскому правленію, какъ и казенной палатѣ, пріостановиться со сборомъ второй половины податей съ козаковъ, и съ помощью земской и городской полицій и волостныхъ правленій имѣть наблюденіе, дабы какъ можно болѣе людей снаряжено было съ полученія сего на каждомъ мѣстѣ черезъ двѣ недѣли".

Въ этомъ же распоряженіи князя Лобанова-Ростовскаго подробно изложена и организація формируемыхъ козачьихъ полковъ.

18 іюля былъ обнародованъ второй манифестъ о созывѣ земскаго ополченія. Дѣйствіе этого манифеста распространялось и на Малороссію—одновременно она должна была выставить конные полки изъ лицъ, принадлежавшихъ къ козачьему сословію, и земское ополченіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такое усиленное формированіе войскъ было крайне тягостно для обывателей, въ особенности въ виду труднаго въ ту пору экономическаго положенія полтавской губерніи, а потому многіе стали уклоняться отъ всякаго участія подъ предлогомъ болѣзни, неимѣнія средствъ и т. п. Къ тому же возникли недоразумѣнія между высшими представителями мѣстной власти, генералъ-губернаторомъ княземъ Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ и полтавскимъ губернскимъ маршаломъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, принимавшимъ горячее участіе въ дѣлѣ формированія земскаго ополченія и козачьихъ полковъ.

Какъ ни волновался Трощинскій и какъ ни хлопоталъ онъ о скорѣйшемъ снаряженіи полтавскаго земскаго ополченія, но дѣло медленно подвигалось впередъ; тормозилъ его, между прочимъ, и самъ Лобановъ-Ростовскій своими распоряженіями, шедшими нерѣдко въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ дѣла. Его предписаніе о продовольствіи 6,500 лошадей коннаго ополченія во время похода на счетъ обывателей вывело Трощинскаго изъ терпѣнія:

„Продовольствіе сѣномъ лошадей ополченія—писалъ Трощинскій князю Я. И. Лобанову-Ростовскому—не могло дворянство взять на себя по сущей невозможности, найпаче незная, куда необходимость заставитъ въ теченіе войны подвинуть за границы губерніи столь многочисленную конницу и будетъ ли прокормленіе оной сѣномъ соотвѣтствовать его способамъ, истощаемымъ на защиту престола и отечества“.

Вообще Лобановъ-Ростовскій выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ крайне нераспорядительнымъ. Тяжелое экономическое положеніе Малороссіи, непосильныя требованія, предъявленныя къ населенію, и нераспорядительность высшихъ властей были главными причинами того, что наборъ такъ затянулся, что малороссійское войско не попало на театръ военныхъ дѣйствій и по изгнаніи

французовъ за предѣлы Россіи было немедленно распущено. Такимъ образомъ малороссійскіе козаки были лишены возможности показать свою доблесть въ отраженіи грознаго непріятеля [1])

Участіе козаковъ въ снаряженіи ополченія, при непосильныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ вообще къ малороссійскому населенію, сильно ихъ разорило, и они долго не могли оправиться. Князь Н. Г. Репнинъ въ своей „краткой запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“, говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„При всѣхъ разныхъ преобразованіяхъ козаки отличались исправнымъ платежемъ податей и исполненіемъ прочихъ общественныхъ повинностей. Въ послѣднюю отечественную войну козаки, какъ владѣльцы, выставили на своемъ иждивеніи многочисленныя конныя ополченія, и для защиты отечества, подобно дворянамъ, жертвовали добровольно достояніемъ и жизнью.

Но въ сихъ послѣднихъ годахъ, нельзя не сознаться, что благосостояніе малороссійскихъ козаковъ нѣсколько поколебалось: порывъ ихъ усердія на защиту отечества былъ несоразмѣренъ ихъ силѣ и возможности. Поставивъ изъ 25-ти ревизскихъ душъ, слѣдовательно, изъ десяти работниковъ, кормящихъ семейства, одного воина, снабдивъ онаго лошадью и конной сбруею, содержавъ его, прежде отправленія, полгода и, по возвращеніи, около полутора, до весны 1816 года, т. е. близъ двухъ лѣтъ, провіантомъ и фуражемъ, пополняя убыль въ людяхъ, лошадяхъ и вещахъ, малороссійскіе козаки истощили всѣ денежные у себя капиталы, ибо употребили на сіи предметы многіе милліоны“ [2]).

О томъ, что содержаніе козачьихъ полковъ столь продолжительное время было тягостно для населенія, упоминаетъ также въ своихъ путевыхъ запискахъ императоръ Николай Павловичъ, когда онъ, бывши еще великимъ княземъ, предпринялъ, для довершенія своего образованія, лѣтомъ 1816 г. поѣздку по Россіи:

„Полтавская губернія ставитъ на службу девять козачьихъ полковъ по 1200 человѣкъ. Нынче они распущены. Они учреж-

[1]) Вышеизложенное о формированіи козачьихъ полковъ и ополченія въ 1812 г. составляетъ краткій пересказъ нашей статьи „Малороссійское ополченіе 1812 г.“, помѣщенной въ V-й кн. Чтеній въ Историч. Общ. Нестора лѣтоп.

[2]) Чтенія М. О. И. Др. Р. 1864 г. Кн. II, стр. 87 смѣси.

дены были въ 12-мъ году, и, равно какъ и черниговскіе, въ мирное время не служатъ и никакой пользы не приносятъ" (послѣ того слѣдовали слова: „то становятся въ тягость губерніямъ, кои ихъ одѣваютъ", но великій князь зачеркнулъ ихъ). Дворянство и козаки довольны бъ были, если бъ изъ сихъ 15 козачьихъ составить 6 уланскихъ или иныхъ полковъ, ибо содержаніе сихъ 6 полковъ меньше стоило бы, нежели 15, а польза была бы та, что армія имѣла бы 6 прекрасныхъ регулярныхъ полковъ, коихъ содержаніе ничего правительству не стоило бы и вмѣстѣ не было бы тягостно губерніямъ" [1]).

Но, хотя малороссійскимъ козакамъ и не пришлось принять активнаго участія въ отечественной войнѣ, они получили все таки кое-какія милости.

Когда былъ обнародованъ манифестъ отъ 12 сентября 1815 г. о наборѣ рекрутъ съ 500 душъ по одному человѣку, козаки были освобождены отъ дачи рекрутъ, наравнѣ съ жителями Грузіи и Бессарабіи [2]).

Въ 1816 году былъ полученъ въ Малороссіи очень милостивый по отношенію къ козакамъ указъ императора Александра I:

„Имѣя въ особенномъ уваженіи—говорится въ указѣ—усердный подвигъ малороссійскихъ козаковъ, вооружившихъ въ 1812 г. собственнымъ иждивеніемъ 15 конныхъ полковъ на защиту отечества, мы съ удовольствіемъ приступаемъ нынѣ къ образованію сего сословія на правилахъ, воинскому духу его свойственныхъ, долженствующихъ расширить и упрочить навсегда выгоды его поселенія и связать козаковъ неразрывными узами со всѣми прочими военными силами нашими. Но какъ обширныя соображенія, долженствующія предшествовать окончательному устройству малороссійскихъ козаковъ, необходимо требуютъ времени; то Мы, желая обратить сіе самое время въ пользу козаковъ, доставя возможность тѣмъ изъ нихъ, кои на службѣ находятся, употребить оное на улучшеніе своего хозяйства, повелѣваемъ вамъ привести въ исполненіе слѣдующія распоряженія:

[1]) Сборникъ И. Р. Историческаго Общества, т. 98, стр. 97.

[2]) П. С. З. № 25942.

1-е. Удостовѣрить всѣхъ вообще козаковъ вѵѣренной вамъ губерніи [1]) въ непреложности нашихъ намѣреній и попеченій о лучшемъ устройствѣ ихъ; объявить тѣмъ изъ нихъ, кои находятся въ составѣ полковъ сей губерніи, особенное Наше за вѣрную ихъ службу благоволеніе, и что съ симъ вмѣстѣ воинскіе труды ихъ оканчиваются.

2-е. Предписать командирамъ полковъ немедленно распустить козаковъ по домамъ, предоставя имъ полную свободу въ нѣдрахъ семействъ своихъ заниматься хозяйственными упражненіями".

Согласно этому-же указу, козаки были освобождены „отъ всѣхъ другихъ податей и сборовъ, кромѣ подымной по три рубля и за право винокуренія по одному рублю, итого по четыре рубля съ души, которые, собирая на прежнемъ основаніи съ начала сего года, присовокуплять сумму оныхъ къ суммамъ вышеозначеннымъ, и хранить въ Казенной Палатѣ на томъ же основаніи для употребленія въ пользу устройства тѣхъ-же козаковъ, по усмотрѣнію Нашему. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что общественныя повинности, какъ-то: содержаніе почтъ, дорогъ, мостовъ и проч., остаются въ своей силѣ".

Офицеры, служившіе въ козачьихъ полкахъ, должны были быть удовлетворены жалованьемъ за весь 1815 годъ; кромѣ того, Государь поручилъ генералъ-маіору графу Витту „объявить имъ особенно" монаршую милость и благоволеніе и „отобрать отзывы отъ тѣхъ изъ нихъ, кои пожелаютъ вступить въ военную службу", для представленія на высочайшее усмотрѣніе [2]). Въ 1817 г. послѣдовалъ указъ отъ 29 марта, которымъ разрѣшалось офицерамъ пятнадцати малороссійскихъ козачьихъ полковъ, распущенныхъ по домамъ, носить мундиръ [3]); „мундирныя вещи", согласно указу отъ 11 іюня 1816 г., были оставлены и рядовымъ козакамъ „въ награду службы ихъ".

---

[1]) Указъ написанъ на имя черниговскаго и полтавскаго гражданскихъ губернаторовъ.

[2]) П. С. З. № 26309.

[3]) П. С. З. № 26755.

Такимъ образомъ обѣщанія князя Лобанова Ростовскаго что рядовые козаки „навсегда останутся принадлежащими къ украинскому войску“, а офицеры будутъ пользоваться правами службы даже тогда, когда „полки распустятся въ домы свои“, съ сохраненіемъ содержанія и формы, только и оправдались въ отношеніи этой послѣдней.

Князь Н. Г. Репнинъ высказываетъ въ вышеупомянутой нами своей „краткой запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“ мнѣніе, что императоръ Александръ I былъ очень милостивъ къ нимъ:

Императоръ „объявилъ высочайшее благоволеніе свое къ козакамъ въ именномъ указѣ 1816 г., обнадеживая ихъ распространеніемъ выгодъ, собственность же козаковъ его величество оградилъ не только отъ потрясенія, но и отъ всякаго недоразумѣнія, паче всѣхъ самодержцевъ россійскихъ, утвердивъ мнѣнія государственнаго совѣта 1812 года іюля 17, 1820 года апрѣля 19 и 1823 года апрѣля 14[1]), въ коихъ сказано: въ первомъ, что „козаки, владѣя землями, какъ собственностью своею, властны оную продавать“, во второмъ—позволено продавать свои домы, земли и имущества, въ третьемъ—что земли малороссійскихъ козаковъ принадлежатъ имъ собственно на правѣ дворянскомъ“[2]).

Но оказываемыя козакамъ милости не соотвѣтствовали, вѣроятно, тѣмъ надеждамъ, которыя они питали относительно возвращенія прежнихъ правъ и вольностей; указъ же отъ 25 августа 1818 г. на имя преемника князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго, новаго малороссійскаго военнаго губернатора князя Николая Григорьевича Репнина[3]), совсѣмъ разрушилъ ихъ мечты. Въ виду особой важности этого указа, мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ:

„Господину малороссійскому военному губернатору. При сильныхъ мѣрахъ, кои къ оборонѣ отечества пріемлемы были

---

[1]) Срав. П. С. З. № 29127.

[2]) Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. II, стр. 114 сл.

[3]) Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ (рож. 1777 г. † 1845 г.), вице-король Саксоніи съ октября 1813 года по ноябрь 1814 года, генералъ-губернаторъ Малороссіи съ 22 іюля 1818 г. по 6 декабря 1834 г.; его смѣнилъ гр. Строгановъ.

въ 1812 году, поручалъ я предмѣстнику вашему сформированіе козачьихъ полковъ въ Малороссіи, поставивъ ему на видъ рескриптомъ 25 іюня того же года, что оное замѣнитъ обыкновенный рекрутскій наборъ, съ прочихъ губерній къ осени приготовляемый. Такимъ образомъ, составлено было изъ козачьяго сословія 15 полковъ на правѣ ополченія, введеннаго вслѣдъ затѣмъ манифестами 6-го и 18-го іюля внутри государства, въ составѣ коего находились и конные козачьи полки изъ ямщиковъ и поселянъ внутреннихъ губерній. Вамъ извѣстна служба сихъ послѣднихъ и что съ окончаніемъ войны они распущены по домамъ. Малороссійскіе же козаки въ послѣдующее съ 1812 года время освобождены были отъ рекрутскихъ наборовъ и податей, кромѣ собираемыхъ по указамъ 11 іюня 1816 года, по четыре рубля съ души, въ намѣреніи дать имъ новое образованіе.

По правиламъ, принятымъ въ основаніе новаго устройства поселяемыхъ войскъ, соединеніе владѣемыхъ козаками земель въ особые округи, кои бы отдѣляли ихъ отъ земель помѣщичьихъ, должно предшествовать всѣмъ предполагаемымъ о семъ предметѣ распоряженіямъ, но для приведенія онаго въ исполненіе требуется слишкомъ продолжительное время, чтобы козаки могли между тѣмъ остаться безъ всякой службы отечеству. Посему я повелѣваю вамъ:

1) Козачье сословіе въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ ввести въ обыкновенную рекрутскую повинность по прежнему при настоящемъ наборѣ.

2) Въ знакъ же признательности къ усердію козаковъ, оказанному скорымъ сформированіемъ изъ среды себя полковъ, объявить имъ, что они оставляются при тѣхъ самыхъ податяхъ по четыре рубля съ души, кои собираются съ нихъ на основаніи указовъ моихъ отъ 11 іюня 1816 года“ [1]).

Но высказанное въ вышеприведенномъ указѣ предположеніе о выдѣленіи козаковъ въ особыя военныя поселенія почему то не было приведено въ исполненіе, и вообще не было при-

[1]) П. С. З. № 27505.

нято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы „дать имъ новое образованіе", указомъ же отъ 10 декабря 1819 года было повелѣно уравнять козаковъ въ отношеніи податей съ прочими казенными поселянами: усматривая изъ мнѣнія государственнаго совѣта, по представленію министра финансовъ состоявшагося, что козаки малороссійскіе, въ воздаяніе принесенныхъ имъ въ пользу отечества пожертвованій сформированіемъ полковъ отъ среды своей, съ 1812 по 1819 годъ были освобождены отъ взноса въ казну оброчной подати, оставаясь только при платежѣ подушнаго оклада и налога за право винокуренія; и признавая, что таковымъ въ теченіе восьми лѣтъ продолжавшимся облегченіемъ въ исполненіи общихъ государственныхъ повинностей козаки получили достаточное вознагражденіе за произведенныя ими издержки, повелѣваемъ о возобновленіи съ 1 января 1820 года сбора оброчнаго оклада съ малороссійскихъ козаковъ и о распространеніи на нихъ учрежденныхъ податей по части путей сообщенія, платимыхъ всѣми прочими состояніями казенныхъ поселянъ" [1]).

Въ слѣдующемъ, 1820-мъ, году снова было сдѣлано распоряженіе о переселеніи на земли, принадлежавшія черноморскому войску двадцати пяти тысячъ малороссійскихъ козаковъ, съ цѣлью „умноженія черноморскаго войска" [2]) и, быть можетъ, отчасти, удаленія изъ Малороссіи наиболѣе вольнолюбиваго элемента, разочарованнаго въ своихъ ожиданіяхъ.

По словамъ изслѣдователя исторіи „Кубанскаго козачьяго войска", г. Фелицына, „главную массу переселенческаго люда дало Черноморіи само правительство...—съ 1820 г. по 1825 г. вновь прибыло изъ полтавской и черниговской губерній 25627 душъ мужескаго и 22755 душъ женскаго пола" [3]).

„Указомъ отъ 18 декабря 1823 года было повелѣно взимать оброчный окладъ съ малороссійскихъ козаковъ наравнѣ съ казенными поселянами, „въ однѣхъ съ ними губерніяхъ обита-

---

[1]) П. С. З. № 28021.

[2]) П. С. З. № 28241.

[3]) Фелицынъ, l. c., стр. 59.

ющими“ [1]), т. е. въ возвышенномъ размѣрѣ, но 18 марта 1827 года послѣдовалъ указъ на имя министра финансовъ о сложеніи этой подати [2]).

Обѣщанное коренное образованіе внутренняго строя малороссійскихъ козаковъ, быть можетъ, вслѣдствіе своей относительной сложности, не приводилось въ исполненіе, хотя видимо озабочивало высшія правительственныя сферы, благопріятно до нѣкоторой степени настроенныя по отношенію къ козакамъ. 23 ноября 1828 г. было повелѣно, „для прегражденія дальнѣйшей распродажи малороссійскихъ козачьихъ земель, оную воспретить, впредь до рѣшенія о семъ дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ“ [3]).

Замедленіе въ разрѣшеніи вопроса о правахъ и обязанностяхъ малороссійскихъ козаковъ происходило, вѣроятно, отъ различія взглядовъ на этотъ вопросъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, обсужденію которыхъ онъ былъ порученъ. Это видно изъ слѣдующаго мѣста изъ „записки“ князя Н. Г. Репнина:

„Права собственности малороссійскихъ козаковъ, касательно земель ихъ, совершенно ограждены были высочайшимъ утвержденіемъ 14 апрѣля 1823 года мнѣнія государственнаго совѣта, что земли малороссійскихъ козаковъ не зависятъ отъ управленія министерства финансовъ и принадлежатъ либо козакамъ собственно, на правѣ дворянскомъ, либо обществамъ ихъ, не имѣютъ сходства съ землями, у казенныхъ крестьянъ во владѣніи состоящими, которыми завѣдываютъ казенныя палаты. Почему на будущее время постановить правиломъ, чтобы дѣла по землямъ малороссійскихъ козаковъ, ежели со стороны казны нѣтъ къ нимъ притязанія, не были отсылаемы ни въ казенныя палаты, ни къ министру финансовъ на заключеніе. Но пять дней послѣ сего положительнаго закона, а именно—19 апрѣля 1823 года, бывшій г. министръ финансовъ сообщилъ г. министру юстиціи заключеніе свое, въ коемъ предлагаетъ правила, совершенно оному противныя, и, оспаривая малороссійскаго военнаго губернатора, наводитъ даже на него прибавленіе словъ, якобы

[1]) П. С. З. № 29696.
[2]) П. С. З. № 970.
[3]) П. С. З. № 2447

не существовавшихъ въ грамотахъ, добавляя, что не въ желаніи козаковъ сбывать земли, но въ другихъ и побочныхъ обстоятельствахъ должно искать причинъ, по которымъ въ разныя времена представляемо было объ отмѣнѣ законовъ, воспрещавшихъ козакамъ продавать оныя. Личность не должна существовать въ преніяхъ между людьми, состязующимися о государственномъ дѣлѣ, слѣдовательно, малороссійскій военный губернаторъ умолчалъ бы противъ укоризны, дѣлаемой графомъ Гурьевымъ не ему одному, но, вмѣстѣ съ нимъ, знаменитому Богдану Хмельницкому и его преемникамъ въ гетманствѣ, такъ же канцлеру князю Безбородку и бывшимъ генералъ-губернаторамъ Малороссіи, графу П. А. Румянцову-Задунайскому и князю А. Б. Куракину. Но какъ дѣлу сему данъ вновь ходъ министромъ финансовъ, поддерживающимъ заключенія своего предмѣстника, то малороссійскій военный губернаторъ и поставляетъ обязанностью своею, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, дабы, при разрѣшеніи дѣла сего, изслѣдованы были обстоятельно права, козакамъ принадлежащія, представить на благоуваженіе высшаго правительства всѣ тѣ основанія, на коихъ онъ утверждаетъ мнѣніе свое о безограниченности правъ собственности малороссійскихъ козаковъ, для чего съ прискорбіемъ вынужденъ будетъ иногда оспаривать и личныя заключенія графа Гурьева.

Права козаковъ основываются: 1) на первоначальномъ заселеніи, 2) на узаконеніяхъ и привилегіяхъ польскихъ, 3) на присоединеніи ихъ къ прежнему отечеству и на грамотахъ и узаконеніяхъ россійскихъ государей“ [1]).

Въ князѣ Н. Г. Репнинѣ малороссійскіе козаки имѣли горячаго защитника ихъ правъ, что особенно рельефно проявляется въ ближайшій періодъ ихъ исторіи, начала 30-хъ годовъ.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. II, стр. 90 сл.

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

(1862 годъ).

I. Временнообязанные.

а) въ Церкви.

Первое мое знакомство съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ мѣстечка Б., послѣ достопамятной крестьянской реформы 1861 года, началось въ церкви. По случаю праздника, народу собралось тысячи полторы. По обѣимъ сторонамъ амвона стояли почетнѣйшіе старики съ зажженными свѣчами—обычай, уцѣлѣвшій съ того времени, когда при православныхъ приходахъ Украины существовали братства и братчики. Зажигаются эти свѣчи обыкновенно при чтеніи евангелія. Кругомъ аналоя тѣснились старыя женщины и, склонивъ благоговѣйно головы предъ діакономъ, внимали божественнымъ словесамъ Утѣшителя страждущихъ: „пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы“...

По окончаніи чтенія, діаконъ предлагалъ этимъ набожнымъ женамъ цѣловать святыя слова, причемъ каждая изъ нихъ клала на евангеліе мѣдную монету въ пользу чтеца—обычай, какъ видно, тоже давній, быть можетъ, современный уніи, но нисколько незаслуживающій того, чтобы его поддерживать, а тѣмъ болѣе видѣть въ немъ образецъ стариннаго благочестія.

Между народомъ постоянно копошились и шныряли, какъ перепелки въ житѣ, мальчуганы, которымъ никакъ не стоялось

на одномъ мѣстѣ. Тамъ и сямъ блестѣли бѣлыя пуговицы ливрейной дворни мѣстнаго магната, зеленѣли охотничьи кафтаны псарей—костюмы, далеко не гармонировавшіе съ общимъ фономъ картинной группы поселянъ-хлѣборобовъ.

Другую половину церкви, къ выходу, занимали преимущественно женщины. У меня въ глазахъ зарябило, когда я въ первый разъ окинулъ взглядомъ эту разряженную массу народа. Словно въ огородѣ, густо засѣянномъ макомъ, билъ въ глаза красный цвѣтъ, преимущественно любимый нашими украинками. Не только пояса и коралы, но и сподницы, и корсеты, и чоботы у нѣкоторыхъ были червоные. Впрочемъ, рѣдкая щеголиха сохранила настоящій малороссійскій уборъ: все какъ то безвкусно, пестро, если брать каждую порознь, но ensemble былъ великолѣпный.

Доморощенный хоръ довольно сносенъ. Составился онъ изъ крестьянъ, благодаря усердію страстнаго любителя церковнаго пѣнія Салгана, пользующагося за то большимъ почетомъ у своей громады. Это едва-ли не единственный человѣкъ во всемъ мѣстечкѣ, не поддавшійся крѣпостному гнету—смѣлый, бойкій, оборотливый. Никто лучше его не прочтетъ апостола: гортань могучая, слова выговариваетъ ясно, выразно, заканчиваетъ чтеніе эфектнѣе самаго діакона. Главное его занятіе—шорное ремесло, хотя онъ не брезгаетъ и другими промыслами, лишь бы зашибить лишнюю копѣйку. Учась своему мастерству въ Кіевѣ, онъ часто бывалъ въ Братскомъ и Михайловскомъ, до страсти любя пѣніе. Не зная нотъ, онъ удачно управлялъ своей маленькой капеллой, выполняя довольно сносно даже концерты. Мнѣ тутъ же разсказали, что здѣшній благочинный, отецъ Иванъ, въ ожиданіи архіерейскаго пріѣзда, хотѣлъ устроить хоръ изъ своихъ школьниковъ; но такъ какъ до прибытія преосвященнаго оставалось всего три недѣли, то изъ этой затѣи ничего и не вышло. Импровизированный хоръ, съ помощію священника, дьячка и учителя-семинариста, съумѣлъ пропѣть лишь „Царю Небесный“, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Всю свою досаду на то, что не удалось отличиться передъ Владыкой, отецъ Иванъ выместилъ на почтенномъ Салганѣ, запретивъ ему пѣть съ своими мальчиками

и согнавъ его всенародно съ клироса, произнося во всеуслышаніе: пошовъ вонъ!

Странно, подумалъ я, въ такомъ святомъ мѣстѣ, гдѣ грубая сила произвола не должна бы, казалось, имѣть мѣста, самолюбіе руководитъ дѣйствіями людей, на которыхъ преимущественно лежитъ обязанность внушать народу миръ, смиреніе, слѣдуя божественнымъ словамъ апостола: любы не завидитъ, не превозносится, любы долготерпитъ.

Вообще объ отцѣ благочинномъ, какъ въ народѣ, такъ и между подчиненными ему священниками, ходитъ нехорошая молва. Разъ, говорятъ, въ одинъ воскресный день случилось ему вѣнчать три пары разомъ. Народу собралось множество—и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ и молодыхъ. Первая свѣтилка одной пары, прехорошенькая дивчина, дерзнула сорвать вѣтку сирени въ палисадникѣ, окружающемъ церковь. Вдругъ откуда ни взялись дьячокъ съ понамаремъ, схватили преступницу въ охапку и потащили прямо въ церковь на расправу къ отцу протоіерею. Представляю положеніе бѣдной дѣвушки, которой и не снилось въ такой радостный для нея день испытать такое огорченіе при собраніи знакомыхъ, подругъ и парубковъ, между которыми находился, вѣроятно, и женихъ ея. Притянувши предъ лицо суроваго блюстителя чистоты нравовъ рыдающую отъ стыда дѣвушку, причетники представили улику похищенія—вѣточку сирени. Не уважая дѣвической стыдливости, благочинный началъ ее публично срамить и тутъ же велѣлъ положить сто поклоновъ.

Не думаю, чтобы эта возмутительная сцена доказала народу заботливость пастыря объ исправленіи пасомыхъ.

Едва лишь пономарь успѣлъ поставить предъ царскими вратами аналой, какъ вся сплошная масса народу заколыхалась, и *лавою* посунула впередъ. Вышелъ изъ алтаря съ тетрадкой благочинный. На лицахъ выразилось желаніе воспріять душеспасительное поученіе изъ устъ своего пастыря. Во все продолженіе довольно длинной проповѣди въ слушателяхъ замѣтно было сильное напряженіе неразвитаго ума—схватить мысль, понять слово, уразумѣть смыслъ поученія. Но, увы! для большинства этихъ „благочестивыхъ слушателей“ всѣ усилія къ тому оста-

лись тщетными. Не говоря уже о томъ, что отвлеченное содержаніе проповѣди было совершенно недоступно пониманію простолюдина, самое то содержаніе облечено было въ такую затѣйливую форму, передано такимъ искусственнымъ языкомъ, что, не обинуясь, можно сказать: проповѣдь эта была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ... Какъ ни усиливался проповѣдникъ сдѣлать свое слово общедоступнымъ „и посмотримъ, и разсмотримъ, и вникнемъ, и размыслимъ, и съ одной стороны, и съ другой стороны"—ничто не помогло. Памятна мнѣ одна проповѣдь о мироносицахъ женахъ, умастившихъ честную главу Спасителя благовонными „ароматами".

Какъ началъ батюшка упражняться въ риторскихъ изворотахъ предъ темнымъ людомъ своей паствы по поводу сихъ „ароматовъ", то мнѣ стало даже смѣшно, и я скромно опустилъ глаза, чтобъ не сдѣлать соблазну для „малыхъ сихъ". „И потекли ароматы добрыхъ дѣлъ, и потекутъ ароматы добрыхъ дѣлъ".

— Прочитавъ батюшка щось по письменному—мабудь дуже розумне, але Богъ его святый знае що воно и до чого? говорили крестьяне, выходя изъ церкви.

„У священника есть своя святая школа, въ которой онъ можетъ всегда и всѣхъ, а не однихъ дѣтей, поучать всему доброму"—говоритъ одинъ духовный журналъ.

Золотая истина! что и говорить.

Дѣйствительно, помимо церковныхъ школъ, у каждаго священника есть въ рукахъ могучее средство вліять на жизнь своихъ прихожанъ: это великая народная школа-церковь, училище въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, училище вѣры и благочестія христіанскаго. Но, къ сожалѣнію, для большинства нашихъ пастырей всѣ обязанности въ отношеніи пасомыхъ ограничиваются однѣми лишь церковными требами. Если духовенство, обладая такимъ всемогущимъ средствомъ, сдѣлало мало въ пользу народной нравственности, будучи стѣсняемо до сихъ поръ крѣпостными отношеніями къ пасомымъ, то теперь, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, для дѣятельности его настало болѣе благопріятное время, оно могло бы сдѣлать много; но только не требами, не искусственными разглагольствованіями въ родѣ

сегодняшняго, а настоящимъ живымъ словомъ, которое бы имѣло жизненное значеніе, и только при такихъ условіяхъ „дастся имъ что возглаголати".

Вообще говоря, наше духовное витійство всегда было витійствомъ, т. е. всегда было далеко отъ жизни и станетъ благотворно вліять на массы лишь тогда, когда измѣнится вся система воспитанія въ нашихъ духовныхъ училищахъ. За исключеніемъ весьма немногихъ проповѣдей, обличающихъ дѣйствительно существующіе въ русскомъ народѣ пороки и заблужденія, большая часть этихъ поученій, словъ, бесѣдъ—богословскіе трактаты, перефразировка слышанныхъ когда-то въ семинаріи лекцій монаха-профессора, перетасовка текстовъ, или же собраніе поученій византійскихъ ораторовъ, громившихъ нѣкогда пороки развратной Византіи, не имѣющіе ничего общаго съ жизнію русскаго народа. А потому жизнь шла всегда своимъ чередомъ, а проповѣдь своимъ порядкомъ: ибо эти книжныя разсужденія, очевидно, не могли имѣть ни малѣйшаго примѣненія къ практической жизни, которая въ глуши нашихъ селъ отъ временъ Кирилла Туровскаго осталась неизмѣнною до позднѣйшаго времени.

Только проповѣдь, направленная противъ дѣйствительно существующихъ въ обществѣ пороковъ и сказанная при томъ языкомъ, доступнымъ этому обществу, вполнѣ удовлетворила бы своему высокому назначенію.

Никто не станетъ спорить, что катехизическія поученія въ видѣ простыхъ бесѣдъ, viva voce, для безграмотнаго нашего люду весьма необходимы; отвлеченныя же догматическія тонкости, въ которыя вдаются нѣкоторые изъ нашихъ сельскихъ пастырей, не приносятъ, конечно, ему ни малѣйшей пользы.

Едва ли также неизлишне для нашего украинскаго селянина истощать свое краснорѣчіе въ доказательствахъ истинности православія, а тѣмъ болѣе распространяться о безвѣріи. При всемъ наружномъ равнодушіи украинца къ религіи, всякій, кто жилъ съ народомъ, знаетъ, какъ глубоки его сердечныя убѣжденія въ святости и превосходствѣ *его* вѣры предъ всякою другою, не смотря на то, что католики обзываютъ ее „хлопскою

вярой, схизмой". Не въ шаткости религіозныхъ убѣжденій состоитъ главный недостатокъ нашего селянина: онъ доказалъ на дѣлѣ, какія жертвы способенъ принесть за свои убѣжденія, тѣмъ болѣе не для чего сельскому проповѣднику ополчаться во всеоружіе догматики и ратовать противъ безвѣрія.

У нашего простолюдина есть другія язвы (неизбѣжные плоды долговѣчнаго рабства), требующія немедленнаго врачеванія: непроходимое невѣжество и суевѣрія, закоренѣлая грубость нѣкоторыхъ вредныхъ обычаевъ и предразсудковъ, полное отсутствіе чувства человѣческаго достоинства и самоуваженія, обманъ, воровство, сквернословіе и наконецъ—повсемѣстное пьянство, самый капитальный порокъ нашего крестьянина. Онъ такъ глубоко пустилъ свои корни въ жизнь народную, что безъ водки немыслимъ ни одинъ праздникъ, ни одинъ обрядъ, случай просто. Ужасно, возмутительно, больно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и такъ вездѣ, по всѣмъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю...

Между тѣмъ это почти нетронутая почва для нашихъ проповѣдниковъ, продолжающихъ и до сего дне витать въ сферѣ отвлеченностей. Облеченные во всеоружіе учености, они остаются совершенно равнодушными зрителями глубокаго паденія въ народѣ добра и правды, или же преслѣдуютъ какія нибудь невинныя забавы и легкіе проступки, касающіеся одной лишь обрядовой стороны жизни, а корень зла внутренняго, оставаясь нетронутымъ, все глубже и глубже вростаетъ въ жизнь народную...

И день идѣ, и ничъ идѣ,
И, голову схопывши въ руки,
Дывуесся, чому не йдѣ
Апостолъ правды и науки? (Ш--ко)

И какъ плодотворна, какъ сильна бывала рѣчь того проповѣдника, который посвящалъ всю свою жизнь, всѣ данныя ему отъ Бога способности на искорененіе въ народѣ пороковъ

и заблужденій! Глашатай правды и любви божественной, онъ силенъ силою сверхъестественной, являющей міру чудеса: онъ говоритъ не отъ себя, а отъ лица церкви, не свое, а божественное. Слова его подобны грому небесному, предшествующему благотворному дождю, оплодотворяющему землю послѣ долгой засухи. Но не гремитъ громъ боговдохновенной проповѣди—и высыхаютъ въ жизни народа источники добрыхъ дѣлъ и царствуетъ повсюду студъ и запустѣніе...

„Приходское наше духовенство, говоритъ другой духовный журналъ, родилось и возросло среди народа, среди его живетъ и дѣйствуетъ, помогая ему дѣломъ и словомъ, дѣля часто съ нимъ нужду и горе".

Если авторъ означенной статьи считаетъ сельское наше духовенство весьма близкимъ къ народу только лишь потому, что оно живетъ вмѣстѣ съ нимъ въ селѣ, то этимъ вовсе не доказывается существованіе кровной связи между ними. Можно прожить иногда весь свой вѣкъ не только въ одномъ селеніи, но даже подъ одной кровлею съ людьми, съ которыми у насъ не бываетъ ничего общаго. Я разумѣю тутъ близость духовную, обусловливаемую общностью внутреннихъ интересовъ, симпатіею или отвращеніемъ къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ жизни и природы.

„Единственная, на огромныхъ пространствахъ захолустьевъ русскихъ, развитая личность, живущая жизнью селянина и сочувствующая его духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ—это священникъ", продолжаетъ авторъ той же статьи.

Но, да позволено мнѣ будетъ спросить: въ чемъ же выразилось это сочувствіе? Отчего наше сельское духовенство ни одной сколько нибудь серьезной статьей не заявило печатно о томъ, что его интересуетъ жизнь народная? Кому какъ не сельскому священнику всего ближе и удобнѣе изучать быть народа во всей его подробности, записать его поэтическія думы-пѣсни, историческія преданія, или просто замѣтить лингвистическія особенности данной мѣстности? Но мы не знаемъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго труда, ни одной пѣсни или преданія, которое бы было обнародовано священникомъ, тогда какъ

у другихъ славянскихъ племенъ духовенство стоитъ во главѣ литературнаго движенія, опирающагося главнымъ образомъ на изученіе памятниковъ народной словесности. Разительный примѣръ этому—наши соплеменники русины.

Особенно странно такое равнодушіе къ завѣтной старинѣ этихъ „развитыхъ личностей“ въ нашемъ южно-русскомъ краѣ, гдѣ каждый почти клочокъ земли ознаменованъ какимъ нибудь историческимъ событіемъ, каждое село имѣетъ свою исторію, свои преданія. Могилы, разбросанныя по степамъ-полямъ, и скалы, нависшія надъ Росью и Бугомъ, больше говорятъ о прошедшемъ, чѣмъ эти развитые люди, хвалящіеся близостью къ народу: понеже людіе молчатъ, каменіе вопити понудишася...

А виновато въ этомъ опять то же схоластическое образованіе нашихъ духовныхъ училищъ, которое ведетъ свое начало отъ основанія кіевской коллегіи. Не только теперь, когда уже давно затихли военныя бури, опустошавшія этотъ край, когда „былое заросло быліемъ, засыпано землей, нарочно вспаханной и засѣянной, чтобы скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ совершались событія“; но и въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда дѣйствительная жизнь сама, такъ сказать, просилась подъ перо,—и тогда наши кіевскіе грамотѣи писали на языкѣ, мало понятномъ для народа,—тогда какъ кругомъ ихъ народная поэзія била живымъ ключомъ, съ своимъ прекраснымъ языкомъ, съ глубокимъ чувствомъ, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, явленія современной жизни.

Эти народныя пѣсни, которыя въ XVIII столѣтіи, блаженной памяти, Василій Кириловичъ Тредьяковскій честилъ названіемъ *подлой* словесности, этотъ поэтическій языкъ, который и въ наши дни подобные же схоластики, за одно съ поляками, обзываютъ *мужицкимъ*—для нашего духовенства всегда были чужды. До такой степени воспитаніе, чуждое народному духу и жизни, вселяющее даже иногда презрѣніе къ народу,—разобщило пастырей съ пасомыми!

Нечего послѣ этого и говорить о народности въ проповѣдяхъ нашихъ сельскихъ священниковъ.

Во второе свое путешествіе по Европѣ въ 1716 году, Петръ I завернулъ въ любимую имъ Голландію. Тамъ встрѣтили его торжественною рѣчью. Ораторъ говорилъ высокопарнѣйшимъ слогомъ.

„Благодарю васъ, отвѣчалъ ему Петръ, но я васъ не понялъ. Я выучился голландскому языку, строя карабли въ Амстердамѣ, вашего же языка я не понимаю".

Въ такомъ именно отношеніи находится языкъ нашихъ духовныхъ рѣчей къ разговорному русскому языку: это языкъ семинарскихъ задачъ на извѣстный текстъ или тему. Какъ же поймете необразованный человѣкъ поученіе, написанное такимъ высокимъ слогомъ, полуславянскимъ, полурусскимъ языкомъ, читаемое обыкновенно по тетрадкѣ или по книгѣ безъ всякой выразительности, монотонно и скоро?

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ привести здѣсь одно мѣсто изъ лучшаго нашего духовнаго журнала о томъ, какова должна быть современная проповѣдь.

„Теперь ничего не сдѣлаешь съ обществомъ одними благочестивыми размышленіями, назидательными мыслями, подборкою текстовъ и изреченій св. отцовъ; теперь дѣйствовать на общество языкомъ обыкновенныхъ проповѣдей—значитъ по-пусту терять время. Современный богословъ долженъ подняться на разумную высоту и отсюда показать во всемъ блескѣ всеобщія истины, тогда передъ нимъ преклонился бы и палъ ницъ всякій. Чтобы пробудить отъ сна эту безчувственную толпу, нужно, кромѣ сочиненій такого рода, *дѣйствовать на нее примѣрами*: поразительными дѣйствіями самоотверженія, благочестія, любви, подвижничества. Вотъ какими проповѣдями можно только возбудить отъ сна уснувшее и разслабленное современное общество" (Православн. Обозрѣніе № 1. 1868 г.).

b) Въ волости.

Въ тотъ же самый день, послѣ обѣда, въ волостномъ управленіи была мірская сходка. Не помню, въ какомъ номерѣ

„Современной лѣтописи“ я читалъ статью, направленную противъ самоуправленія крестьянъ. Авторъ этой статьи изображаетъ народныя собранія, самыми мрачными красками: шумъ, крикъ, пьянство и чуть ли не драки составляютъ, по его словамъ, всегдашнія явленія мірскихъ сходокъ. Можетъ статься, авторъ гдѣ нибудь и видѣлъ такое безобразіе, но что касается описываемой мною мѣстности, то, сколько мнѣ извѣстно, на громадскихъ радахъ не случается ничего подобнаго. Я намѣренъ, со словъ достовѣрнаго очевидца, описать одну изъ такихъ радъ, въ которой было около ста человѣкъ громады и которая продолжалась отъ 12 часовъ до 6 вечера, спокойно, чинно, съ удивительнымъ терпѣніемъ и сдержанностью. Какъ хотите, а пробыть около шести чаловъ на ногахъ, въ духотѣ и непривычномъ для крестьянина умственномъ напряженіи,—это подвигъ не малый, который не всегда бываетъ подъ силу любому коллегіальному собранію.

Предметомъ громадскихъ рѣшеній были на этотъ разъ весьма серьезные вопросы: уложеніе сообща оброчныхъ цѣнъ, раскладка недоимочныхъ денегъ на всю волость, избраніе нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, постройка новаго дома для школы и т. п. Въ небольшой комнатѣ собралась вся эта масса народа; нѣкоторые стояли въ сѣняхъ за недостаткомъ мѣста.

Большинство громады состояло изъ сивоголовыхъ уважаемыхъ всѣми стариковъ; остальные—люди среднихъ лѣтъ; очень молодыхъ не было вовсе.

Волостной старшина обыкновенно предлагаетъ на разсужденіе одинъ изъ очередныхъ вопросовъ, и съ словами: „якъ громада разсудять?“ уходилъ въ другую комнату, на другую половину дома, черезъ сѣни, гдѣ сидѣлъ съ подобающею важностію, съ перомъ за ухомъ, волостной писарь, всегда готовый къ услугамъ. Собраніе разбивалось на отдѣльныя группы, человѣкъ по 10 и по 15, и начиналось обсужденіе предложеннаго вопроса. Одни оставались въ комнатѣ, другіе выходили на дворъ. Минутъ черезъ 15—20 кучки эти начинали соединяться, и, послѣ непродолжительныхъ споровъ, наконецъ соглашались въ чемъ нибудь одномъ.

— А зовить волостного!—отзывалось нѣсколько голосовъ.

Входитъ волостной, въ сопровожденіи писаря. Выработанное громадой мнѣніе формулируется писаремъ, записывается въ протоколъ и перечитывается во всеуслышаніе. Несогласный съ мнѣніемъ большинства имѣлъ право протестовать. Онъ обыкновенно выходилъ впередъ и, при общемъ молчаніи присутствующихъ, высказывалъ свое мнѣніе.

Не всѣ, впрочемъ, вопросы вотировалъ старшина; иногда предлагалъ ихъ кто нибудь изъ громадянъ; ему возражалъ другой, этому третій и т. д. Диспуты велись съ замѣчательнымъ тактомъ· говорилъ всегда одинъ. Если поднятый такимъ образомъ вопросъ лицомъ, не принадлежащимъ къ волостной администраціи, былъ, по мнѣнію громады, очень важнаго свойства, то для обсужденія его все собраніе требовало больше времени. Опять разбивались на кучки, опять старшина уходилъ и опять возвращался съ писаремъ, по зову громады, и приговоръ записывался въ журналъ.

Въ такомъ порядкѣ происходили громадскія совѣщанія до самаго конца сходки. Ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ Современная лѣтопись на ней не случилось. Лучшимъ опроверженіемъ того обличенія, что на мірскихъ сходкахъ крестьяне только пьянствуютъ, можетъ служить слѣдующій фактъ:

Около 4 часовъ въ волостное правленіе пришелъ крестьянинъ, порядкомъ подвыпившій; но едва онъ открылъ ротъ, чтобы и себѣ сказать что нибудь, какъ по всему собранію пробѣжалъ ропотъ.

— Куды ты прыйшовъ?—накинулся на него волостной:— чи ты забувъ, що то за мисто и для чого мы сюды попрыходылы? Геть видсиль, ледащо! Колы зайшовъ першъ до шинку, то й седивъ бы тамъ, пьянюго!

И неприличный господинъ тотчать отведенъ былъ въ холодную—проспаться.

c) На улицѣ.

Посмотримъ теперь, какъ проводятъ праздничный день молодые парни и дивчата, въ то время какъ старики заняты такою серьезною работой. Справедливо говоритъ польская пословица: Jak kto się bawi, tak się o nim prawi.

Дѣйствительно, народныя увеселенія и забавы могутъ дать довольно вѣрное понятіе о вкусахъ и наклонностяхъ народонаселенія данной мѣстности; по нимъ можно отчасти судить о степени его умственнаго и нравственнаго развитія. День былъ чудесный. Вышедши послѣ обѣда на улицу, съ цѣлію сдѣлать обычную свою прогулку, я увидѣлъ множество молодежи, въ красныхъ и зеленыхъ поясахъ, въ червоныхъ и желтыхъ чоботахъ. Все куда-то спѣшило. Пошелъ и я вслѣдъ за ними. Повернувши въ бердичевскую улицу, я услыхалъ пронзительный визгъ скрипки и глухой гулъ бубна. Направо и налѣво, во все протяженіе улицы, на ставняхъ еврейскихъ домовъ, на столбикахъ, подпирающихъ навѣсы при входѣ въ дома своеобразной архитектуры, привѣшены небольшія вывѣски, на которыхъ, по чорному фону, намалевано бѣлилами подобіе графина, чарки и жестянаго крючка съ ручкою—извѣстная порція горѣлки. Подъ этими незатѣйливыми фирмами пріютились тѣ многочисленныя питейныя заведенія, къ которымъ такъ нетерпѣливо спѣшили разряженные парубки и дивчата. Это называется у нихъ—„пійты на музыку“. Любопытство увлекло меня подойти ближе къ одному изъ такихъ домовъ. Сквозь растворенныя настежь двери я увидѣлъ такую картину: въ углу на скамейкѣ сидѣли два музыканта; одноглазый скрипачъ немилосердно пилилъ на своемъ разбитомъ инструментѣ съ пеньковыми струнами, а товарищъ его съ неменьшимъ усердіемъ ударялъ въ бубенъ деревяннымъ пестомъ, совершенно заглушая говоръ публики, которая представляла не мало разнообразія. Тутъ были дивчата, грызущія сѣмячко, подгулявшіе парни, лакеи въ красныхъ жилетахъ, и наконецъ солдаты—эти цивилизаторы нашего сельскаго люду, исконные враги доброй славы нашихъ неразумныхъ дивчатъ. Духота была невыносимая: паръ клубился изъ дверей, какъ изъ бани. Посреди густой толпы оставалось пространства не болѣе двухъ квадратныхъ аршинъ, гдѣ почти на одномъ мѣстѣ мѣсили ногами раскраснѣвшіяся дѣвушки, а потъ катился съ нихъ градомъ.

Въ противоположномъ углу комнаты, подъ гудѣнье бубна „севастопольскій герой жужжалъ въ уши здоровой и уже не

первой молодости покрыткѣ свои армейскія любезности, суя ей въ руку стаканъ съ водкой. Другой солдатикъ любовался на эту парочку, самодовольно улыбаясь и какъ бы желая тѣмъ сказать, „ай да наши—кого не надуютъ?“. Тутъ же подлѣ нихъ, пьяный лакей въ ливрейномъ сюртукѣ, съ металлическими пуговицами, крутилъ замасляную папироску.

Такихъ увеселительныхъ заведеній съ музыкой на одной бердичевской улицѣ было болѣе десятка, и всѣ они были биткомъ набиты. Въ другихъ шинкахъ—безъ музыки, засѣдали старики съ женами и чинно, тихо пропивали послѣдній грошъ, праздника ради.

Кабакъ и школа!? Вотъ два противоположные полюса народной жизни, двѣ крайнія грани, опредѣляющія разстояніе отъ человѣка до скота, два исходные пункта народныхъ бѣдствій и благосостоянія, грубости и цивилизаціи, тупоумія и развитія, нищеты и довольства, разврата и доброй нравственности.

Хотя эти двѣ крайности уживаются въ нашемъ мѣстечкѣ, но онѣ не укладываются въ моей головѣ. По моему, одно изъ двухъ: или школа и проповѣдь, съ ихъ благотворнымъ вліяніемъ на народную нравственность, или кабакъ и распутство.

Если церковныя школы, существующія въ такомъ большомъ количествѣ въ нашей губерніи, безсильны для того, чтобы создать новое, лучшее поколѣніе и поднять уровень умственнаго развитія въ народѣ, то ихъ нужно принаровить къ вопіющимъ потребностямъ новаго положенія крестьянъ, сдѣлавъ въ нихъ необходимыя улучшенія. Если проповѣди нашихъ сельскихъ пастырей, подобныя той, о которой мы говорили выше, безплодны для жизни, не въ состояніи подѣйствовать на нравственность крестьянъ, то слѣдуетъ измѣнить всю систему нашего духовнаго краснорѣчія: намъ нужны не риторы, витающіе въ сферѣ умозрѣній, а живые общественные дѣятели, готовые до самоотверженія дѣломъ и словомъ служить народному благу.

д) Малярка.

Извѣстную всему нашему околотку Малярку скорѣе всего можно увидѣть въ церкви. Она не пропускаетъ ни одного бого-

служенія. Обычное ея мѣсто съ лѣвой стороны, противъ иконы святителя Николая. Стоитъ она въ церкви весьма неспокойно: то, оборотившись, дѣлаетъ замѣчанія стоящимъ подлѣ нея людямъ, то, припавши къ холодному полу лицомъ, стонетъ и плачетъ, то начинаетъ смѣяться истерическимъ смѣхомъ, то вдругъ, поднявшись, начинаетъ воевать съ мальчуганами, умышленно напиравшими на нее толпу,—это злѣйшіе и всегдашніе враги ея. Послѣ каждаго священнодѣйствія, какъ напр. послѣ эктеніи, апостола, евангелія и т. д., она подходитъ къ намѣстнымъ образамъ съ комически-набожной миной, и, приложившись, возвращается на свое обычное мѣсто. Наконецъ, послѣ херувимской пѣсни, какъ только запоютъ „яко да царя", приложившись въ послѣдній разъ, она оставляетъ свое мѣсто и начинаетъ хожденіе по церкви, продолжая его до окончанія обѣдни, если раньше ее не выведутъ за двери...

Благодаря своему высокому росту, она издали замѣчаетъ всякаго, съ кѣмъ ей нужно поговорить и никто не скроется отъ ея назойливости.

Долго я не могъ уяснить себѣ цѣли этого безпокойнаго хожденія по церкви, пока наконецъ не удалось мнѣ узнать нѣкоторыя подробности, бросившія свѣтъ на эту загадочную личность.

Два года тому назадъ умеръ у нея мужъ, смирный, работящій человѣкъ, маляръ—самоучка; не докончивъ заказаннаго ему образа св. Николая, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. Не на что было даже похоронить его: какъ жилъ бѣднякомъ, такъ и умеръ. Ходила бѣдная вдова къ асновельможному пану просить на погребеніе, передъ самымъ отъѣздомъ его за границу—ничего не далъ. „Я, сказалъ, нуждаюсь и самъ въ деньгахъ". Спасибо, хоть громада не оказала: кое какъ похоронили. Малыхъ дѣтокъ забрала къ себѣ старшая дочь. Осталась малярка одна одинешенька „якъ палецъ".

Это семейное горе, внезапно разразившееся надъ бѣдняками, до того потрясло впечатлительную душу малярки, что она „тронулась ума". Такъ какъ время смерти ея мужа совпало съ тревожнымъ ожиданіемъ крестьянами воли, которая была

единственнымъ предметомъ разговоровъ въ каждой семьѣ, въ каждой сходкѣ, встрѣчѣ на улицѣ, то слѣды этого тревожнаго состоянія остались навсегда въ душѣ бѣдной малярки: и черезъ два года не перестаетъ она повторять то, о чемъ говорилось въ послѣдній день ея здороваго состоянія, да еще съ прибавкою того, о чемъ, конечно, и не снилось никогда крѣпостнымъ хлопамъ, напр. что ясновельможный женится на ней непремѣнно какъ на вольной, имѣющей право выйти за кого ей угодно, „нія-кого биса не пытаючись".

И началась для бѣдной малярки жалкая, скитальническая жизнь посреди народа, и гуляетъ она себѣ на свободѣ, не зная никакого стѣсненія, переходя изъ дома въ домъ, питаясь подаяніемъ. Дождь ли идетъ, буря ли на дворѣ свирѣпствуетъ—ей все нипочемъ. Ходитъ себѣ по мѣстечку, никому ни на что не жалуясь, „ніякому бису" не кланяясь. Всѣ ее знаютъ и всякій хозяинъ готовъ зазвать ее до хаты, да не ко всякому она пойдетъ съ охотой. Добрые люди никогда ни въ чемъ ей не отказываютъ—ни въ обѣдѣ, ни въ ночлегѣ.

Чѣмъ же отплачиваетъ она имъ за такое радушное гостепріимство? Не ласкательствомъ, не раболѣпнымъ приниженіемъ своей личности, чѣмъ обыкновенно отличаются свѣтскіе паразиты, увивающіеся около знатныхъ своихъ патроновъ; нѣтъ, не этимъ заслужила малярка право сидѣть за чужимъ столомъ, имѣть пріютъ подъ чужою кровлею, а неумолимымъ преслѣдованіемъ разныхъ странностей и пороковъ тѣхъ самыхъ людей, которые такъ охотно раздѣляютъ съ ней заработанный кусокъ хлѣба и свое тѣсное помѣщеніе.

Бродя цѣлый день по мѣстечку изъ дома въ домъ, она видитъ и слышитъ многое такое, что ей не нравится и чего она никакъ не можетъ простить даже такимъ сильнымъ міра, какъ становой и благочинный. Дождавшись воскресенья, или праздника, она всенародно изобличаетъ всякаго, за кѣмъ замѣчено ею что нибудь нехорошее. Тутъ она никого не позабудетъ. Мужъ, подъ пьяную руку побившій жинку, мать, которая не держитъ „добре" въ рукахъ свою дочку, позволяя ей вѣшаться на шею парубкамъ; дивчина, пришедшая поздно домой изъ му-

зыки; богатырь-хозяинъ, обижающій бѣдняка сосѣда, ледащо-парубокъ, забывшая стыдъ молодыця, письмоводитель пристава, взявшій съ бѣдняка два карбованци за правое дѣло его съ жидомъ, лакей, трескающій въ постъ скоромное—никто не избѣжитъ ѣдкой сатиры неумолимой, неподкупной малярки: всѣмъ достанется по заслугамъ!

Въ лѣтнее время, передъ началомъ обѣдни, когда батюшка правитъ акафисты, или во время самаго служенія, когда въ церкви бываетъ очень душно,—на церковномъ дворѣ усядутся разряженныя и „заквитчанные" дивчата. И вотъ оживленная бесѣда польется неудержимымъ потокомъ: смишки, жарты, щебетанье. Но едва только изъ-за церкви покажется длинная фигура малярки—въ одно мгновеніе все замолкнетъ. Такъ умолкаетъ веселое чириканье воробьевъ, въ ясный веселый день усѣвшихся на солнышкѣ, когда внезапно промелькнутъ надъ ними изъ-за клуни свистящія крылья хищнаго кобчика. Тихо обходя длинные ряды испуганныхъ дѣвушекъ, малярка пристально вглядывается въ ихъ лица, осматриваетъ ихъ наряды, и горе той, которая въ чемъ нибудь провинилась: не проститъ малярка ни за что въ свѣтѣ. Не спасутъ ее ни пышные „корали", ни чорныя брови, ни богатое убранство: осрамитъ бѣдняжку на вѣки!

И такъ, почетная роль блюстителя народной нравственности выпала на долю *помѣшанной!...*

II. Паны, жиды и хлопы.

„Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состояніямъ, поставилъ ихъ на извѣстныхъ степеняхъ, и васъ, подданные, создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего равнаго прочимъ, кромѣ души. Каждый вѣрующій въ Бога христіанинъ Его святую волю долженъ принимать съ покорностію. Повинности свои вы должны были всосать съ молокомъ матернимъ, т. е. *вѣрность панамъ и вѣчное подданство владѣльцамъ*".

(Изъ универсала Стемпковскаго къ крестьянамъ украинскимъ 1768 г.).

Не разъ я самъ задавалъ себѣ вопросъ: отчего въ такой благодатной странѣ, при благорастворенiи воздуховъ и изобилiи

плодовъ земныхъ, крестьянинъ нашъ такъ бѣденъ и такъ неразвитъ? За разрѣшеніемъ этого вопроса, конечно, слѣдовало бы обратиться къ историческимъ судьбамъ нашего богатаго края и нашего бѣднаго народа, но къ чему, подумалъ я, вспоминать ужасную быль про далекое прошедшее и вызывать къ отвѣту изъ могилъ давно осужденныя исторіей тѣни виновниковъ настоящихъ бѣдствій народныхъ? Зачѣмъ „противъ ночи згадувать“ эти страшныя имена? Requiescant in pace!...

И такъ, оставивъ въ покоѣ предковъ, займемся на сей разъ ихъ потомками и ихъ здравствующими и разъѣзжающими по Украйнѣ „цугомъ зъ бича“. Бѣденъ всегда былъ нашъ крестьянинъ потому, что былъ богатъ панъ, былъ богатъ жидъ, неразвитъ потому, что тотъ, на кого онъ работалъ въ потѣ лица, ничего для него не дѣлалъ.

Какъ бы въ оправданіе беззаконнаго универсала Стемпковскаго, англичанинъ Стефенсъ провозгласилъ философскій законъ, въ силу котораго „крестьянское сословіе отличается отъ дворянскаго тѣмъ, что крестьянинъ получилъ отъ природы право труда безъ наслажденія, а дворянинъ право наслажденія безъ труда“. Ну, и пусть бы ихъ въ свое удовольствіе наслаждались жизнію настоящіе, что называется, магнаты, породистые тузы, которымъ, по ученію отцовъ іезуитовъ, самъ Богъ велѣлъ жить трудами хлоповъ. Но эта бродячая шляхта, не имѣющая постоянной осѣдлости и наслѣдственныхъ правъ на землю, эти выходцы изъ невѣдомыхъ народу странъ—зачѣмъ они-то пользуются въ нашемъ юго-западномъ краѣ одинакими привилегіями съ помѣщиками? Получая отъ владѣльца имѣніемъ какихъ нибудь стодвѣсти рублей годового жалованья, съ прибавкою „ординаріи“, господа эти проживали во время—бно тысячи, выжимая изъ народа послѣдній сокъ и платя ему за то глубочайшимъ презрѣніемъ. Отъ разныхъ поручаемыхъ имъ оффицій, они именуются официалистами. Казалось бы, что эти люди не должны имѣть другого назначенія, кромѣ народнаго благосостоянія, что не народъ существуетъ для этихъ единицъ, а единицы для блага народнаго; но на дѣлѣ выходитъ, что народъ становится не цѣлію,

а средствомъ, орудіемъ, рабочею силою, движимой по прихоти немногихъ личностей къ ихъ собственному обогащенію.

Высочайшій манифестъ 19 февраля положилъ конецъ этимъ неправдамъ. Народу предоставлено право самоуправленія: онъ самъ, въ лицѣ своей громады, принялъ на себя заботу устроять свое благосостояніе, и оно, слава Богу, хотя медленно, однако ѫъ замѣтно стало улучшаться. Экономы, ржондцы, управляющіе и тому под. чины скарбовой администраціи почувствовали себя лишними между народомъ, а съ выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ существованіе ихъ въ краѣ сдѣлается абсурдомъ.

— A co tam słychać?—спрашиваетъ одинъ шляхтичъ другого, встрѣтившись на улицѣ.

— Kiepśko, panie dobrodzieju, w Pińsku już swyni przy schablukach chodzą!—аллегорически отвѣчаетъ панъ, покачивая головою.

— Urwałosię nam wschystkim!—восклицаетъ разжирѣвшій на должности экономъ.

— Разорили насъ, ограбили!—кричатъ бывшіе душевладѣльцы.

— Чортъ знае що зробылы,—аккомпанируетъ имъ жидъ фурманъ, постегивая исхудалыхъ некормленныхъ клячъ своихъ,—людей у панивъ одибралы, повыдумувалы якись тамъ машины, що намъ биднымъ жидкамъ никого й возыть: уси йиздять Дниромъ да на машини. Нащо воны такъ зробылы, що вже никому на насъ йиздыть? Колысь и намъ було добре и панамъ було добре, а теперъ? Н—но!

Такъ расходятся интересы здѣшняго разнокалибернаго народонаселенія: панъ ропщетъ на то, что ему не на комъ ѣздить жидъ, напротивъ, жалѣетъ, что некому на немъ ѣздить, а крестьянинъ доволенъ, что на немъ не будутъ уже ѣздить ни паны, ни жиды.

Подобнаго рода сожалѣнія объ измѣнившемся порядкѣ вещей добраго стараго времени слышатся отовсюду съ той самой минуты, когда благодѣтельная крестьянская реформа пресѣкла

вѣковое зло, осчастливила милліоны вѣчныхъ труженниковъ, подорвавъ тунеядство гулящей шляхты и вѣрныхъ ея союзниковъ въ дѣлѣ эксплуатаціи—евреевъ.

Но... пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ, говоритъ пословица. Возрожденный къ новой жизни высочайшею волею государя здѣшній народъ далеко еще не высвободился, de facto, отъ зависимости поляковъ и жидовъ. Въ подтвержденіе этой истины, я приведу нѣсколько достовѣрныхъ фактовъ изъ жизни одного юго-западнаго мѣстечка.

Есть здѣсь большая мельница, приносящая, говорятъ, 10 тысячъ ежегоднаго доходу. Стоитъ она, правда, порядочныхъ денегъ: одна плотина черезъ рѣку обошлась (при крѣпостномъ трудѣ) около ста тысячъ. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: казалось бы, устройство такой мельницы, которая мелетъ круглый годъ—сущій кладъ для жителей, особенно лѣтомъ, во время засухи, когда высыхаютъ пруды и маленькіе притоки. Но въ такое именно критическое время жиды-арендаторы берутъ $^3/_4$ съ пуда за перемолъ, а смолоть .о больше негдѣ, потому что вѣтряковъ крестьянамъ строить не дозволено и они волей неволей должны везти жито на панскія мельницы, которыя всѣ находятся въ рукахъ евреевъ.

Но вотъ построилъ крестьянинъ-собственникъ собственный вѣтрячокъ. Боже мой, какой гвалтъ подняли жиды!... Казусное это дѣло „о постройкѣ мельницы крестьяниномъ Праведнымъ на помѣщичьей землѣ“, которое тянется около года, стоитъ того, чтобы разсказать о немъ подробнѣе.

Входя въ нужды своихъ собратовъ крестьянъ, и испытавъ неоднократно на собственномъ карманѣ весь вредъ эксплуатаціи и монополіи, П—й задумалъ, съ помощью сосѣдей, построить собственный млынъ. Такъ какъ доставшаяся на его долю усадьба находится въ долинѣ, а вѣтрякъ долженъ стоять на возвышенномъ мѣстѣ, то, не осмѣлившись самопроизвольно прихватить для своей будущей мельницы нѣсколько аршинъ смежной съ его огородомъ панской земли, онъ, по совѣту добрыхъ людей, началъ хлопотать у пана комисара о дозволеніи ему по-

ставить мельницу на избранномъ имъ мѣстѣ. Хожденіе по этому дѣлу къ вельможному пану протянулось нѣсколько мѣсяцевъ: то спитъ, то слабый, то въ лужку лѣже, то нима часу. Наконецъ какъ то просителю удалось поймать этого падишаха и выплакать у него „квитъ“ на постройку вѣтряка. Съ этимъ драгоцѣннымъ лоскуткомъ бумаги мой П—й, не чуя подъ ногами земли, бѣжитъ къ ржондцѣ, которому предписывалось осмотрѣть мѣстность и указать пунктъ, гдѣ должна стоять мельница. Проходивъ еще нѣсколько недѣль къ сему второму чину скарбовой іерархіи, наконецъ П—й, вмѣстѣ съ ржондцей, на его же ней тичанкѣ поѣхали кончать это хлопотливое дѣло. Ржондца самъ „рукою власною“ отмѣрялъ потребное количество земли и, пожелавъ П—му счастливаго успѣха въ его предпріятіи, уѣхалъ себѣ домой на своей нейтичанкѣ. Такъ какъ срубъ для вѣтряка давно уже былъ заготовленъ, то П—й въ нѣсколько дней и сложилъ его на указанномъ ржондцею мѣстѣ.

Между тѣмъ арендаторы панскихъ мельницъ, евреи, замѣтивъ такое небывалое въ нашемъ околодкѣ явленіе, чтобы хлопъ имѣлъ свой собственный млынъ, подняли страшный гармидеръ и подали пану-комисару формальный протестъ, заявивъ въ немъ, что постройкой мельницы нарушается заключенное съ экономіею условіе, въ силу котораго ни въ мѣстечкѣ, ни въ окрестностяхъ его не дозволялось никому ставить новыхъ мельницъ, сверхъ арендованныхъ, ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ. Вслѣдствіе такого заявленія, въ одно прекрасное утро, становой приставъ, получающій отъ экономіи жалованье сверхъ казеннаго, получилъ отъ управляющаго бумаги „о самопроизвольной постройкѣ крестьяниномъ собственникомъ П—нымъ вѣтряной мельницы на помѣщичьей землѣ“. Продержавъ у себя довольно долго эту бумагу, приставъ передалъ ее мировому посреднику, который, за неимѣніемъ у П—го письменнаго доказательства на позволеніе (квитъ остался у ржондцы), велѣлъ запечатать млынъ. Волостной старшина въ точности исполнилъ это распоряженіе и донесъ мировому, что онъ приложилъ печать „у самисеньку дирку“, куда входитъ ключъ отъ дверей мельницы. Но евреи не удовлетвори-

лись такимъ рѣшеніемъ и требовали, чтобы мельница совершенно была разобрана, на томъ основаніи, что будто бы П—й по ночамъ продолжаетъ молоть, пролѣзая въ мельницу изъ-подъ полу. Не успѣвши въ этомъ, они вошли съ П—нымъ въ переговоры, предлагая ему 150 руб. въ годъ аренды, увѣряя его, что только на такихъ условіяхъ мельница можетъ уцѣлѣть. П—й не согласился, въ ожиданіи скораго пріѣзда изъ-за границы самого ясновельможнаго.

И дождался. Но тутъ онъ встрѣтилъ такую бурю, „що лучше бъ и не ходыть до того палацу: и въ груди мене штовхавъ, и ногамы тупотивъ, разлютовався такъ, що Боже сохрани! Вы, каже, разбойники, бунтовныки, вы мене разорили, ограбили!...

Въ такомъ видѣ передалъ мнѣ всю эту исторію, въ присутствіи благочиннаго, самъ П—й и подтвердилъ свой разсказъ клятвою, которая можетъ замѣнить въ этомъ случаѣ присягу. Я ему совершенно вѣрю. Юридически, конечно, доказать истину своего показанія онъ не можетъ: отъ него потребуютъ письменнаго доказательства, а „квитъ“ комисара на постройку млына, единственный документъ его, остался, какъ сказано выше, у ржондцы, а ржондца говоритъ, что онъ никогда не получалъ такого квита, равно какъ и самъ комисаръ, съ своей стороны, утверждаетъ, что онъ никакого письменнаго разрѣшенія не давалъ. Поди ты, сладь съ ними, докажи правоту своего дѣла! Справедливо замѣтилъ Праведный, что „не мае правды, а ни у пана, а ни у жида“.

Стѣсненіе народной жизни, не смотря на манифестъ 19 февраля, простирается до того, что жителямъ мѣстечка негдѣ пасти скотину: выгонныя мѣста отведены имъ верстъ за десять, да и то скотъ приходитъ домой голодный. Не только пруды, но и рѣка были заарендованы евреями, такъ что бѣднымъ крестьянамъ приходилось очень плохо, особенно въ постные дни.

Право охоты до сихъ поръ остается за помѣщикомъ. У русскихъ чиновниковъ панскіе псярныки отнимаютъ ружья, а о крестьянахъ и говорить нечего: крестьянинъ въ своемъ соб-

ственномъ огородѣ не имѣетъ права застрѣлить грызуна-зайца или воровку-лисицу, а волки безнаказанно таскаютъ въ лѣсъ овецъ и свиней, а иногда среди бѣла дня, повалятъ и корову.

И всѣ эти бѣды переносятъ жители ради прихоти эгоиста-феодала, страстнаго охотника, который одинъ на сотни верстъ потѣшаетъ себя этой забавой—

И страждутъ озимы отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы...

Говорятъ, что на содержаніе псарни ассигновывалось въ былыя времена ежегодно до 25 тысячъ рублей. Въ ней помѣщалось до 500 собакъ „всѣхъ возможныхъ породъ и цвѣтовъ: и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, наводящихъ изумленіе крѣпостью чорныхъ мясовъ", какихъ, конечно, не бывало у самаго прощалыги Ноздрева. Между ними было полтораста штукъ чистокровныхъ англійскихъ. При псарнѣ содержалось 150 лошавей—верховыхъ и подъ фургоны для сѣтей, да столько же псарей и конюховъ. Это былъ настоящій собачій питомникъ—съ особыми столовыми, мраморными корытами, дортуарами, больницей и т. п.

Кромѣ того, при конюшнѣ масса породистыхъ лошадей, и теперь въ должности конюховъ состоитъ около 30 человѣкъ наѣздниковъ, да столько же собакъ, въ качествѣ лошадиныхъ тѣлохранителей. Эта челядь, незанятая весь день рѣшительно никакимъ дѣломъ, время, остающееся отъ сна, проводитъ подъ навѣсомъ конюшни, выходящимъ на площадь; тутъ же располагается и стая хортовъ. Для развлеченія конюхи травятъ крестьянскихъ свиней и проходящихъ мимо собакъ. Извѣстно, какъ много значитъ въ бѣдномъ крестьянскомъ хозяйствѣ годовалый кабанецъ: „не покуштовать въ великій праздникъ кабанятынки"—признакъ крайней нужды; это единственно доступное крестьянину лакомство „въ мъясныци". Между тѣмъ не разъ случалось, что панская челядь затравляла свиней, сопровождая визгъ осажденнаго со всѣхъ сторонъ животнаго громкимъ, неистовымъ хохотомъ.

Не далѣе какъ вчера, на площади валялась огромная свинья, разорванная панскими хортами. Стаи воронъ и бездомныхъ со-

бакъ терзали внутренности и волочили ихъ по пляцу, въ виду палаца—до самой становой квартиры.

Невольно подумаешь, что, потерявъ власть надъ крестьянами и лишившись на всегда права истязать людей, скарбовая администрація срываетъ свою злость на бѣдныхъ животныхъ. Горе несчастной собакѣ, забредшей на панскій дворъ; горе козѣ и свиньѣ, попавшей туда въ ворота, всегда отворенныя настежь! Недавно панъ маршалекъ убилъ изъ ружья нѣсколько собакъ, а сколько затравлено козъ и свиней на комисаріи—я уже и счетъ потерялъ. Подумали бы они, чѣмъ виновато глупое животное, что не затворяютъ воротъ, не починиваютъ плетни? Вотъ бы гдѣ общество покровителей животныхъ должно имѣть своего агента!

Недавно я ходилъ по базару, чтобы принаровиться къ мѣстнымъ цѣнамъ. Удивительно, какъ все дорого. Такой богатый край и такая дороговизна! Вся торговля, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстечкахъ нашего края, находится въ рукахъ евреевъ.

Заглянувъ въ мясную лавку, я и самъ себѣ былъ не радъ. На грязныхъ, засаленыхъ и изрубленныхъ въ разныхъ направленіяхъ лавкахъ лежали разной величины куски мяса. Два еврея въ замасленыхъ кафтанахъ рубили топорами и вѣсили порціи говядины, не совсѣмъ уже свѣжей, и раздавали просителямъ. Лучшіе куски отложены въ сторону. Когда я спросилъ еврея, для чего онъ ихъ не продаетъ, онъ мнѣ сказалъ, что эти лакомые куски отложены для пановъ офиціалистовъ и для станового пристава.

Отъ мясной лавки тянулись въ два ряда столики и скамейки съ разными жизненными припасами: пшено, соль, картофель, лукъ и битая птица. Особенно возбуждали аппетитъ покупателей гуси съ ободраною кожей, такъ что всѣ мускулы были видны. Я сперва подумалъ, не занимаются ли еврейки сравнительною анатоміею? Но дѣло объяснилось гораздо проще: выкормивъ гусей на сало, еврейки снимаютъ съ нихъ весь жиръ для своего употребленія—на смалецъ, а мясо съ костями выносятъ на базаръ и къ удивленію находятъ покупателей. Тутъ же ле-

жала и рыба съ предварительно выпущенной икрой, за которую взяты уже деньги особенно.

По всей базарной площади разставлено множество мѣняльныхъ столиковъ. За промѣнъ одного рубля на мѣдныя деньги берутъ отъ трехъ грошей до трехъ копѣекъ. Кромѣ того, если крестьянину приходится что нибудь купить въ лавкѣ, то сдача дается ему не иначе, какъ съ промѣномъ. Размѣнявши, такимъ образомъ, свою ассигнацію на звонкую монету, крестьянинъ всю ее тутъ же израсходуетъ; затѣмъ его же мѣдныя деньги снова идутъ на *стольцы* и лежатъ тамъ до другого его пріѣзда на торгъ.

Бродя однажды по улицамъ и размышляя о причинахъ дороговизны, я незамѣтно очутился за мѣстечкомъ. Тамъ, подлѣ корчмы, я увидѣлъ цѣлую толпу оборванцевъ-евреевъ и евреекъ. Это мѣстный пролетаріатъ. Выходятъ они за мѣстечко на всѣ дороги и стараются скупить все, что только везутъ и несутъ изъ деревень крестьяне, по такимъ цѣнамъ, по какимъ на базарѣ никогда не покупаютъ. Этимъ фактомъ отчасти объясняется всегдашняя дороговизна на всѣ жизненные продукты и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается тайна существованія цѣлыхъ тысячъ пролетаріевъ, повидимому, совершенно лишенныхъ средствъ къ дневному пропитанію. А ѣдятъ они очень мало сравнительно съ нашимъ рабочимъ классомъ: цыбулька да кусочекъ хлѣба—для еврея достаточно; въ этомъ часто состоитъ весь обѣдъ его.

Мнѣ говорилъ одинъ почтенный еврей, что здѣшняя синагога построена на деньги, которыя, по постановленію кагала. купцы должны были брать съ христіанъ покупателей, сверхъ того, что они обыкновенно берутъ, во всякое другое время, извѣстный процентъ; а вѣдь это зданіе стоитъ до 50 тысячъ сребренниковъ!

Во всемъ западномъ краѣ ярмарка безъ еврея не мыслима, Если въ торговый день случится шабашъ, или еврейскій праздникъ, то ярмарка откладывается до другого дня. Тутъ-то весьма осязательно представляется преобладаніе еврейскаго народонаселенія надъ православнымъ и вѣчная эксплуатація послѣдняго.

Ни одна купля, ни одна продажа не обходится безъ обмана и надувательства. Крестьяне такъ уже къ этому привыкли, что давно перестали удивляться изобрѣтательности и изворотливости евреевъ въ сношеніяхъ съ христіанами, флегматически повторяя всякій разъ, въ утѣшеніе себѣ и въ оправданіе своей простоты, вѣчную поговорку: на те винъ и жидъ, щобъ обманувать! И при всемъ томъ привычка видѣть въ евреѣ всегдашняго покупателя до того вкоренилась между крестьянами, что они всегда предпочтутъ продать привезенный на базаръ товаръ еврею, чѣмъ всякому другому, зная напередъ, что при разсчетѣ ему не доплатятъ, что его и обмѣряютъ, и обвѣсятъ, и обсчитаютъ. Ему предлагаешь настоящую цѣну, а онъ все упирается: „Мени, каже, и жидъ стилько дававъ, я лучше ему продамъ“. Толкуй съ нимъ по пятницамъ!

На ярмаркѣ евреи всемогущи. Надъ ними нѣтъ ни суда, ни расправы. Право всегда на ихъ сторонѣ. Возьмемъ, для примѣра, хоть такой казусъ: пусть на ярмаркѣ крестьянинъ попадется въ самомъ мелкомъ воровствѣ, и онъ непремѣнно будетъ преданъ въ руки правосудія, т. е. станового пристава. Пусть же проворуется еврей—выйдетъ совсѣмъ другая исторія. Его хватаютъ съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія, а онъ кричитъ: „гвултъ!“, что его грабятъ. Въ минуту со всѣхъ сторонъ сбѣгаются евреи, поднимается страшный содомъ; среди толкотни и давки, вора вырываютъ изъ рукъ поймавшаго его крестьянина, а послѣдняго втаптываютъ въ грязь. Сбитый съ ногъ натискомъ евреевъ крестьянинъ едва лишь успѣетъ подняться съ земли, какъ его уже подхватили подъ руки и прутъ раба божьяго въ полицію. А къ становому уже успѣли отправить посольство съ жалобой, что „пьяный мужикъ напавъ на бидного и чесного жидка“, совершенно безвинно, прибилъ его до полусмерти, отнялъ у него 25 карбованцивъ грошей, которыхъ у него, конечно, отъ роду не бывало.

Приводятъ крестьянина предъ лицо правосудія.

— Ты что, пьяница, дерешься съ жидами? привѣтствуетъ его правосудіе и, не слушая никакихъ оправданій, крикнетъ десяцкимъ: въ холодную его!

Если же приставъ окажется человѣкомъ порядочнымъ и благоволитъ войти въ разбирательство дѣла и рѣшить его по всей справедливости, какъ велитъ законъ, то и тогда крестьянинъ все таки окажется кругомъ виноватымъ, потому что юридически онъ никогда не докажетъ правоты своей. Свидѣтели происшествія, его же односельцы, увидавъ такой исходъ дѣла, поуходили подальше, на другой конецъ площади, ихъ и собаками не сыщешь, а у еврея цѣлый кагалъ свидѣтелей, и всѣ они на лицо, и всѣ, какъ одинъ, готовы хоть десять разъ присягнуть, что еврея прибили и ограбили.

Получивъ такой урокъ, бѣдный крестьянинъ приходитъ къ убѣжденію, горькимъ опытомъ, что съ евреями ничего не подѣлаешь, что они—сила.

Бываютъ случаи, хоть и довольно рѣдко, что и евреи между собою подерутся; тогда они большею частію судятся собственнымъ третейскимъ судомъ, между своими же единовѣрцами. Къ приставу побѣжитъ иной развѣ только съ-горяча. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены:

Случилось мнѣ быть у пристава. Въ комнату, гдѣ мы сидѣли и курили, врывается еврей, страшно крича и махая руками; кафтанъ на немъ былъ порванъ, по лицу текла кровь. Приставъ, большой оригиналъ, флегматически поднимается съ кресла, подходитъ къ еврею и не говоря ни слова—въ рожество! „Стой такой сякой и молчи!“. Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ въ кресло и продолжалъ курить трубку.

— А преоригинальная у васъ, Григорій Ивановичъ, расправа: побитый пришелъ у васъ искать защиты, а вы ему еще прибавили отъ себя.

— Виноватый завше бижить попереду, отвѣчалъ онъ. И дѣйствительно, не прошло и пяти минутъ, какъ входитъ и другой еврей, и по справкамъ оказалось, что первый—кругомъ виноватъ, а потому и поспѣшилъ раньше добѣжать до становой квартиры огородами и закоулками, расцарапавши себѣ лицо и размалевавши его кровью.

— Эй, соцкій! обоихъ за рѣшотку! Тамъ помирятся.

И конецъ всей расправѣ.

Историческое мѣстечко Бѣлую Церковь совершенно справедливо называютъ сестрой Бердичева. Весь центръ его занятъ евреями; православное земледѣльческое населеніе живетъ на окраинахъ, образуя какъ бы три отдѣльныя села: Ротокъ, Зарѣчье и Александрію. Стало быть, господствующее населеніе мѣстечка—евреи; горсть христіанской интеллигенціи—гимназической и скарбовой—между ними почти незамѣтна. Пользуясь особымъ покровительствомъ станового и вѣря въ могущество своихъ кербелей, они относятся къ остальному населенію съ неуваженіемъ и наглостію. Самое мѣстечко, на своемъ жаргонѣ, какъ бы въ поруганіе святыни, они называютъ не Бѣлою Церковью, а чернымъ капищемъ (Schwarz Tymmer).

Микитка-нищій.

Внося въ свои записки нѣкоторыя наблюденія надъ жизнью украинскаго населенія, я не могу не посвятить нѣсколько строкъ и тебѣ, отверженное людьми и обиженное природой созданіе! Когда мнѣ приходятъ на память твои бѣдныя лохмотья, твои взъерошенные волосы, твое изрытое оспой лицо—безъ малѣйшаго признака мысли человѣческой, твои вывороченныя ноги, лягушечьи прыжки и тѣ глухіе, раздирающіе душу звуки, которыми ты силишься выразить проблески разумѣнія, въ чемъ не отказала тебѣ безжалостная судьба, быть можетъ, съ цѣлію, чтобы ты не умеръ съ голоду и продолжалъ влачить свое жалое существованіе,—передо мной, изъ сумрака вѣковъ, встаетъ страшный призракъ угнетеннаго народа, возваннаго нынѣ къ новой жизни волею Царя-Освободителя... Но дольше всего остается у меня въ памяти единственное слово, произносимое тобой по человѣчески, ты, выкидышъ изъ человѣческаго общества, это слово—*панъ*. Слово, какъ видите, не многосложное, и весьма не труд-

ное для произнесенія: оно чаще другихъ словъ слышится на Украйнѣ; его научается выговаривать ребенокъ едва ли не прежде словъ: мамо и тато. Здѣсь всѣ паны: помѣщикъ—панъ, управляющій его имѣніями—панъ, экономъ—панъ, берейторъ—панъ, главный скотникъ—панъ, псярникъ—панъ, поваръ и лакей—паны. Затѣмъ все остальное населеніе—жиды и хлопы. Тогда какъ на 40 губерній европейской Россіи, съ 50 милліоннымъ населеніемъ, дворянъ числится всего 135 тысячъ,—въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, съ 11 милліонами жителей, потомственныхъ дворянъ считается около 203 тысячъ.

Оторванные отъ кровныхъ интересовъ коренного русскаго населенія, наперекоръ пользамъ и нуждамъ народнымъ преслѣдуя лишь свои шляхетскія цѣли,—польскіе паны были главными виновниками того исключительнаго положенія лучшей части Россіи, которому теперь не въ силахъ помочь самыя благодѣтельныя мѣропріятія правительства.

Но... я нѣсколько отклонился въ сторону отъ своего предмета. Окончу свой разсказъ про мальчика.

Обыкновенное мѣстопребываніе Микитки—пляцъ, т. е. площадь. На этой площади, не смотря на то, что она считается парадной, выбрасываютъ всякій соръ, выливаютъ помои и т. п. Здѣсь валяются разные лоскутки бумаги, тряпки, изношенные сапоги, обглоданныя кости. Въ этой гадости и копается мой Микитка. Обычное его общество—бездомныя собаки, гуси, поросята. Животныя эти такъ съ нимъ сдружились, что позволяютъ съ собой играться. Его не боятся и птицы. Иногда, отыскавъ побольше листъ бумаги, или какую нибудь цвѣтную тряпку, онъ привязываетъ ее къ палкѣ и пойдетъ дѣлать по пляцу свои уродливые прыжки. Подобіе змѣя доставляетъ ему видимое удовольствіе: онъ издаетъ горловые звуки, похожіе на веселый смѣхъ.

И не даромъ Микиткѣ полюбилось общество животныхъ.

Проходя однажды въ праздникъ по площади, я замѣтилъ толпу лакеевъ и паничей-гимназистовъ, окружившихъ бѣдняжку и дразнившихъ его, какъ собаченку; при каждой выходкѣ него-

дяевъ, изъ груди мальчика вырывался крикъ, похожій на карканье ворона съ подрѣзанными крыльями, когда его начнутъ дразнить дѣти:

„Сей возрастъ жалости не знаетъ!“ говоритъ басня. При каждомъ вскрикиваніи Микитки хохотали не одни глупыя дѣти, но и большіе болваны: крикъ этотъ доставлялъ имъ какое то звѣрское удовольствіе. Неужели, Боже мой!

Et cet âge est sans pitié?

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Расходы Рѣчи Попсолитой на козацкихъ пословъ. Одинъ изъ отдѣловъ архива Короннаго Скарба (въ Архивахъ б. Финансоваго Управленія Царства Польскаго при Варшавской Казенной Палатѣ) почти исключительно состоитъ изъ различнаго рода мелкихъ счетовъ, составлявшихъ оправдательные документы для отчетности.—Болѣе сотни такихъ счетовъ касается расходовъ, произведенныхъ на содержаніе, подарки, упоминки различнымъ посольствамъ, пріѣзжавшимъ къ королю по разнымъ поводамъ. Находимъ мы тутъ пословъ московскихъ и татарскихъ,—эти особенно дорого стоили польскому правительству; есть также нѣсколько десятковъ счетовъ, касающихся и козацкихъ пословъ. Большинство счетовъ послѣдняго характера относится къ періоду «руины», къ періоду различныхъ вліяній, всевозможныхъ колебаній, внесшихъ такой разладъ во внутренній строй недавно только освобожденной Украины. Среди этихъ вліяній видную роль играло и польское; этимъ и объясняются частыя сношенія Польши съ козаками, выразившіяся, съ одной стороны, въ посылкѣ комиссаровъ, съ другой—пословъ. Помимо государственныхъ дѣлъ, козацкіе посольства пріѣзжали и по другимъ поводамъ, болѣе частнаго характера; такихъ посольствъ, хотя этотъ терминъ и не вполнѣ подходитъ къ даннымъ случаямъ, являлось очень много; стоило, напр., козакамъ, во время войны Польши съ турками и татарами въ концѣ XVII ст., въ которой они принимали дѣятельное участіе, поймать какого-нибудь турецкаго или татарскаго языка,—сейчасъ же собирается посольство и тащитъ этого языка къ королю, въ надеждѣ получить за это приличное вознагражденіе,—и надежда никогда ихъ не обманывала: кромѣ хорошаго содержанія—и въ теченіе довольно продолжительнаго времени — козаки обыкновенно засиживались въ

польской столицѣ, каждый, соотвѣтственно рангу, получаетъ платье—кунтуши, жупаны, а иногда, кромѣ этого, и нѣсколько «битыхъ» или «твердыхъ» талеровъ; у кого палъ конь въ дорогѣ—тотъ получалъ на коня, а затѣмъ, перепадала нѣкая толика и при отъѣздѣ—«pro viatico».

Не смотря на свой спеціальный характеръ—служить для финансовой отчетности, эти мелкіе счеты и вѣдомости представляютъ нѣкоторый интересъ и болѣе общаго характера: они могутъ дать нѣкоторыя указанія о сношеніяхъ Польши съ козаками въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, какія мы знаемъ изъ другихъ источниковъ; въ нихъ, затѣмъ, бываютъ иногда поименно перечислены всѣ лица, принимавшія участіе въ посольствахъ; они прибавляютъ далѣе нѣсколько новыхъ фактовъ къ лѣтописи о подвигахъ козаковъ, главнымъ образомъ въ борьбѣ съ невѣрными; интересна, наконецъ, и чисто бытовая сторона дѣла: описанія вооруженія, костюмовъ, перечни и цѣна разнаго рода матерій, употреблявшихся на костюмы, и самихъ костюмовъ, стоимость работы этихъ послѣднихъ и т. д.

Со временемъ мы постараемся дать полный списокъ этого рода счетовъ, хранящихся въ архивѣ Скарба; въ настоящемъ-же случаѣ приводимъ нѣкоторые изъ нихъ для образца.

«Списокъ расходовъ, сдѣланныхъ по постановленію сената на разныхъ пословъ». Списокъ этотъ, какъ можно заключить изъ другого, болѣе подробнаго счета, составленъ скарбовымъ писаремъ Винклеромъ; относится онъ къ 1664 г. Мы приведемъ только нѣкоторыя статьи, его, именно:

«На содержаніе велебнаго отца Хмельницкаго панъ Сисловичъ далъ 700 злотыхъ. Для него-же я далъ 300 зл.

На содержаніе татарскаго посла Мустафа Аги съ 13 іюля по 29 сентября, за 79 дней, по 18 зл. на день,—1422 зл.; тому-же послу на дорогу, на 12 дней,—216 зл.; на платье тому-же послу—301 зл.; приставу у этого посла—60 зл.

На козацкихъ пословъ Семена Оловца и Юзефка Коженка—100 зл.; имъ-же на дорогу—200 зл.»

Затѣмъ идутъ расходы на другихъ татарскихъ пословъ, какъ напр. Абль Геримъ Целебея, и др. (Отдѣлъ Ш, кн. 5, л. 784).

Слѣдующій счетъ интересенъ, между прочимъ, потому, что въ немъ отмѣчена выдача денегъ посламъ отъ Опары и, затѣмъ, посламъ Дорошенка, которые доставили этого Опару. Приводимъ его цѣликомъ.

«Списокъ того, что выдано въ обозѣ изъ шкатулки короля на общественныя нужды въ 1665 г.

15 августа, подъ Калишемъ, посламъ отъ Опары-Игнату изъ Субботова и Каракашу, крыловскому судьѣ, дано 200 злотыхъ.

3 сентября, подъ Очаковской Кузницей, тѣмъ-же посламъ отъ Опары, при отправленіи ихъ въ Варшаву, дано 150 зл.

10 октября, въ Равѣ, посланъ отъ Дорошенка—Василю Донцу, судьѣ черкасскому, и Пиляю (Pilaiowi), уманскому асавулу, которые доставили Опару, дано 200 зл.

11 ноября, въ Торнѣ, на содержаніе татарскаго посла Дедешъ Аги, на руки переводчика Арлаковича дано 300 зл.

12 ноября, въ Торнѣ, на Гіонки Гіожи Аталыка съ товарищами, на руки переводчика Стадницкаго дано 220 зл.

13 ноября, въ Торнѣ, на Мустафа Агу, который отправлялся къ Любомирскому, на руки Дзянцымира дано 200 зл.

Всего выдано 1270 зл.» (Отд. Ш, кн. 5, л. 798).

«Перечень расходовъ на содержаніе козацкихъ и татарскихъ пословъ, 1666 г.» Здѣсь имѣются только общія цифры безъ подробностей. Кромѣ упомянутыхъ козацкихъ и татарскихъ пословъ, фигурируютъ и московскіе. Ограничиваемся приведеніемъ начала этого перечня.

«1666, 30 января, на содержаніе московскихъ пословъ—150 зл.
« 1 февраля, на содержаніе козацкихъ пословъ . 60 зл.
« 4 « слугѣ ксендза легата . . . . . 50 зл.
« 5 « на козацкую хоругвь Городельскаго старосты . . . . . 60 зл.
« 8 « на содержаніе московскаго гонца . 100 зл.
« « « на содержаніе козацкихъ пословъ . 60 зл.
« « « золотыхъ дѣлъ мастеру на подарокъ для московскаго посла—112 зл.»; и т. д.

(Отд. Ш, кн. 5, л. 872).

---

28 апрѣля 1666 г. прибылъ въ Варшаву «козацкій посолъ Прокопъ Семеновичъ отъ гетмана запорожскаго къ его королевской милости». Изъ счета выданныхъ на его содержаніе денегъ мы видимъ, что пробылъ онъ въ Варшавѣ до 26 мая. Израсходовано на него

всего 256 зл.; получалъ онъ по 4 зл. на день, да кромѣ того «при отъѣздѣ дано на дорогу 28 зл. и 20 локтей суқна по 5 зл. локоть»; въ концѣ примѣчаніе: что вышеупомянутыя деньги посолъ этотъ получилъ «за него писать неумѣющаго, подписуюсь,—Станиславъ Урбанскій». (Отд. Ш, кн. 5, стр. 876).

Вотъ еще одинъ счетъ, относящійся къ тому-же 1666 году. «Содержаніе козацкихъ пословъ Яроша Грицютенка, паволочскаго полковника, и Ивана Василевскаго, присланныхъ къ королю, которые прибыли въ Варшаву 11 апрѣля 1666 года». Кромѣ Яроша Грицютенка, посольство составляло еще 20 «полковыхъ пословъ», да нѣсколько человѣкъ «сердиняковъ» (serdiniakòw). Посольство пробыло въ Варшавѣ до 25 мая, расходовано на нихъ въ среднемъ по 210 злотыхъ въ недѣлю, и затѣмъ, при отъѣздѣ, приставленный къ посольству Станиславъ Урбанскій получилъ на расходы 60 зл. и отдѣльно на сердиняковъ 120 зл. Помимо этихъ расходовъ, на платье для полковника было куплено 5 локтей французскаго сукна, заплочено по 12 зл. за локоть, и на жупанъ 12 локтей атласа по 7 зл. локоть; для 20-ти полковыхъ пословъ 200 локтей фалендышу [1]) по 10 лок. для каждаго, и для «сердиняковъ» 30 локтей, за локоть уплочено по 5 зл. Всего израсходовано на это посольство 2944 зл. (Отд. Ш, кн. 5, л. 877)

«Списокъ расходовъ, выданныхъ изъ коронnаго Скарба на запорожскихъ козаковъ, присланныхъ отъ Сирка къ королю и къ Рѣчи Посполитой».

Посольство это отъ Сирка прибыло въ Варшаву 12 ноября 1679 г. и пробыло довольно долго—по 29 марта 1680 г.; во главѣ его стоялъ, какъ можно заключить изъ этого списка, «молодой Сирко».

Израсходовано на содержаніе посольства и на подарки довольно много—16877 злотыхъ и 29 грошей. Приводимъ отдѣльныя статьи расходовъ:

«1679 г.	12	ноября	—приставу Баратинскому.	300 зл.
«	14	«	—на молодого Сирка и людей его .	100 зл.
«	15	«	—на пословъ козацкихъ	300 зл.
«	17	«	—на Сирка и людей его.	100 зл.
«	18	«	—на тѣхъ-же пословъ	612 зл.

[1]) Родъ тонкаго голландскаго сукна; видоизмѣненное—fein hollandisch.

«1679 г. 12 ноября—на Сирка съ протопопомъ . . . 100 зл.
« 25 « —на тѣхъ-же пословъ . . . . . 612 зл.
« 30 « —на Сирка . . . . . 50 зл.
« 2 декабря—на тѣхъ-же пословъ и людей ихъ 951 зл.
« 9 « —на нихъ-же . . . . . 951 зл.
« 15 « —отцу протопопу, Заремвѣ бѣлоцерковскому и людямъ ихъ. . . . 2400 зл.
имъ-же наклаку (грубое сукно) три постава . . . . . 150 зл.
« 16 « —отправленнымъ въ Бѣлую-Церковь 86-ти козакамъ съ 172-мя лошадьми, на содержаніе въ теченіи 6-ти недѣль . . . . . 3096 зл.
На содержаніе 14-ти козаковъ, оставшихся при королѣ . . . . . 142 зл.
Козаку на коня, такъ какъ конь его палъ въ дорогѣ. . . . . 60 зл.
На платье, мѣхъ подъ верхнее платье, соболя на шапку, шнурокъ, пуговицы и т. п. для протопопа . . . 380 зл.
« 23 « —На содержаніе тѣхъ-же козаковъ, которые остались при королѣ, на недѣлю . . . . . 142 зл.
Двумъ козакамъ, которые командовали отправленными въ Бѣлую-Церковь . . . . . 76 зл. 15 гр.
Приставу, который сопровождалъ тѣхъ-же козаковъ до Бѣлой-Церкви, на содержаніе (собственно-на пищу) 100 зл.
« 30 « На двухнедѣльное содержаніе козаковъ, оставшихся при королѣ. . . 284 зл.
1680 г. 13 января—тѣмъ-же козакамъ на содержаніе 142 зл.
Винницкому, посланному раньше козаковъ въ Бѣлую-Церковь . . . . 30 зл.
« 20 « —на содержаніе тѣхъ-же козацкихъ пословъ . . . . . 142 зл.
« 27 « —на содержаніе тѣхъ-же. . . . . 170 зл.

«1680 г. 2 февраля—на содержаніе тѣхъ-же. . . . . 170 зл.
« 10 « —на содержаніе тѣхъ-же. . . . . 170 зл.
« 13 « —на двухъ козаковъ, присланныхъ къ королю изъ Бѣлой-Церкви . . 62 зл.
« 17 « —на содержаніе пословъ. . . . . 170 зл.
« 20 « —на содержаніе двухъ присланныхъ козаковъ . . . . . 20 зл.
« 24 « —на содержаніе пословъ и двухъ козаковъ. . . . . 190 зл.
« 2 марта —на содержаніе тѣхъ-же . . . . 190 зл.
« 9 « —на содержаніе тѣхъ-же . . . . 190 зл.
« 15 « —двумъ козакамъ, отправленнымъ назадъ въ Бѣлую-Церковь, на дорогу 100 зл.
Имъ-же сдѣлано по парѣ платья, которое стало . . . . . .84 зл. 29 гр.
« 16 « —на содержаніе самихъ пословъ и людей ихъ . . . . . 170 зл.
« 17 « для больного Сирка, за матрацъ, одѣяло и подушку. . . . . 70 зл.
« 23 « —на содержаніе тѣхъ-же козаковъ 170 зл.
« 24 « —козаку Апостолу, отправленному въ Запорожье, на дорогу. . . . . 250 зл.
« 29 « —за сукно на нашивки для всѣхъ козаковъ, числомъ 91, каждому по парѣ платья, также для самого стараго Сирка за атласъ, сукно и за нѣкоторыя принадлежности къ платью—сукно, холстъ, и портнымъ за работу, всего . . . . . .2810 зл. 15 гр.
Тѣмъ-же козацкимъ посламъ, бывшимъ при королѣ, при отъѣздѣ ихъ въ Бѣлую-Церковь съ сукнами, на содержаніе въ теченіе двухъ недѣль 200 зл.
Подводчику, который повезъ сукна въ Бѣлую-Церковь . . . . . 150 зл.
Приставу, за труды и расходы въ теченіе 20-ти недѣль . . . . . 300 зл.

«1680 г. 29 марта Приставу, сопровождающему пословъ, возвращающихся въ Бѣлую-Церковь, на содержаніе . . . . . 20 зл.»

(Отд. III, кн. 7, лл. 453—4).

«Расходы на пана Кобеляна, полковника войска запорожскаго, который поймалъ Дуку, господаря валашскаго.

Сначала:

Готовыми деньгами самому полковнику 250 талеровъ, считая за талеръ по 6 зл.,—1500 зл.

Сотнику Данилѣ на коня—100 зл.

Затѣмъ суконами:

Полковнику французскаго сукна на пару платья $10^1/_2$ локтей, по 11 зл. локоть, 115 зл. 15 гр.

Данилѣ сотнику того-жъ полка кармазину фалендышеваго 5 локтей, по 8 зл. локоть,—40 зл.; ему-же тузинку (родъ простого сукна) на жупанъ 5 локтей, по 5 зл. локоть,—25 зл.

Михайлѣ, полковому судьѣ, фалендышу кармазиноваго на кунтушъ 5 локтей по 8 зл. локоть,—40 зл.; ему-же тузинку на жупанъ 5 локтей, по 5 зл. локоть,—25 зл.

Ивану, другому сотнику,—столько-же.

Ивану, хорунжему того-же полка, тузинку на пару платья 10 локтей, по 5 зл. локоть,—50 зл.

Ивану, асавулу,—столько-же.

На всѣхъ товарищей—Максиму и двумъ Иванамъ полтора постава сукна—75 зл.

За прикладъ на 10 человѣкъ—90 зл.

Имъ-же отдѣльно, когда выѣзжали,—50 зл.

Всего—2225 зл. 15 гр.» (Отд. III, кн. 7, л. 571).

Счетъ составленъ въ Яворовѣ, 22 апрѣля 1684 г.

«Расходъ на козаковъ, прибывшихъ отъ запорожскаго гетмана Могилы съ турецкими языками.

Кришстофу Пикоцкому, сотнику, дано изъ короннаго скарба 30 «твердыхъ» талеровъ—180 зл.; тонкаго сукна на кунтушъ 5 локтей—60 зл.; фалендышу на жупанъ 5 локтей—30 зл.

Сотнику Ивану также 30 талеровъ—180 зл..; тонкаго сукна на кунтушъ 5 локтей—60 зл.; фалендышу на жупанъ 6 лок.—30 зл.

Хорунжему Павлу 5 «битыхъ» талеровъ—30 зл.; фалендышу 5 локтей—60 зл.; тузинку $5^1/_2$ лок.—21 зл.

Асавулу Марку также 5 «битыхъ» талеровъ—30 зл.; фалендышу 5 локтей—30 зл.; тузинку 5 лок.—20 зл.

Двумъ атаманамъ: Федору Сулку и Яцку, каждому по 5 талеровъ,—60 зл.; фалендышу обоимъ 10 локтей—60 зл.; тузинку на жупаны $10^1/_2$ лок.—42 зл.

Василю Федоровичу, который докладывалъ королю о перенесенной татарской неволѣ, 10 «битыхъ» талеровъ—60 зл.; тузинку на кунтушъ $5^1/_2$ лок.—21 зл.; наклаку на жупанъ 6 лок.—12 зл.

18-ти простымъ козакамъ (czernim), каждому по 3 «твердыхъ» талера—324 зл.; имъ-же тузинку на кунтуши по $5^1/_2$ лок.—378 зл.; наклаку или-же шыптуху по 6 лок.—216 зл.

На недѣльное содержаніе ихъ всѣхъ, съ 25 по 29 іюля,—94 зл.

На кормъ для ихъ коней—16 зл.

Приставу, который ихъ привелъ и отправилъ—30 зл.

Всего 1004 зл., за сукно 1040 зл., итого 2044 зл.»

Счетъ составленъ въ Вилянові, 29 іюля 1685 г. (Отд. Ш, кн. 7, л. 648).

«16 сентября 1687 г., подъ Подгайцами. Расходъ на четырехъ козаковъ, присланныхъ къ королю изъ Бара отъ Булюкбаши.

На пищу съ 14 августа по 18 сент., въ теченіе 5-ти недѣль, на каждаго по 5-ти злотыхъ на недѣлю—100 зл.

При отъѣздѣ каждому по 5-ти локтей тузинку на кунтушъ, по $4^1/_2$ зл. локоть,—90 зл.

На дорогу каждому изъ нихъ по 3 «левковыхъ» талера—66 зл. Всего 256 зл.» (Отд. Ш, кн. 7, л. 784).

Приводимъ въ заключеніе 3 счета, которые хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ козацкимъ посольствамъ, но заключаютъ интересныя подробности, касающіяся костюмовъ и вооруженія козацкой старшины—конца XVII в. Первый счетъ содержитъ списокъ вещей, купленныхъ для Палія, 2-ой—для ставленника Польши, такъ плачевно кончившаго свои дни—гетмана Куницкаго, 3-ій списокъ клейнотовъ,

посланныхъ запорожскому войску принимавшему участіе въ походахъ противъ турокъ 1684 г.

«Реестръ вещей, купленныхъ для Палія и другихъ его козаковъ и калмыковъ.

За сайдакъ съ золотой насѣчкой и за панцырь для самого Палія—600 зл.

За лукъ къ этому сайдаку—42 зл.

За наручи, украшенныя насѣчкой, для того-же Палія—70 зл.

За сайдакъ, пестро позолоченный,—150 зл., наручи и позолоченное донышко для мисюрки—70 зл.

Бѣлый сайдакъ, узорчатый, и донышко для мисюрки—165 зл., къ нему наручи—25 зл.

Бѣлый сайдакъ, пестрый, узорчатый—125 зл., донышко для мисюрки—25 зл., наручи къ нему—25 зл.

3 оправленныхъ чечуги (родъ сабли), по 50 зл. каждая—150 зл.

Пояса къ нимъ—2 зл.

Панцырь на мисюрки къ сайдакамъ—80 зл.

За стрѣлы для 3-хъ сайдаковъ, по 15 стрѣлъ въ каждомъ—9 зл.

За 10 беркутовыхъ стрѣлъ для самого полковника Палія—12 зл.

За буздыханъ *съ насѣчкой* для Палія—150 зл.

За работу четырехъ чепцовъ [1]) къ мисюркамъ—10 зл.

Три лука, изъ нихъ два по 30 зл., одинъ—20 зл.

Сабля съ золотой насѣчкой для самого полковника Палія—130 зл., ремни къ ней—10 зл. Всего 1930 зл.» (Отд. III, кн. 7, л. 514). При этомъ счетѣ нѣтъ года, но, судя по мѣсту, какое онъ занимаетъ, наряду съ другими счетами, онъ можетъ относиться къ 1683 г.

«Списокъ денегъ, выданныхъ по приказу короля изъ государственнаго казначейства на одежду его милости пана Куницкаго, гетмана войскъ запорожскихъ». Счетъ составленъ въ Краковѣ, 14 января 1684 г.

Темно—краснаго атласа 12 локтей, по 8 зл. локоть—96 зл.

Голубого атласа 12 локтей, по 8 зл. локоть,—96 зл.

Адамашки (камки) померанцоваго (цвѣта) 12 локтей, по 7 зл. локоть,—84 зл.

---

[1]) Чепецъ—сѣтка изъ металлическихъ колечекъ, прикрѣплявшаяся къ плоскому или выпуклому донышку; донышко прикрывало темя, чепецъ защищалъ шею и отчасти плечи.

Камки лимоннаго (цвѣта) 12 локтей, по 6 зл. локоть,—72 зл.

Китайки разныхъ цвѣтовъ 4 локтя, по $5^1/_2$ зл. локоть,—22 зл.

Ярко-краснаго (шкарлатнаго) сукна $5^1/_2$ локтей, по 13 зл. локоть,—71 зл. 15 гр.

Фіолетоваго сукна $5^1/_2$ локтей, по 12 зл. локоть,—66 зл.

Бѣлаго киру (толстое сукно), вымоченнаго, 45 локтей, по 24 гр. локоть,—36 зл.

За два мѣха: подъ одинъ кунтушъ рысьи персидскія спинки, подъ другой—лисьи спинки—889 зл.

За работу двухъ кунтушей и четырехъ жупановъ—20 зл.

За подбивку двухъ кунтушей—10 зл.

За прикладъ къ этимъ платьямъ—45 зл.

Всего—1507 зл. 15 гр.» (Отд. Ш, кн. 7, л. 568).

«Реестръ денегъ выданныхъ на клейноты войска запорожскаго, завербованнаго на средства святого отца, и на одежду старшинѣ». Реестръ составленъ 20 августа 1683 г., въ Варшавѣ.

«За китайку на знамена (chorągwie), 225 локтей, по 7 зл. локоть,—1575 зл.

Портному за работу этихъ знаменъ—300 зл.

За шесть серебряныхъ буздыхановъ съ работой (собственно—z miecznikiem) 830 зл.

За шесть паръ литавръ (kotłów) съ тюфячками—480 зл.

Семь... (слово не разобрано), оправленныхъ въ серебро—157 зл. 15 гр.

30 древковъ къ знаменамъ, съ окраской,—78 зл. 15 гр.

30 наконечниковъ (grotów) къ тѣмъ-же знаменамъ—98 зл.

За сѣрый холстъ, которымъ былъ обшитъ ящикъ съ клейнотами—6 зл. 28 гр.

Кромѣ того:

Фалендышу 506 локтей для старшины, по 6 зл. локоть,—3036 зл,

Голландскаго сукна 77 локтей, по 12 зл. локоть,—924 зл.

Подводчикамъ, отправленнымъ во Львовъ съ вышеуказанными клейнотами и сукнами,—180 зл.

Подводчикамъ, вторично отвозившимъ сукна и деньги въ распоряженіе каштеляна любачевскаго,—435 зл.

Пану Бобрецкому, отправленному съ этими сукнами и деньгами, на дорогу и содержаніе—144 зл. 27 гр.

Всего на войско запорожское выдано изъ денегъ святого отца 8246 зл. 25 гр.» (Отд. Ш, кн. 7, л. 528).

Н. Вѣлящевскій.

Эпизодъ изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, васильковскаго уѣзда.— Въ концѣ 1859 года кіевская духовная консисторія разослала указъ, которымъ предписывалось духовенству позаботиться о заведеніи при церквахъ училищъ для обученія дѣтей прихожанъ. Этотъ указъ имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что во многихъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, какъ священники, такъ и діаконы, иные вполнѣ сознательно сочувствуя самому дѣлу, а иные—и конечно большинство—по необходимости, стали устраивать въ томъ или иномъ видѣ училища. Не обходилось это дѣло безъ всяческихъ затрудненій, преимущественно со стороны пановъ и ихъ приспѣшниковъ-экономовъ [1]), не обходилось оно иногда и безъ курьезовъ. Къ одному изъ этихъ послѣднихъ надо отнести и нижепомѣщаемое «покорнѣйшее прошеніе» діакона с. Шамраевки (васильковскаго уѣзда, кіевской губ.) І. Б—аго на имя высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго, писанное въ 1862 году. Какъ мотивъ прошенія, такъ и содержаніе его, а еще болѣе своеобразный стиль даютъ полное право занести его на страницы журнала, посвященнаго, между прочимъ, и собранію даже мелкихъ матеріаловъ, могущихъ освѣтить тотъ или иной уголокъ нашего края въ его прошлой культурной жизни.

«По Высочайше утвержденному проэкту, нужно было преобразованіе крестьянскихъ дѣтей, по селамъ, въ грамотности.

Въ селеніи Шамраевкѣ никто объ этомъ не хотѣлъ и думать; я же, живя въ діаконскомъ званіи около 14 лѣтъ вздумалъ начать таковое предположеніе въ 1859 году воспитанія дѣтей въ наукахъ,—собралъ около 20 дѣтей разнаго рода и пола и открылъ въ собствен-

---

[1]) См. объ этомъ, напр., разсказъ покойнаго Лебединцева („Кіев. Стар.“ 1897 г., № 2, стр. 334 и слѣд.)

номъ своемъ домѣ училище. Болѣе полугода я занимался дѣтьми, но когда въ проѣздъ мѣстнаго благочиннаго мнѣ приказано было наблюсти точный порядокъ во внѣшности, то я на собственный коштъ соорудилъ скамьи, нѣкоторыя книги, прописи и прочія принадлежности и черезъ то сдѣлавъ свободное размѣщеніе дѣтей, собралъ чрезъ свою дѣятельность и особенную наблюдимость до 40 душъ разнаго рода.

Прилагая день ото дня свою отеческую надъ дѣтьми блюдимость, разгараясь священною любовію въ передачѣ младымъ птенцамъ понятія о духовныхъ вещахъ ириаровительно церковному домостроительству, употреблялъ тоже въ своихъ нуждахъ къ дѣвочкамъ-ученицамъ и свою родную дочь—однимъ словомъ: не жалѣлъ ни трудовъ, ни своего скуднаго (на дьячковскомъ окладѣ) достоянія, ни семейства въ семъ святомъ дѣлѣ—обученія дѣтей, лишь бы вкоренить залогъ, по данной мною священной присяги, въ гражданственномъ и духовномъ отношеніи. У меня дѣти начали хорошо читать церковныя книги и пѣть по возможности на клиросѣ, сказывать и хвалиться родителямъ о молитвахъ и о сказываемыхъ житіяхъ св. отецъ,—однимъ словомъ: при моемъ усердномъ наблюденіи и совершенномъ своей воли, для ихъ образованія, пожертвованіи, открылось хотя не въ полномъ совершенствѣ, однакожъ въ скоромъ бы времени нужно было надѣяться полнаго успѣха въ дѣтской фермѣ.

Прошлаго 1861 года въ весеннее время, селенія Шамраевки помѣщичій экономъ В—кій, не зная по какому распоряженію, вздумалъ насильно брать малыхъ дѣтей изъ моего училища до срока ихъ отпуска. Имѣлъ бы право въ распоряженіи Г. В—кій надъ дѣтьми крестьянскаго званія, зачѣмъ же взятъ былъ своеправно дворянскій сынъ Яковъ К—кій?

Къ сему похабству распорядительности экономa равно принявшаго участіе и сельскій старшина въ ономъ, присовокупляю, кромѣ множественностей, и то, что одинъ малолѣтній мальчикъ (изъ крестьянъ) взятый изъ подъ училищнаго вѣдомства, на работы въ экономіи, былъ весь избитъ кнутомъ и по рукамъ и по спинѣ, о семъ вѣдомо и вашему высокопреосвященству, по донесенію мѣстнаго благочиннаго.

Общество селенія Шамраевки, не зная въ чемъ состоитъ истинное образованіе, въ обученіи дѣтей, не слушаетъ того, кто по правдѣ

говоритъ и дѣлаетъ, а условливается съ тѣмъ, кто имѣетъ болѣе силу въ ихъ общественномъ на время быту—привязалось по своей слабости и недальновидности къ эконому и старшинѣ, изъ коихъ первый вовсе не желаетъ народнаго образованія, а второй—слушая его эконома, препятствуетъ крестьянамъ въ обученіи оныхъ поручить мнѣ, потому что экономъ имѣетъ на меня личности чрезъ упомянутаго избитаго кнутомъ мальчика.

Желая пресѣчь воспитаніе дѣтей и изыскивая разные способы, будто бы, согласились на избраніе отцевъ дѣтей избрать наставника и установили, минуя голоса домохозяевъ, по разному соглашенію, одного малограмотнаго и не трезваго крестьянина, лишь бы истинное воспитаніе въ образованіи дѣтей уничтожить. Особенность уничтоженія и охоты въ поощреніи дѣтей къ школьному образованію можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: недавно школьный учитель, находясь, по пьянствѣ, въ изступленномъ состояніи, по приказанію установителя своего Старшины взятъ былъ и окованный желѣзными путами, посаженъ въ холодную, гдѣ пробывъ 3 дня—былъ выпущеннымъ, приставился къ тесанію деревъ, къ волостному въ постройкѣ дому.

Вынаруживая таковыя обстоятельства вашему высокопреосвященству на видъ, съ прискорбіемъ и сердечнымъ сожалѣніемъ объясняю: Я желалъ быть вовсе безъ возмездія наставникомъ, потому что никого не безпокоилъ за труды; далѣе: я ихъ (дѣтей) обучалъ чему можно, совершенно безъ пособій другихъ; пѣли они на клиросѣ, какъ нужно было; но въ настоящее время церковь въ клирѣ опустѣла, кромѣ одного, къ которому никто не имѣетъ права къ взимаемости въ своихъ выгодахъ; и, наконецъ: по истинной христіанской любви и по чистой своей діаконской совѣсти объясняю, что имѣю особенную склонность упражняться съ своимъ семействомъ въ любознательности дѣтской; и какъ я къ тому призванъ, потому что воспитаніе дѣтей крестьянскихъ въ грамотности возложена обязанность на духовный причтъ, надѣюсь, что верховное начальство можетъ и должно, если оно блюдетъ за симъ ходомъ, отнявъ отъ мерзкихъ людей право обученія дѣтей, препоручить тѣмъ, которые и по достоинству своего образованія, и по поведенію, и по самому предназначенію своему могутъ быть склонны къ тому, препоручить полное и законное воспитаніе и наблюденіе надъ крестьянскими дѣтьми.

А потому объясняя все, почти въ малой реформѣ, прошу святѣйшій архипастырь, дабы не пришло къ совершенному упадку, мною

только что открытое дѣтское училище, благотворить опять мнѣ имъ руководствовать и заниматься, и для сей цѣли сдѣлать по благоволенію вашего высокопреосвященства, архипастырское распоряженіе,— присовокупляя, что прошлые три зимы въ отопленіи училища, мнѣ, при моемъ бѣдномъ состояніи много стоили,—всѣ же постройки мною произведенныя, значутся для меня около полутораста рублей серебр. и все это безмездно!

Смиреннѣйшій проситель діаконъ І. Б—скій.

Вечеръ въ день Ивана Купала. Проживая въ полтавской губерніи, часто проводилъ я лѣто въ селахъ хорольскаго, миргородскаго и кременчугскаго уѣздовъ и ни въ одномъ изъ нихъ не пришлось наблюдать игръ и пѣсенъ, относящихся ко дню Ивана Купала. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи наиболѣе сохранился обычай отличать день Ивана Купала остатками древнихъ игръ и пѣсенъ, мнѣ не извѣстно, но, должно быть, сохраняясь въ разныхъ мѣстахъ, этотъ обычай имѣетъ свои особенности въ каждомъ изъ нихъ, какъ напримѣръ: колядки въ полтавской губерніи не такія, какъ въ кіевской, въ которой очень распространены колядки исторически-бытовыя.

Предполагая, что въ силу историческихъ условій въ кіевской губерніи вообще древнихъ обычаевъ должно сохраниться больше, чѣмъ въ полтавской, привожу описаніе вечера въ день Ивана Купала по личнымъ наблюденіямъ въ м. Погребищѣ бердичевскаго уѣзда.

Съ самаго утра по улицамъ мѣстечка часто проходили дѣвушки подростки съ цѣлыми снопами полевыхъ и лѣсныхъ цвѣтовъ, а нѣкоторыя несли и вѣтки, сплетенные изъ этихъ цвѣтовъ. Около нѣкоторыхъ хатъ въ тѣни густыхъ вишенъ сидѣли взрослыя «дивчата», которымъ подростки приносили цвѣты. (Взрослой считается неприличнымъ ходить въ поле за цвѣтами, а вѣнокъ для вечера нуженъ).

Плетя вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, каждая дѣвушка имѣетъ запасъ и своихъ садовыхъ, которые она сама сѣяла и поливала и особенно лелѣяла тѣ изъ нихъ, которые расцвѣтутся ко дню Ивана Купала. Теперь они идутъ въ вѣнокъ, занимая въ немъ самыя вид-

ныя мѣста. Подруги дѣлятся цвѣтами, подбираютъ ихъ такъ, чтобы вѣнокъ наиболѣе подходилъ къ лицу.

Къ заходу солнца на выгонѣ, на мѣстѣ постоянныхъ праздничныхъ гулянокъ, стали собираться дѣвушки съ цвѣтами и вѣнками въ рукахъ. Два хлопца-подростка принесли только что срубленную огромную вѣтвистую вербу и вкопали ее въ землю. Это «Кунайло».

Дѣвушки обмели вокругъ этой вербы полянку, усыпали ее чебрецомъ, мятой и другими душистыми цвѣтами, а на вѣтвяхъ вербы развѣсили гирлянды васильковъ, сокирокъ, ромашки и прочихъ полевыхъ и луговыхъ цвѣтовъ. Одна изъ участницъ стала прилѣпливать къ вербѣ желтыя восковыя свѣчки домашняго издѣлія, но ей замѣтили, что нельзя, что было это прежде, а теперь запрещаютъ и посадятъ за это въ холодную.

«Уже», сказала одна изъ дѣвушекъ, указавъ на небо, на которомъ засвѣтились первыя звѣзды, и всѣ надѣли вѣнки, стали вокругъ вербы, взялись за руки и, медленно ходя кругомъ то въ ту, то въ другую сторону вокругъ вербы, запѣли протяжно и какъ-то уныломечтательно:

Тутъ-же сидятъ паробки, и одинъ изъ нихъ на сопилкѣ вторитъ хору дивчатъ. Хлопцы подростки бѣгаютъ, рѣзвятся, а малыя дѣвочки поставили себѣ вѣточку вербы и ведутъ свой хороводъ, подражая взрослымъ, и тоже всѣ въ вѣнкахъ.

Бабы и молодицы съ грудными ребятами сидятъ поодаль, а нѣсколько пожилыхъ мужиковъ подъ плетнемъ раскуриваютъ свои люльки.

Дивчата поютъ хороводныя пѣсни, которыя можно раздѣлить на три группы: 1) любовныя пѣсни, 2) пѣсни о житьѣ въ замужествѣ и 3) шутливыя пѣсни.

Любовныя пѣсни занимаютъ главное мѣсто въ хороводѣ, и для каждой изъ участницъ хоровода и ея парубка, т. е. того, который по общему мнѣнію нравится ей, или ухаживаетъ за ней, поется одна изъ такихъ пѣсенъ.

Пѣсни, изображающія невеселую, полную лишеній и невзгодъ жизнь въ замужествѣ, въ домѣ свекрови, которая вѣчно преслѣдуетъ невѣстку, поются въ промежуткахъ между любовными пѣснями.

Шутливыми пѣснями заканчивается хороводъ, но иногда онѣ поются и среди другихъ пѣсенъ.

Вообще шутливыя пѣсни выражаютъ заигрыванья дивчатъ съ парубками, которые отвѣчаютъ разными шутками и остротами.

Заканчивается хороводъ довольно поздно, къ полночи, и Купайло уничтожается. Какъ только кто-нибудь отломаетъ первую вѣтку вербы, всѣ дивчата и хлопцы набрасываются на нее, разламываютъ въ общей суматохѣ съ криками, смѣхомъ, и каждый старается схватить вѣтку побольше. Дѣвушки снимаютъ вѣнки и расходятся по домамъ. Вѣтки вербы и вѣнки ложатся на грядкахъ въ огородѣ, чтобы былъ хорошій урожай.

Идолъ купалы въ г. Ахтыркѣ.—Извѣстно, что со времени принятія христіанства русскимъ народомъ, духовенство считало нужнымъ преслѣдовать болѣе или менѣе сохранившіеся въ народной средѣ старинные языческіе обычаи и обряды. Преслѣдованія эти, время отъ времени, то усиливались и возрастали, то ослабѣвали. Въ XVIII столѣтіи, вообще говоря, дѣятельность духовенства въ указанномъ направленіи не представляется особенно энергичной, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на уничтоженіе остатковъ языческой миѳологической старины епархіальной властью обращалось довольно большое вниманіе. Въ архивныхъ бумагахъ управленія бывшей бѣлгородской епархіи сохранилось немало дѣлъ о «волшебствахъ, суевѣріяхъ, наговорахъ, изувѣрствахъ» и т. п. Дѣла эти производились въ мѣстной духовной консисторіи по всѣмъ правиламъ формальнаго слѣдствія и судопроизводства, въ нихъ нерѣдко были замѣшаны духовныя лица или члены ихъ семействъ, хотя результаты судебныхъ дѣлъ, иногда производившихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были малозначительны. Занимаясь въ архивѣ курской духовной консисторіи, въ которомъ сосредоточены старинные документы не только теперешней курской епархіи, но и нѣкоторыхъ уѣздовъ харьковской, орловской и воронежской епархій, мы имѣли подъ руками небезынтересное «дѣло Бѣлгородской духовной консисторіи объ *идолѣ Купалѣ*», на которомъ позволимъ себѣ остановить вниманіе читателей.

9 февраля 1770 года, въ то время, когда бѣлгородской епархіей управлялъ епископъ Самуилъ, изъ ахтырскаго духовнаго управленія въ бѣлгородскую консисторію былъ присланъ репортъ о замѣченномъ въ ахтырскомъ уѣздѣ «суевѣріи». Репортъ этотъ былъ представленъ на основаніи указа консисторіи о томъ, чтобы «духовныя правленія и благочинные присылали *двоекратные въ году* репорты—первые въ іюлѣ, другіе въ декабрѣ мѣсяцахъ—не дѣлается ли въ вѣдомствѣ тѣхъ правленій или благочинныхъ *какихъ суевѣрій*». Ахтырское духовное правленіе сочло нужнымъ репортовать консисторіи объ «открывшемся суевѣріи», такъ какъ священникъ архангельской церкви города Ахтырки Михаилъ Зѣньковскій 26-го іюня 1769 года представилъ въ духовное правленіе донесеніе о «языческихъ играхъ» своихъ прихожанъ. «Прихожане мои, писалъ онъ въ своемъ донесеніи, войсковой обыватель Иванъ Шейка и сынъ его Иванъ съ товарищи учинили на улицѣ, у воротъ того Шейки, того же іюня 24 дня, то есть въ день рождества святаго славнаго пророка предтечи и крестителя Господня Іоанна, богопротивныя дѣйства и поставили *«нѣкотораго идола, называемаго «купала» или «марина»* [1]), одѣяннаго въ женское одѣяніе и украшеннаго на головѣ цвѣтами и отъ древъ вѣтвями, предъ коимъ поставленъ былъ столъ, а на томъ столѣ стояла невѣдомо съ какимъ напиткомъ стклянница; и предъ онымъ идоломъ собраны были дѣвки и пѣли богомерзкія пѣсни»... Такое празднованіе «купалы» въ Ахтыркѣ совершалось ежегодно и торжественно. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что ахтырцы со всѣхъ концовъ и улицъ города стекались именно къ дому Ивана Шейки, гдѣ и совершали купальскіе обряды. Насколько можно замѣтить изъ дѣла, этотъ войсковой обыватель являлся какъ бы «священнодѣйствователемъ» въ языческомъ обрядѣ. Подъ его предводительствомъ, между прочимъ, «идолъ купала» былъ носимъ по городу Ахтыркѣ.

Возбуждено было слѣдствіе. Свѣдѣнія о немъ небезынтересны. Слѣдствіе производилось въ ахтырскомъ духовномъ правленіи; но оно не могло быть окончено въ теченіе семи мѣсяцевъ, «за неявкою, по

---

[1]) Что касается слова: „марина", то или здѣсь можно видѣть ошибочно написанное реченіе, вмѣсто „ярила", или считать его видоизмѣненной формой отъ названія языческаго божества: „Морана".

многократнымъ требованіямъ, многихъ, прикосновенныхъ къ тому дѣлу людей», какъ писало консисторіи въ своемъ донесеніи ахтырское духовное правленіе. Любопытно, что это правленіе «многихъ людей, обвиняемыхъ въ чиненіи оныхъ богопротивныхъ дѣйствій сыскать не могло и въ какой они командѣ находятся, не вѣдаетъ»...

Постановленіе духовной консисторіи по дѣлу объ «идолѣ купалѣ» состоялось 8 марта 1770 года. Это постановленіе гласило слѣдующее. «Ахтырскому духовному правленію, въ самомъ скоромъ времени о вышеписанномъ изслѣдовать, понеже, хотя о немедленномъ таковыхъ *ослушниковъ* въ оное правленіе высылкѣ, надлежало отъ консисторіи по командѣ подтвердить [1]), но какъ въ томъ доношеніи никакого къ требованію обстоятельства не прописано и затѣмъ куда консисторіи писать и кому именно—неизвѣстно, то оному правленію въ таковыхъ случаяхъ должно быть осмотрительну и недѣльными постановленіями консисторію не утруждать, подъ опасеніемъ, по указамъ, штрафа, чего ради правленію, безъ всякаго извиненія о томъ дѣлѣ (т. е. суевѣріи) доношеніе въ консисторію прислать»...

Выговоръ консисторіи такъ повліялъ на ахтырское духовное правленіе, что оно не только не двинуло впередъ дѣла объ «идолѣ купалѣ», но и въ слѣдующихъ своихъ «двоекратныхъ въ году репортахъ» доносило: «въ г. Ахтыркѣ и во всемъ правленія вѣдомствѣ никакого суевѣрія не дѣлалось»... И, какъ видно изъ дѣла, Бѣлгородская консисторія на продолженіи разслѣдованія объ ахтырскомъ суевѣріи не настаивала; тѣмъ болѣе, что въ то время довольно часто и болѣе важныя дѣла не оканчивались производствомъ, если для этого не было настоятельныхъ побужденій.

А. А. Танковъ.

Вновь открытая стѣнная живопись въ г. Новгородсѣверскѣ.

Въ настоящее время въ г. Новгородсѣверскѣ перестраивается лѣтняя Воскресенская церковь. При снятіи иконостаса отвалилась часть щекатурки и обнаружилась на стѣнахъ древняя живопись: на правой

---

[1]) Т. е. консисторія послала бы отъ своего имени подтвержденіе начальству гражданъ г. Ахтырки.

сторонѣ алтаря видна большая икона—положеніе Христа во гробъ; на лѣвой сторонѣ—апостолы Петръ и Іоаннъ; а въ предѣльной части церкви живопись очень повреждена, но можно замѣтить какія-то изображенія людей въ круглыхъ черныхъ шляпахъ. Лица и костюмы изображенныхъ на стѣнахъ святыхъ отличаются правильностью очертаній и пріятностью на видъ, особенно головки ангеловъ.

Слѣдовало-бы озаботиться объ изслѣдованіи случайно открывшейся живописи, могущей представить интересъ для археолога и знатока древностей. Медлить съ изслѣдованіемъ нельзя, такъ какъ работы въ такомъ періодѣ, что вскорѣ стѣна, покрытая живописью, будетъ сломана, или, лучше сказать, разобрана по кирпичамъ, и тогда живопись погибнетъ.

Замѣтки по искусству.—*Портретъ Богдана Хмельницкаго*, по указанію Геннади, въ журналѣ «Свѣтопись» 1858 г. № 7, безъ ссылки на какой бы то ни было источникъ, находится или находился въ Медвѣдинскомъ монастырѣ чигиринскаго уѣзда кіевской губерніи. Интересно получить сообщеніе,—находится ли онъ тамъ донынѣ, а если взятъ—то куда? Старинный портретъ Б. Хмельницкаго, въ прекрасной, характерной древней рамѣ, увѣнчанной гетманской шапкой, извѣстенъ намъ у М. А. Скоропадской, и находится въ Петербургѣ. Геннади, изъ портретовъ малорусскихъ дѣятелей, указываетъ еще на гравированный портретъ П. Могилы, находящійся при книгѣ «Евхаристіонъ албо Вдячность», Кіевъ, 1632 года. Указаніе на этотъ портретъ еще раньше сдѣлано Максимовичемъ, въ III книгѣ «Кіевлянина».

Полтавская Колонна въ память побѣды Петра I—сооружена по проекту и рисункамъ Томаса де Томона, искуснаго рисовальщика и архитектора хорошаго вкуса, долго жившаго въ Россіи. Онъ много работалъ въ Россіи, и произведенія его очень замѣчательны. (L. Dussieux. Les artistes francais a l' etranger. Paris 1856). Сооруженія, имъ построенныя, описаны въ книгѣ его «Traite de peinture, par. Th. De Thomon, architecte de S. M. L'Empereur Alexandre I. S. Petersbourg 1809. Онъ такъ характеризируетъ въ ней Полтавскую колонну: «Такъ какъ колонна эта тріумфальный памятникъ, воздвигнутый въ память

Петра Великаго, въ честь самаго памятнаго и рѣшительнаго событія его царствованія, то я старался дать всей этой композиціи характеръ оригинальный и, такъ сказать, присущій герою и его торжеству. Съ этою цѣлью я прибѣгнулъ къ аллегоріямъ простымъ, но точнымъ и яснымъ.

Колонна вылита изъ желѣза, въ 4 куска, и чтобы скрыть ихъ соединенія, каждый шовъ закрытъ вѣнкомъ. Первый—изъ лавра и пальмъ, второй—изъ одного лавра, третій—изъ дубовыхъ листьевъ. Промежутки между вѣнками заполнены изображеньями перекрещеннаго оружія. Капитель образована изъ большихъ пальмовыхъ листьевъ, надъ которыми возвышается цоколь, увѣнчанный полусферой, на коей распростеръ свои крылья орелъ, держащій въ костяхъ молніи войны, а въ клювѣ лавровый вѣнецъ».

Томонъ, бывшій профессоромъ архитектуры въ Петербургской Академіи художествъ, построилъ петербургскую биржу, Большой театръ, нынѣ замѣненный уродливымъ зданіемъ Консерваторіи, биржевые доки, старый театръ въ Одессѣ. Онъ оставилъ слѣды своего пребыванія въ Академіи въ многочисленныхъ ученикахъ, которые разнесли стиль его по Россіи и упрочили его въ старыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Александровскаго.

Ученики Дм. Гр. Левицкаго. Кромѣ самаго знаменитаго изъ нихъ В. Л. Боровиковскаго, учившагося у Левицкаго два года и въ 1790 г. перешедшаго къ Ламби, учениками Левицкаго были живописцы: Шабановъ, Мельниковъ, Щукинъ и Новиковъ. Талантливѣе всѣхъ ихъ былъ Щукинъ.

Образъ св. царицы Александры работы Шевченка, находящійся въ церкви Полтавскаго Кадетскаго Корпуса не есть самостоятельное произведеніе, а копія съ такого же образа, учителя Шевченка, Карла Брюлова.

Венеціановъ считается первымъ представителемъ въ русскомъ искусствѣ національности, если не правды. Онъ родился въ Нѣжинѣ, въ семействѣ греческихъ выходцевъ Фармаки-Венеціано, почувствовалъ рано любовь къ живописи, но сталъ учиться этому искусству не въ ранней молодости, а уже прослуживъ нѣсколько лѣтъ по межевой части и переселясь въ Петербургъ. Въ своей рѣдкой книгѣ «Tutti frutti» (біографіи художниковъ, замѣтки и смѣсь). Спб. 1862 П. Петровъ разсказываетъ такъ о судьбѣ и дѣятельности Венеціанова: «Въ

столицѣ случай свелъ его съ Боровиковскимъ, и природное призваніе, до того таившееся и глохшее, получило ходъ и развилось, на сколько дозволяли средства и внѣшнія обстоятельства. По совѣту Боровиковскаго, принявшись серьезно за изученіе искусства, Венеціановъ прошелъ уже предварительную школу техники, когда наступилъ 1812 г. Венеціановъ рисовалъ въ то время политическія каррикатуры, которыя отличались хорошимъ рисункомъ, но уступали извѣстному горячему, хоть и не совсѣмъ граціозному штриху Теребенева въ силѣ и типичности. Мягкость была отличительною чертою характера Венеціанова. Встрѣчая испорченность и ложь въ среднемъ городскомъ классѣ, онъ сталъ рисовать деревенскіе типы, находя простой народъ болѣе свободнымъ отъ порчи. Еще одною изъ причинъ, объясняющихъ выборъ имъ деревенскихъ типовъ, было то, что у Венеціанова было небольшое имѣніе въ тверской губерніи, гдѣ, живя иногда по долгу, художникъ безпрестанно и исключительно имѣлъ передъ глазами своихъ крестьянъ, и, при ограниченности числа ихъ, зналъ ихъ всѣхъ по именамъ, принималъ живое участіе въ нуждахъ и утѣхахъ простого населенія. Наивность даваемыхъ самимъ художникомъ названій своимъ картинамъ, напр. «Акулька съ покойникомъ», «Тереха съ топоромъ», «Катя съ Машей» и др., прямо указываетъ на портреты живыхъ людей и уже отнюдь не на выполненіе предварительно принятой мысли. Онъ, по его словамъ, «какъ видѣлъ—такъ и изображалъ, а не мудрилъ, сидя передъ натурой». Венеціановъ пріютилъ у себя нѣсколько учениковъ, составилъ изъ нихъ школу реалистовъ по взгляду на натуру, только съ идеальнымъ побужденіемъ: открывать во всемъ красоту, т. к. въ природѣ нѣтъ безобразія. Учениками Венеціанова были, подававшій большія надежды Лавръ Плаховъ и извѣстный своими малороссійскими картинами, другъ Шевченка, В. И. Штернбергъ.

Бориспольцъ Платонъ Тимофѣевичъ, художникъ-любитель, пользовавшійся извѣстностью въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, былъ родомъ малороссіянинъ. Онъ родился въ м. Гоголевѣ, остерскаго уѣзда черниговской губерніи въ 1807 г. По профессіи своей онъ былъ—военный и живописью началъ заниматься уже будучи среднихъ лѣтъ. Послѣдніе годы его жизни были крайне несчастны: онъ потерялъ зрѣніе. Біографическая замѣтка о немъ написана скульпторомъ Рамазановымъ и помѣщена въ его «Матерьялахъ для исторіи художествъ въ Россіи». Въ кіевской церкви св. Андрея находится большая картина Бориспольца, изображающая водруженіе креста апостоломъ Андреемъ на кіевскихъ холмахъ.

Картины Боровиковскаго. Въ петербургскомъ эрмитажѣ помѣщена еще одна, вторая послѣ портрета персидскаго принца, картина Боровиковскаго,—портретъ Д. П. Трощинскаго, недавно пріобрѣтенный дирекціей эрмитажа въ Варшавѣ. Въ мартѣ нынѣшняго года въ одномъ изъ антикварныхъ магазиновъ Петербурга найдена и пріобрѣтена писателемъ І. І. Ясинскимъ маленькая картинка Боровиковскаго «Христосъ въ гробу», представляющая первую мысль или набросокъ «Плащаницы» того же мастера, находящейся теперь въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ и доставленной туда изъ одной изъ церквей г. Миргорода, для которой она была написана художникомъ.

Гравированные портреты южнорус. дѣятелей, изъ числа рѣдкихъ, продавались недавно на двухъ аукціонахъ художественныхъ коллекцій въ Москвѣ и Петербургѣ. На распродажѣ вещей кн. Б. А. Лобанова-Ростовскаго проданы: Богданъ Хмельницкій—Гондіуса, Юрій Хмельницкій—Боначины и Боровиковскій (собственный офортъ), по очень низкимъ цѣнамъ, въ составѣ цѣлыхъ пачекъ гравюръ. По каталогу коллекціи гравюръ В. А. Тюляева, распроданной въ Москвѣ, въ его огромномъ собраніи значатся портреты многихъ малороссіянъ. Вотъ нѣкоторыя цѣны, къ свѣдѣнью собирателей, какъ онѣ приведены въ этомъ каталогѣ, составленномъ Баснинымъ. Канцлеръ Безбородко (съ Лампи) грав. Валькера—40 р., Дмитрій Ростовскій (съ Ротари)—30 р., Гетм. П. Дорошенко—15 р., Кириллъ Разумовскій, Шмидта, съ Токе—30 р., Іоасафъ Горленко—10 р., Трощинскій гр. Ухтомскаго съ Боровиковскаго—20 р., Юрій Хмельницкій-Боначины—3 р., Платонъ Гамалѣя. Уткина—5 р., Щепкинъ Файта—4 р., Св. Варвара, (писалъ І. Шигура въ Кіевѣ, гравировалъ Шлейенъ—1741) старый оттискъ—30 р., новый—5 р., Яковлевъ, гравюра южнорусскаго артиста Сребреницкаго, работавшаго въ Петербургѣ въ половинѣ XVIII в.—30 р. и т. д.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Подполковн. В. Г. Летучаго—3 руб., Н. А. Летучей—1 р.; Анны и Дмитрія Черѓинцевыхъ—1 р.;

М. А. Рекало, Маруси Краснюкъ, Манжерона—по 1 руб.; А. Горидька, Антоновскаго, Хачикова, Я. Каковскаго, Синьковскаго, И. Броварова—по 50 коп., *всего—11 рублей*, что, вмѣстѣ съ прежними (см. № 4-й 1897 г.) *671 р. 52 к.*, составитъ—*682 р. 52 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго. *Часть вторая. 1859—1897. Москва, 1897.* (*Стр. 385*).

Первая часть историческихъ сочиненій г. Ил. вышла еще въ 1884 г. Въ нее вошли три крупныя монографіи по исторіи Рязанскаго княжества и жизнеописанія Дашковой и гр. Якова Сиверса. Настоящимъ томомъ плодовитый московскій историкъ рѣшилъ закончить подведеніе итоговъ своей научной и литературной дѣятельности. Въ эту серію не вошли обширныя работы о началѣ Руси и по исторіи Россіи (пять томовъ), о Гродненскомъ сеймѣ 1793 г., очерки и разсказы изъ древней и средней исторіи, вышедшіе отдѣльно, а также мелкія публицистическія сочиненія, изданныя особо въ двухъ выпускахъ.

Съ выходомъ названнаго въ заголовкѣ тома читатель имѣетъ полную возможность составить себѣ полное представленіе о научной физіономіи московскаго историка, работавшаго перомъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ въ весьма разнообразныхъ областяхъ: политической и гражданской исторіи, русской и иностранной, археологіи, публицистики, финансовъ, современной политики и педагогіи. Авторъ съ нѣсколько преувеличенною, какъ мнѣ кажется, скромностью заявляетъ въ предисловіи, что нисколько не обольщается мыслью о существованіи какой-либо потребности въ настоящемъ сборникѣ, о возбужденіи какого-либо интереса къ нему въ современной печати и въ читающей публикѣ, что онъ просто желалъ закончить подведеніе итоговъ своей работы, такъ какъ послѣ него едва ли кто взялъ бы на себя эту неблагодарную задачу. Дѣйствительно, собрать всѣ мелкія статьи, замѣтки и рефераты г. Ил. за 40 лѣтъ—задача весьма не

легкая, но для полной характеристики писателя столь плодовитаго и многосторонняго совершенно неизбѣжная и какъ нельзя болѣе умѣстная.

Нашъ авторъ въ послѣднее время рѣзко примкнулъ къ опредѣленному лагерю въ вопросахъ современной экономической и государственной политики. Увлеченіе его этими вопросами несомнѣнно страдаетъ односторонностью и невыдержанностью, и оно-то, кажется, отчасти затмило заслуги автора на полѣ отечественной исторіи. Между тѣмъ, Иловайскій—публицистъ и Иловайскій—историкъ величины безусловно несоизмѣримыя. Въ историческихъ своихъ работахъ авторъ обнаруживаетъ большую начитанность, неутомимое трудолюбіе, нерѣдко способность къ острому анализу. Въ полемикѣ по историческимъ вопросамъ онъ ставитъ пункты разногласія рѣзко, не щадитъ противниковъ, но всегда готовъ согласиться съ разумными возраженіями. Тонъ его полемики рѣзокъ, но безъ грубости, упоренъ, но безъ упрямства, и, за рѣдкими исключеніями, приличенъ и направленъ на существо дѣла, а не на побочныя и личныя обстоятельства. Достойно замѣчанія, что при всей односторонности своихъ національныхъ увлеченій по современнымъ вопросамъ, г. Ил. неизмѣнно стремится сохранить въ вопросахъ прежней русской исторіи безпристрастіе и здравый смыслъ, не давая перевѣса своимъ излюбленнымъ и спорнымъ для другихъ любимымъ идеямъ тамъ, гдѣ онѣ не находятъ оправданія въ суровыхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, въ произведеніяхъ этого писателя мирно уживаются два противоположныя теченія, обыкновенно исключающія другъ друга, и треволненія минуты отходятъ на задній планъ, когда авторъ дѣлаетъ настоящее свое дѣло. Къ достоинствамъ историческихъ трудовъ г. Ил. слѣдуетъ отнести еще рѣдкую ясность изложенія, иногда не безъ ущерба для убѣдительности тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о матеріяхъ запутанныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросахъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ ознакомленіе съ трудами г. Иловайскаго совершенно необходимымъ для всякаго, интересующагося судьбами исторической науки въ Россіи. Въ частности, нельзя не отмѣтить того вниманія, которое авторъ издавна удѣляетъ въ своихъ работахъ исторіи южной Руси, Польши и Литвы, въ связи съ чѣмъ находится и изложеніе соотвѣтственныхъ отдѣловъ обширной его «Исторіи Россіи», первый томъ которой появился еще въ 1876 г.

Въ литературной дѣятельности писателя столь плодовитаго, какъ г. Ил., неизбѣжно наберется десятокъ—другой замѣтокъ, мелкихъ

статей, компиляцій, воспоминаній и т. п., имѣющихъ только библіографическое значеніе. Таково большинство пьесъ и настоящаго сборника: съ развитіемъ историческихъ познаній, въ этихъ пьесахъ свѣдущій читатель мало встрѣтитъ новаго, но и онѣ пригодятся для справокъ и для сравненія съ тѣмъ, что сдѣлано послѣдующими изслѣдователями. Въ частности, по исторіи южной Руси, Польши и Литвы читатель встрѣтитъ въ настоящемъ сборникѣ рядъ статей и замѣтокъ, не лишенныхъ интереса. Таковы, напр.: «Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзіи» (1859 г.), о дружинной княжеской поэзіи въ древней Руси (1879 г.), о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, какъ историческомъ лицѣ (1893 г., стр. 102—127), о происхожденіи русской земли (1881 г.), о вѣчевой степени (1865 г.), о народности даковъ (1873 г.), о тмутараканскихъ памятникахъ (1875 г.), о древнемъ Галичѣ на Днѣстрѣ (1877 г.) и построеніи Холма (1881 и 1885 г.), о ханской басмѣ 1897 г.). Съ интересомъ же будутъ прочтены и живые очерки компилятивнаго характера по исторіи Польши: «коронный мечникъ Яблоновскій» (1862 г.). «Польскіе сеймики половины XVIII в.» (1862 г.), о народныхъ движеніяхъ на Подоліи и Волыни конца XVIII в. (1863 г.), «Послѣ раздѣла» (1864 г.), «Изъ польскаго быта» (1863 г.). Нѣсколько смутное впечатлѣніе производятъ лингвистическіе экскурсы г. Ил., напр.—его объясненіе имени даковъ отъ влаховъ, а влаховъ отъ галловъ, валловъ, Декебала или Декевала, а послѣдняго—путемъ аналогіи съ Святославомъ, Вячеславомъ и пр., гдѣ окончаніе—славъ—указываетъ будто-бы на ихъ славянскую народность; объясненіе тмутараканскаго болвана корнемъ *бал*—бревно: балка, балясы, чурбанъ, волна, балагурить, взбалтывать, баламутить, взбалмошный, баловаться; отсюда волна морская, проливъ—тмутар. проливъ, т. е. собственно побережье, какъ Поморье, Посулье; Бурликъ, Балъ—рукава Кубани—«бурливый «Керченскій проливъ и балванъ Слова о полку Игоревѣ (27 сл., 363 сл.). Указываю на эти историческіе курьезы лишь для того, чтобы отмѣтить безвредную слабость г. Ил. къ лингвистикѣ, столь же характерную для этого многосторонняго писателя, какъ и его колебательность въ «исторической поминкѣ о М. Н. Катковѣ» (332—361), въ свое время не допущенной къ печати, вѣроятно, вслѣдствіе неудобной откровенности нашего историка-публициста, и появившейся въ «Рус. Архивѣ» только въ текущемъ году. Въ этой «поминкѣ» читатель встрѣтитъ, между прочимъ, достаточно откровенное объясненіе причинъ особаго отношенія покойнаго публициста къ т. н. еврейскому вопросу (стр. 337).

Приходится сожалѣть, что на стр. 362 настоящаго сборника г. Ил. не выбросилъ второго примѣчанія, гдѣ отваживается раскрывать чужой анонимъ (впрочемъ, въ видѣ догадки): такіе пріемы всегда производятъ тяжелое впечатлѣніе.

Н. М.

Труды перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ подольской губерніи въ г. Проскуровѣ 1896 года. (*Кіевъ, 1897*). *Стр. 144.*

Засѣданія съѣзда происходили 28—31 августа 1896 г. подъ предсѣдательствомъ управляющаго госуд. имущ. кіевской и подольской губерній, при участіи 106 членовъ изъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ и управляющихъ имѣніями подольской губерніи и нѣк. др. лицъ, получившихъ агрономическое образованіе. На обсужденіе было поставлено 8 вопросовъ: объ организаціи сельско-хозяйственнаго общества въ подольской губ., объ открытіи низшей сельско-хозяйственной школы въ одномъ изъ уѣздовъ ея, о взаимномъ страхованіи, о взаимномъ денежномъ кредитѣ, о непосредственной закупкѣ правительствомъ сельско-хоз. продуктовъ у землевладѣльцевъ, о сервитутахъ и разверстаніи угодій, о регулированіи отношеній хозяевъ и рабочихъ и, наконецъ, о пошлинахъ на заграничныя сельско-хозяйств. машины и орудія.

По вопросу объ открытіи с.-хоз. общества и учрежденіи школы выработаны проекты уставовъ, которые поступили на утвержденіе центральныхъ учрежденій. При этомъ на содержаніе школы предположено обложить частновладѣльческія земли 1 коп. съ десятины, что можетъ составить до 16.000 руб. Вопросы о взаимномъ страхованіи и взаимномъ кредитѣ оставлены до учрежденія с.-хоз. общества. О закупкѣ сельско-хоз. продуктовъ рефератовъ не было представлено. По вопросу объ урегулированіи отношеній хозяевъ и рабочихъ обѣщанъ, но не представленъ, рефератъ г. Забѣлло, который ограничился нѣсколькими словесными заявленіями, весьма неясными, относительно важности кооперативнаго начала и въ частности кооперативно-пайщицкой формы участія въ прибыляхъ хозяйства. Съѣздъ призналъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не законодательствомъ, а на нравственной почвѣ, создаваемой временемъ, почему вопросъ и остался открытымъ.

Наиболѣе оживленныя пренія вызвали вопросы о разверстаніи и отмѣнѣ покровительственныхъ пошлинъ на заграничныя машины и орудія.

Какъ и слѣдовало ожидать, подольскіе землевладѣльцы крайне недовольны существованіемъ сервитутовъ въ неразверстанныхъ имѣніяхъ и предлагаютъ рядъ мѣръ для устраненія этого вреднаго для нихъ положенія. Такъ, напр., кн. П. П. Трубецкой (стр. 71) предлагаетъ даже устранить земскую давность въ дѣлахъ о возстановленіи правъ помѣщиковъ на захваченныя крестьянами земли, т. е. отмѣнить одинъ изъ главныхъ устоевъ незыблемости владѣнія недвижимостью; Г. Финкельштейнъ считаетъ (стр. 76), что съ уничтоженіемъ права выпаса на помѣщичьихъ земляхъ крестьянамъ достаточно прирѣзать $3-3^1/_2\,^0/_0$ помѣщичьей земли въ вознагражденіе за отмѣненный сервитутъ. Г. Косткевичъ (стр. 79) полагаетъ, что вопросъ слѣдуетъ разрѣшить уступкой крестьянамъ минимальнаго $^0/_0$ помѣщичьей пахати, предоставивъ землевладѣльцамъ право составленія проектовъ удобнаго и выгоднаго разверстанія, а равно право добровольныхъ сдѣлокъ и условій, назначивъ самый кратчайшій срокъ на ихъ совершеніе. Г. Боржевскій, на основаніи до крайности шаткихъ статистическихъ данныхъ, разсчитываетъ, что за 10 лѣтъ владѣльцы неразверстанныхъ имѣній несправедливо потеряли до $10^1/_2$ мил. рублей и что крестьянамъ слѣдуетъ отдать 10 дес. 750 кв. саж. за 100 дес. помѣщичьей толоки, обремененной сервитутомъ (84), а самое разверстаніе, по его мнѣнію, слѣдуетъ возложить на особыя коммисіи съ назначеніемъ въ нихъ членовъ отъ дворянскаго сословія (93). Г. Модзелевскій (99) повидимому полагаетъ, что крестьянъ вовсе не слѣдуетъ вознаграждать за пастбищный сервитутъ, ибо право пастьбы на толокахъ не есть сервитутъ, а взаимная услуга. Словомъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Разумѣется, мнѣнія свободны, но желательно лишь, чтобы при рѣшеніи этого труднаго вопроса было соблюдено правило: audiatur et altera pars, такъ какъ мнѣнія однихъ землевладѣльцевъ въ этомъ отношеніи неизлечимо односторонни. Съѣздъ, имѣя въ виду трудность вопроса, постановилъ ходатайствовать о скорѣйшемъ введеніи въ губерніи генеральнаго межеванія на общемъ основаніи, а при невозможности этого—объ учрежденіи мѣстныхъ коммисій для подробнаго практическаго изслѣдованія сервитутнаго вопроса, съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, по назначенію губернатора.

По вопросу о пошлинахъ на машины съѣздъ съ великимъ единодушіемъ призналъ разорительное ихъ вліяніе на сельское хозяйство и безцѣльность въ смыслѣ поднятія этой отрасли промышлен-

ности, почему и постановилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ пошлинъ какъ съ самихъ машинъ и орудій, такъ и съ частей ихъ.

Закончимъ нашъ отчетъ краснорѣчивою выдержкою изъ реферата г. Міодушевскаго о необходимости открытія сельско-хоз. школы (38): «Сельско-хозяйственная страна, не имѣющая до сихъ поръ дешеваго взаимнаго кредита, такого же взаимнаго страхованія, не успѣвшая до сихъ поръ разверстать своихъ угодій, съ неустановившимися еще правильными отношеніями между работодателемъ и работникомъ, хронически страдающая отъ всякаго рода эпизоотій и конокрадства, празднующая въ году свыше 160 дней, въ исключительныхъ только случаяхъ вводящая сѣвооборотъ,—такая страна съ величайшимъ развѣ напряженіемъ можетъ переживать внезапно разразившійся надъ всѣмъ міромъ сельско-хозяйственный кризисъ... Прежде всего бросается въ глаза страшная тьма, въ которой прозябаетъ нашъ крестьянинъ. Сопоставляя положеніе нашихъ городовъ, въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ совершенно измѣнившихъ свой видъ, съ положеніемъ нашихъ селъ и деревень, наглядно убѣждаемся, что послѣднія до сихъ поръ еще не получили должнаго экономическаго толчка, который бы прервалъ ихъ вѣковой сонъ. Все тѣ же лачужки, вмѣсто сколько нибудь благообразныхъ домовъ, тѣ же тѣнистые, но мало производительные, вишневые по большей части садики, тѣ же тощія, изморенныя, именуемыя лошадьми, животныя, тѣ-же засоренныя навозомъ и всякою нечистью усадьбы и тѣ же истощенныя и плохо воздѣланныя поля».

Необходимо побольше профессіональныхъ школъ. Проектъ одной изъ такихъ школъ и составленъ. При этомъ выяснилось курьезное обстоятельство. Нормальное положеніе 27 декабря 1883 г., между прочимъ, гласитъ, что пособіе правительства низшимъ сельско-хоз. школамъ можетъ заключаться въ отводѣ участковъ казенной земли, въ размѣрѣ не болѣе 500 дес. каждой школѣ, для безвозмезднаго пользованія на все время существованія. Но г. предсѣдатель съѣзда разъяснилъ, что въ подольской губерніи казенныхъ удобныхъ земель, которыя могли-бы быть отведены для школы въ размѣрѣ до 500 десятинъ, не имѣется. Членъ съѣзда г. Собанскій заявилъ (стр. 49), что отецъ его въ 1896 году предполагалъ открыть въ своемъ имѣніи при м. Ободовкѣ ольгоп. у. низшую с.-хоз. школу, жертвуя необходимыя постройки, около 3000 р. пособія ежегодно въ теченіи 15—20 лѣтъ и давая возможность ученикамъ практиковаться въ его обширномъ хозяйствѣ, гдѣ есть сахарный и винокуренный заводы, мельница, свекловичныя плантаціи, устроенные лѣса съ питомниками и

пр. Но на это ходатайство объявлено было, что открытіе школы на этихъ началахъ едва-ли возможно, въ виду серьезныхъ отступленій отъ нормальнаго устава для низшей школы. Г. Собанскій вновь заявилъ готовность жертвовать по 3000 р. въ теченіи 15—20 лѣтъ на открытіе школы въ другомъ мѣстѣ, но съ тѣмъ, чтобы въ ту школу были допускаемы дѣти всѣхъ сословій, безъ различія вѣроисповѣданій. На вопросъ г. Бущинскаго, можетъ-ли быть измѣняема программа школы, г. предсѣдатель съѣзда объяснилъ, что нормальный уставъ не подлежитъ измѣненію. Если бы кто либо изъ землевладѣльцевъ пожелалъ открыть школу по нормальному уставу, то это могло-бы быть разрѣшено министерствомъ безъ замедленія, всякое же отступленіе отъ такого устава требуетъ утвержденія законодательнымъ порядкомъ и потому можетъ быть разрѣшено, конечно, не такъ скоро. Это какой то фатальный circulus vitiosus.

Н. М.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки.

Вып. II. Вильна, 1897 г. in—4. XIV+152 стр.

Грустное впечатлѣніе на всякаго, кто сколько нибудь знакомъ съ библіотечнымъ и архивнымъ дѣломъ, производитъ эта книга.

Начнемъ съ заглавія, которое неправильно передаетъ содержаніе всего, собраннаго подъ нимъ. Это вовсе не описаніе отдѣленія, какъ помѣщенія для рукописей, а старыхъ дѣлъ и документовъ, хранящихся въ отдѣленіи, въ чемъ читатель можетъ и убѣдиться, пробѣжавъ двѣ-три страницы послѣ «предисловія». Намъ кажется, нужно строго различать понятія: описаніе рукописнаго отдѣленія и описаніе старыхъ дѣлъ и документовъ рукописнаго отдѣленія. Не вѣрно это заглавіе и потому, что въ книгѣ центръ тяжести заключается не въ описаніи «отдѣленія», а въ приложенныхъ матеріалахъ. Изъ 152-хъ страницъ ея только пятая часть (29 страницъ) заняты «описаніемъ»; остальныя же $^4/_5$ (123 страницы) отданы подъ помѣщеніе на нихъ сырого матеріала: привилегій пинскому францисканскому монастырю и инвентарей столовыхъ имѣній виленскихъ римско-католическихъ епископовъ. Книга принимаетъ, такимъ образомъ, вполнѣ форму «актовъ», издаваемыхъ виленской археографической коммиссіей; да и форматъ описанія отдѣленія такой же, какъ и актовъ; разница лишь въ количествѣ страницъ, которыхъ въ «актахъ» всегда до полутысячи.

Описанныя дѣла и документы принадлежали прежде Виленскому Капитульному архиву и переданы теперь совершенно не туда, куда слѣдовало бы—въ виленскую публичную библіотеку. Такая неправильная передача документовъ и дѣлъ въ библіотеки, а не въ архивы, составляетъ, впрочемъ, вину, общую многимъ учрежденіямъ судебнымъ и административнымъ, не умѣющимъ различать, что слѣдуетъ передать изъ рукописей въ библіотеки и что въ архивы; но въ такихъ случаяхъ библіотеки сами должны были бы указывать дорогу, куда и какія рукописи слѣдуетъ направить. Къ сожалѣнію и этого не бываетъ: многія библіотеки принимаютъ то, что имъ вовсе не должно принадлежать. А между тѣмъ дѣлать разграниченіе вовсе не такъ трудно, стоитъ лишь принять за правило, что въ рукописныя отдѣленія библіотекъ должны быть принимаемы одни рукописныя сочиненія по разнымъ научнымъ предметамъ (богословію, философіи, исторіи, литературѣ и проч.), записки, мемуары и проч., не имѣющіе оффиціальнаго характера; всѣ же рукописи оффиціальнаго происхожденія: дипломатическая и административная переписка, всѣ юридическіе акты и судебные приговоры и рѣшенія (свѣтскія или духовныя) должны быть направляемы въ архивы. Въ нашихъ же библіотекахъ и архивахъ въ этомъ отношеніи царитъ полный хаосъ, и историка до нужныхъ ему оффиціальныхъ документовъ доводятъ лишь указанія добрыхъ людей (какъ языкъ до Кіева). Эту общую ошибку повторила и виленская публичная библіотека, принявъ на храненіе въ свое рукописное отдѣленіе юридическіе акты виленскаго капитульнаго архива, тогда какъ настоящее имъ мѣсто въ виленскомъ центральномъ архивѣ, въ крайнемъ случаѣ—въ архивѣ виленской археографической коммиссіи.

Для характеристики содержанія документовъ, зарегистрованныхъ въ «описаніи отдѣленія», сдѣлаемъ выписку изъ «предисловія», принадлежащаго г. Ф. Добрянскому. «Всѣ рукописи, говоритъ онъ, переданныя изъ капитульнаго архива и напечатанныя въ первыхъ двухъ выпускахъ (здѣсь г. Добрянскій, конечно, обмолвился: всѣ рукописи не только не были напечатаны, но даже и не всѣ описаны въ двухъ выпускахъ, если подъ послѣдними авторъ разумѣетъ разбираемый выпускъ и предшествовавшій ему первый; въ самомъ началѣ «предисловія» имъ же самимъ сказано: «въ настоящемъ второмъ выпускѣ это описаніе подвинуто близко къ окончанію»), имѣютъ такое или иное отношеніе къ исторіи въ сѣверо-западной Россіи и заключаютъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, освѣщающихъ ту или другую

сторону жизни римско-католической церкви въ этомъ краѣ. Такъ, помѣщенные въ первомъ выпускѣ инвентари и визиты костеловъ знакомятъ насъ, главнымъ образомъ, съ мѣстами, гдѣ и какъ водворялось латинство, и съ предметами, имѣющими отношеніе, такъ сказать, къ внѣшней, видимой сторонѣ латинской церкви, какъ то: съ внѣшнимъ видомъ и наличнымъ состояніемъ костеловъ, костельною утварью, домами духовенства и т. п. Рукописи второго выпуска восполняютъ свѣдѣнія, заключающіяся въ рукописяхъ перваго: онѣ знакомятъ насъ съ людьми, проводившими латинство въ жизнь, поддерживавшими и распространявшими его, вообще съ представителями латинства и ихъ дѣятельностью. Въ этомъ отношеніи рукописи, описанныя во второмъ выпускѣ, имѣютъ большее значеніе и представляютъ научный интересъ не меньшій, чѣмъ рукописи, вошедшія въ первый выпускъ»... Въ настоящемъ выпускѣ описаны оффиціальная и частная переписка виленскихъ епископовъ; распоряженія ихъ по управленію епархіей; дѣла римско-католической духовной консисторіи: о совращеніи въ латинство, главнымъ образомъ, бывшихъ уніатовъ, объ обращеніи въ католичество евреевъ и магометанъ; о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ между собой, о преступленіяхъ ихъ разслѣдованія по жалобамъ прихожанъ на духовенство, о постройкѣ и ремонтѣ костеловъ, о приходскихъ школахъ, монастырскихъ и костельныхъ имѣніяхъ, о фундушахъ на семинарію, академію и проч.; наконецъ, пергаминные юридическіе акты: королевскія привиллегіи, папскія буллы, индульгенціи и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько рукописныхъ книгъ богословскаго и историческаго содержанія; эти то послѣднія и могутъ только принадлежать публичной библіотекѣ; всѣ же остальныя должны быть переданы въ центральный архивъ.

Переходимъ теперь къ самому описанію отдѣленія или, говоря точнѣе, къ описанію дѣлъ и отдѣльныхъ документовъ. Дѣла и документы расположены по шкапамъ; каждый шканъ имѣетъ свою особенную нумерацію. Составитель описанія дѣлаетъ еще попытку группировки матеріала по содержанію, но крайне неудачно: самыя рубрики отличаются крайней неопредѣленностью. Напр., дѣла о костелахъ; сюда входятъ дѣла о школахъ и бракоразводныя; въ рубрикѣ: о «совращеніи въ латинство» описаны: «дѣло по жалобѣ Маріанны Саладзинской о принужденіи ея къ принятію православія», «дѣло о лицахъ, присоединившихся къ православію и т. д.; въ группѣ инвентарей вы найдете много юридическихъ актовъ и наоборотъ. Не всѣ, однако, документы описаны толково и обстоятельно; этимъ качествомъ

могутъ похвалиться только пергаминныя грамоты; въ другихъ отдѣлахъ много неясности и неопредѣленности; въ большинствѣ же случаевъ авторъ, чтобы избѣжать просмотръ дѣла, ограничивается копировкой стараго канцелярскаго заголовка дѣла, оставляя даже безъ измѣненія языкъ описи, что производитъ впечатлѣніе смѣси французскаго съ нижегородскимъ, а между тѣмъ старая опись на обложкахъ дѣлъ неполна, хотя очень часто бываетъ точна. Возьмемъ первыя случайно попавшіяся описи: «Дѣло о предметахъ, соприкосновенныхъ съ православнымъ духовенствомъ». Догадывайтесь, о какихъ это предметахъ идетъ рѣчь. (Дѣло № 63 шкапъ 54). Или: «Dzieło o skardze kosystorza unitskiego na karmelity Loswirskiego klasztoru x. Sawieriego, kapelana kaplicy Pomoskieg 1839. Но о чемъ жалоба—неизвѣстно, а составитель не дополнилъ содержанія описи. Напрасно также составителемъ описанія оставленъ прекрасный канцелярскій обычай обозначать въ дѣлахъ начало и конецъ его; эти числа очень часто разрушаютъ предубѣжденіе о старой канцелярской волокитѣ; многія дѣла, напротивъ, рѣшались скоро; но и помимо этого, для лица, разыскивающаго документы, очень важно знать границы дѣла во времени.

Не желательнымъ намъ кажется нововведеніе автора описанія не обозначать и въ дѣлахъ и въ книгахъ число листовъ; это вѣдь важно и для лица, пользующагося описью, и для самаго учрежденія, хранящаго документы. Также ужъ слишкомъ кратко сдѣлана опись философскихъ и естественно-историческихъ рукописей; приведены одни общіе заголовки, а литовскій языкъ, какъ и польскій, оставлены безъ перевода.

Намъ слѣдовало бы сказать въ заключеніе что нибудь о «Приложеніяхъ»; но мы и то ужъ слишкомъ долго разсматриваемъ «описаніе» отдѣленія. Однако и здѣсь мы находимъ тоже нарушеніе установившихся археографическихъ обычаевъ: отдѣльные документы оставлены безъ подробной описи, имѣя одно общее: привилегіи и конфирмаціи Пинскому францисканскаму монастырю; инвентари Завилейскихъ ключей виленской епископіи. Подъ привилегіями не означено, изъ какой книги они взяты, и ставятъ читателя въ недоумѣніе,—окончены они или слѣдуетъ ждать продолженія. Напечатаны цѣликомъ двѣ книги. Такимъ образомъ, весь трудъ составителя «Описанія» сводится къ простой копировкѣ заглавій старыхъ и къ недолгому мудрствованію надъ выборомъ для печати сырья. Такое отношеніе къ требованіямъ археографіи дѣйствуетъ на читателя удручающе, а между тѣмъ

изъ «Описанія» видно, что въ библіотекѣ имѣются въ высокой степени важныя и интересныя въ бытовомъ отношеніи дѣла, одна обстоятельная и хорошая опись которыхъ могла бы дать много историку, какъ это даетъ, напр., опись пергаминныхъ грамотъ, за которую нельзя не сказать автору горячее спасибо.

И. Каманинъ.

Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи № 26 (годъ 11-й). Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. *Симферополь 1897 г., стр. 176.*

Сообщавшіеся въ предшествовавшихъ книжкахъ «Извѣстій» г. Г. К. Кирѣенкомъ Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1796 г. окончились, кажется, потому что въ оглавленіи помѣчено: «окончаніе» и послѣдній ордеръ относится къ 3-му декабря; но между заголовкомъ этого матеріала и самими ордерами читаемъ: «продолженіе». Что же это, продолженіе окончанія? О достоинствѣ системы изданія ордеровъ и важности ихъ самихъ мы говорили въ прежнихъ рецензіяхъ и теперь повторять не будемъ. Оканчивается здѣсь же и другой матеріалъ: «Сборникъ документовъ по исторіи Крымско-татарскаго землевладѣнія», собранный г. Ѳ. Ѳ. Лашковымъ; но этотъ матеріалъ оканчивается безъ всякаго сомнѣнія, ибо и въ оглавленіи и при самомъ матеріалѣ пояснено, что это окончаніе.

М. В. Довнаръ-Запольскій помѣстилъ въ своей «Замѣткѣ о Крымскихъ дѣлахъ въ Метрикѣ Литовской» общія указанія на документы, относящіеся къ сношеніямъ Крыма, Нагайской и Казанской ордъ съ Литвой; мѣстами эти указанія очень кратки, въ другихъ они болѣе подробны; такъ или иначе, но они очень важны, потому что облегчаютъ возможность, не роясь долго по книгамъ, отыскать все, что относится къ Крыму въ V-й, VI-й, VII-й и XII-й книгахъ Записей Литовской метрики. Эти замѣтки авторъ дѣлалъ, конечно, для себя сначала и лишь впослѣдствіи рѣшился ихъ напечатать въ «Извѣстіяхъ»; въ противномъ случаѣ онъ указывалъ бы даты документовъ и провѣрилъ бы, какія изъ нихъ уже напечатаны г. Пульскимъ въ его сочиненіи «Stosunki Polski z Tatarszczyzną od polowy XV wieku». Tom 1. Warszawa 1881. Теперь же замѣткой г. Довнаръ-Запольскаго можетъ воспользоваться лишь тотъ, кто будетъ имѣть

возможность работать въ Москвѣ надъ книгами Литовской Метрики. Книгу № XII Таврическая Коммиссія нашла особенно интересной и постановила, какъ значится въ протоколахъ ея, просить г. Довнаръ-Запольскаго скопировать ее.

Въ концѣ книги помѣщены протоколы засѣданій Таврической ученой архивной коммиссіи; въ нихъ весьма важны для насъ свѣдѣнія по разбору уничтожаемыхъ дѣлъ; такъ напр., Екатеринославская казенная палата, представившая свои описи Коммиссіи для отборки дѣлъ, важныхъ въ научномъ отношеніи, уничтожаетъ почти 19000 дѣлъ; но Коммиссія признала заслуживающими только просмотра, а не сохраненія до 200 дѣлъ. Между тѣмъ ихъ непремѣнно должно быть въ 20 разъ больше, такъ какъ уничтожаемыя дѣла принадлежатъ контрольному бывшему отдѣленію Палаты, куда присылались отчеты всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, т. е. все статистика. Изъ уничтожаемыхъ дѣлъ Симферопольскаго уѣзднаго полицейскаго управленія заслужили вниманія Коммиссіи лишь весьма немногія дѣла (изъ 932), а изъ дѣлъ Перекопскаго—оказалось нужнымъ просмотрѣть всего до 100 (изъ 3640).

На такое слишкомъ ужъ разборчивое отношеніе къ уничтожаемымъ дѣламъ было указано и въ письмѣ графа Ланского на Рижскомъ Археологическомъ съѣздѣ. Мы тѣмъ съ большимъ интересомъ узнаемъ о содержаніи этого весьма важнаго письма изъ отчета г. О. Ф. Ретовскаго о дѣятельности съѣзда, что сами не разъ указывали на это грустное явленіе въ дѣятельности нашихъ коммиссій. Гр. Ланской устанавливаетъ два справедливѣйшихъ факта: 1, что главною задачею коммиссій должно быть просматриваніе и сохраненіе архивныхъ дѣлъ; между тѣмъ ученыя коммиссіи занимаются больше археологіей и, прибавимъ мы отъ себя, спѣшатъ издавать вмѣсто описей дѣлъ историч. матеріалы, изображая изъ себя историческія общества и археографическія коммиссіи; 2, что часто уничтожаются важныя въ научномъ отношеніи дѣла вслѣдствіе или непониманія ихъ важности или невнимательности лицъ, которымъ поручается разборъ архивовъ; и потому гр. Ланской предлагалъ сохранять по возможности всѣ дѣла. Къ сожалѣнію, такъ какъ члены съѣзда, обсуждавшіе предложенія гр. Ланского, принадлежали къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ написано это письмо, то съѣздъ и не рѣшилъ этого дѣла какъ слѣдовало его рѣшить. А между тѣмъ онъ долженъ быть рѣшенъ спеціальной коммиссіей, составленной изъ свѣдущихъ лицъ, и ею должна быть выработана для руководства членовъ архивныхъ коммиссій программа,

какія дѣла можно уничтожать и какія должно сохранить; такими свѣдущими людьми могутъ быть признаны представители науки исторіи русскаго права, опытные архивисты и представители правительственныхъ учрежденій, какъ хорошо знакомые съ функціями своихъ учрежденій. Такую коммиссію лучше всего было бы собрать при Археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ хорошо уже и то, что безпощадное уничтоженіе архивными коммиссіями (состоящими, замѣтимъ кстати, совсѣмъ не изъ архивистовъ) старыхъ дѣлъ обратило на себя наконецъ вниманіе свѣдущихъ людей и объ этомъ возбужденъ вопросъ.

И Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ 1897 г.

Книжки Недѣли № 1—4.—Н. Н. Ге. Біографическій очеркъ. В. В. Стасова (№ 1) — Первыя три «статьи» этого очерка были напечатаны въ первыхъ трехъ книжкахъ «Сѣвернаго Вѣстника» 1895 г. (Дѣтство, Гимназія, Университетъ) и предпосланы въ краткомъ изложеніи послѣдующимъ главамъ, впервые появляющимся на страницахъ «книжекъ Недѣли». Матеріалами для біографическаго очерка служили автору «многочисленныя записки и черновыя бумаги самого Ге, разныя печатныя статьи, личныя воспоминанія», автора «наконецъ, большая масса писемъ Н. Н. Ге къ его друзьямъ и знакомымъ и этихъ послѣднихъ къ нему».

Изъ литературнаго міра.—(№ 3-й стр. 345). Подъ заглавіемъ—«Сынъ Украйны» помѣщенъ краткій отзывъ о покойномъ Пантелеймонѣ Александровичѣ Кулишѣ. «Дороже всего человѣку его родной языкъ, и на этомъ поприщѣ Кулишъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ борцовъ за малорусскую культурную самостоятельность. Онъ боролся за родной языкъ и въ спеціальныхъ трудахъ, и въ журналѣ «Основа», издававшемся по его иниціативѣ, и переводами европейскихъ классиковъ (Шекспира, Байрона и др.) на малорусскій языкъ. Наконецъ, самымъ замѣчательнымъ трудомъ его въ этой области является переводъ на малорусскій языкъ Евангелія, Пятикнижія и Псалтири, обращающійся нынѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Спеціальные труды Кулиша будутъ забыты, его произведенія не будутъ, можетъ быть, читаться, но память о немъ въ малорусскомъ народѣ сохранится.

В. Л. Дѣдловъ, при описаніи достопамятностей г. Тобольска, въ своихъ путевыхъ очеркахъ по Сибири, подъ заглавіемъ «Будущая Россія» (№ 4-й), упоминаетъ о полуразрушенной церкви 1686 года (Преображенской), въ иконостасѣ которой сохранилось нѣсколько десятковъ иконъ «образцовой живописи конца прошлаго столѣтія, говорящей о кисти Левицкаго и Боровиковскаго»... «Немудрено,—говоритъ авторъ—что это и въ самомъ дѣлѣ ихъ работа (вѣроятнѣй—послѣдняго), потому что иконопись прислана изъ Петербурга императрицей Екатериной. Каждое изображеніе могло-бы составить украшеніе любой церкви, любой исторической галлереи. Свѣжесть красокъ удивительна; доски, на которыхъ писаны иконы, великолѣпны:—пять лѣтъ сырости и сибирскихъ морозовъ почти не повліяли ни на тѣ, ни на другія. И такую драгоцѣнность держатъ въ навозѣ, чуть не подъ открытымъ небомъ, въ зданіи, которое каждый день можетъ разрушиться и превратить живопись въ щепы»!

Описывая дальше транспортъ ссыльныхъ, ѣхавшихъ на томъ-же пароходѣ, что и авторъ «очерковъ», онъ такъ характеризуетъ бывшихъ тамъ малороссовъ, ссылаемыхъ по приговору сельскихъ обществъ:

«Было много малороссовъ. Удивительные это люди, хохлы. На лица взглянуть, такъ не хорошо дѣлается: такія «порочныя»,—но всѣ безумно влюблены въ своихъ жинокъ. Сидятъ прижавшись другъ къ дружкѣ, какъ инсепарабли, и цѣлуются. Проголодаются, поѣдятъ, помолятся и опять цѣлуются. Изъ хохловъ былъ одинъ холостой, коренастый, плечистый малый, лѣтъ подъ тридцать, съ головой тычкомъ, носъ картошкой, волосы черные и щетинистые; черные глаза имѣли дикое собачье выраженіе. Этому не съ кѣмъ было цѣловаться, такъ онъ плясалъ. А это было возможно при остановкѣ парохода».

Во время одной изъ остановокъ изъ сосѣдней деревни вышла къ пристани толпа молодыхъ парней. «У одного въ рукахъ была большая гармоника. Ссыльные тотчасъ-же его окружили. Онъ твердо сталъ среди круга. Растолкавъ зрителей, вошелъ въ кругъ холостой хохолъ и тоже твердо и сталъ противъ музыканта.

— Козака!—сказалъ онъ и бросилъ на землю шапку.

Музыкантъ топнулъ ногой, тряхнулъ головой и—навѣрно не меньше получаса хохолъ выкидывалъ такія штуки ногами, руками и головой, что казалось даже неправдоподобно».

Въ этой-же «книжкѣ Недѣли» В. Стасовъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Н. Н. Ге» приводитъ отзывъ Д. Л. Мордовцева о томъ, какъ Ге писалъ портретъ Татьяны Петровны Костомаровой, матери историка. «Ге писалъ этотъ портретъ, говоритъ Д. Л. Мордовцевъ въ своей статьѣ «Пямяти Н. Н. Ге» —въ отсутствіе, помнится, Костомарова... Я тогда нерѣдко навѣщалъ старушку, и познакомился отчасти съ пріемами Ге, какъ точнѣе передать харак-

теръ и душу человѣка, портретъ съ котораго онъ писалъ. Художникъ не довольствовался изученіемъ лица своего объекта во время обыкновенной, спокойной бесѣды, когда старушка говорила о своемъ «Николаѣ», о его капризахъ; Н. Н. Ге забѣгалъ и въ кухню, гдѣ мать историка нерѣдко ссорилась съ сварливой кухаркой-чухонкой. «Это — нелишній матеріалъ для художника», говорилъ онъ улыбаясь. И портретъ вышелъ на славу: старушка, нѣкогда красавица, живетъ, дышетъ, думаетъ на полотнѣ, и о своемъ избалованномъ сынѣ, и о грубіянкѣ кухаркѣ».

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVII, 1897 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** *(Окончаніе).* . . . . . 1—47

II. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнишины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* 48—66 389—444

III. ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛТАВУ. (П. Г. В—ову). **А. Л.** . . . . 67—77

IV. БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ. Историчня драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ. **М. П. Старицкаго.** 78—123 . . . . . 208—289

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА **Н. С.** 124—156 *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . . . . 460—483

VI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ КЪ АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАПИСКѢ И. И. СЕРДЮКОВА, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» ЗА 1896 Г. **М. Номиса.** . . . . . 157—162

VII. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРѢ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАНДРОВИЧА и АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ (ГАННЫ БАРВИНОКЪ) КУЛИШЪ. **М. Лободовскаго.** . . . . . 163—176

стр.

VIII. ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА. (Историко-критическій очеркъ). К. Харламповича. 177—207 . . . . . 363—388

IX. ЮНЫЕ ГОДЫ П. А. КУЛИША. М. Чалаго. . . . . 291—299

X. НАДЪ ВЕЛИКИМЪ ЛУГОМЪ ДНѢПРОВСКИМЪ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ) Л. Падалки . . . . . 300—315

XI. СКАЗАНІЕ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ. Ѳ. Кудринскаго. . . . 316—338

XII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. А. КУЛИША. . . . . 339—362

XIII. КЪ ИСТОРІИ ЧУМНОЙ ЭПИДЕМІИ ВЪ КІЕВѢ 1770—1771 г.г. Протоіерея П. Орловскаго . . . . . 445—483

XIV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (1862 годъ). *(Окончаніе слѣдуетъ).* . . . . . 484—512

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. К. Здравомыслова. б) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. А. Л. в) Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. П. Голубовскаго. г) Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. д) Польскій король Янъ Казиміръ, Хмельницкій и греки. Сообщ. Н. М. е) Предполагаемое изданіе сказокъ. ж) Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ. (Некрологъ). з) Егоръ Степановичъ Гордѣенко. (Некрологъ). и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Два поддѣльныхъ историческихъ документа. А. Л. к) Благодарственное письмо кн. Меншикова кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ полтавской побѣдой. Сообщ. Н. М. л) Продажа кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. Сообщ. Н. М. м) Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. Сообщ. В. Ястребовъ. н) О стельной коровѣ. Сообщ. В. Ястребовъ. о) Сборъ съ православныхъ помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. Сообщ. О. Л.

СТР.

п) Письмо изъ Житомiра. р) Отзывъ гр. А. К. Толстого о малорусской народной музыкѣ. с) Поправка. **Б. Гринченка.** т) Расходы Рѣчи Посполитой на козацкихъ пословъ. **Н. Бѣляшевскаго.** у) Эпизодъ изъ исторiи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, васильковскаго уѣзда. ф) Вечеръ въ день Ивана Купала. х) Идолъ купалы въ г. Артыркѣ **А. А. Танкова.** ц) Вновь открытая стѣнная живопись въ г. Новгородсѣверскѣ. ч) Замѣтки по искусству. ш) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—21, 55—70 85—109

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Изъ исторiи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованiе М. И. Лилеева. **В. Иконникова.** б) О малороссiйскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. **А. Л.** в) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. **Н. С.** г) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. **А. С.** д) П. Я. Армашевскiй и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекцiи по геологiи и исторiи Кiева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. **Н. М.** Обзоръ журналовъ. е) Еще по поводу «Бѣлозерскаго Полѣсья» г. Довнаръ-Запольскаго. **А. Крымскаго.** ж) Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложенiемъ образцовъ народныхъ говоровъ. В. Шимановскаго. **К. М.** з) Записки наукового товариства iмени Шевченка Виходять у Львовi пiд редакциею Михайла Грушевського. Томы XIV—XV. **Н. М.** и) Русскiя древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. К. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ пятый. Курганы, древности и клады домонгольскаго перiода. **В. Щербины.** i) Старина и Новизна. **Н. С.** к) Историческiя сочиненiя Д. И. Иловайскаго. **Н. М.** л) Труды перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ подольской губернiи. въ г. Проскуровѣ 1896 года. **Н. М.** м) Описанiе рукописнаго отдѣленiя Виленской Публичной библiотеки. **И. Каманина.** н) Извѣстiя Таврической

стр.

ученой архивной комиссіи № 26 (годъ 11-й) Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. И. Каманина. о) Обозрѣніе журналовъ 22—54, 71—84, ... 110—122

ОБЪЯВЛЕНІЕ. . . . . 1—2

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Малороссійская свадьба (17—22).

2) Записки о Малороссійскихъ чинахъ Адріана Ивановича Чепы. (23—32) (33—39).

3) О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска (40 — 48), (49—68).

4) Ланкастерское училище въ Кіевѣ. (1—2).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» *(въ концѣ книги)*. 1

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139+Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповиданнія. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

[1] Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданнѣ С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Білорусія и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошниченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Иванов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський. **Мыхайло.** Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирник танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Украінський Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ премія гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбецъ. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.